

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Ю р и д и ч е с к и й ф а к у л ь т е т

Г. Н. БОРЗЕНКОВ

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Учебно-практическое пособие

Рекомендовано
УМО по юридическому образованию
высших учебных заведений Российской Федерации
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности “Юриспруденция”

Москва
ЗЕРЦАЛО-М
2005

УДК 343
ББК 67.408
Б82

ПОСВЯЩАЕТСЯ 250-летию
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Рецензент:
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Московской государственной юридической академии
Л. В. Иногамова-Хегай.

Борзенков Г. Н.

Б82 Квалификация преступлений против жизни и здоровья:
Учебно-практическое пособие. — М.: ИКД “Зерцало-М”, 2005.
— 144 с.

ISBN 5-94373-108-3

Учебное пособие посвящено проблеме квалификации преступлений против жизни и здоровья. Оно написано на основе анализа материалов судебной практики за время, прошедшее после введения в действие Уголовного кодекса Российской Федерации.

Автор учебного пособия — профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова — предназначает его студентам, аспирантам и преподавателям юридических вузов, а также практическим работникам правоохранительных органов.

УДК 343
ББК 67.408
Б82

ISBN 5-94373-108-3

© Г. Н. Борзенков, 2005
© Издательство “Зерцало”, 2005

Содержание

Предисловие	7
1. Преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности	9
2. Общая характеристика и классификация преступлений против жизни	12
2.1. Развитие системы преступлений против жизни в российском уголовном законодательстве	12
2.2. Понятие преступлений против жизни в уголовном праве Российской Федерации. Жизнь человека как непосредственный объект преступления	18
3. Понятие и основные признаки убийства. Состав простого убийства	22
3.1. Определение понятия убийства	22
3.2. Состав простого убийства	25
4. Квалифицированные виды убийства	34
4.1. Понятие квалифицированного убийства. Общая характеристика квалифицирующих признаков убийства	34
4.2. Квалифицирующие признаки, относящиеся к объекту убийства	36
4.2.1. Убийство двух или более лиц (п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ)	36
4.2.2. Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ)	42
4.2.3. Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ) ..	45
4.2.4. Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ)	52

4.3. Квалифицирующие признаки, относящиеся к объективной стороне убийства	53
4.3.1. Убийство с особой жестокостью (п. "д" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	53
4.3.2. Убийство, совершенное общеопасным способом (п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	60
4.3.3. Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	61
4.4. Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне убийства	65
4.4.1. Убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	65
4.4.2. Убийство из хулиганских побуждений (п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	76
4.4.3. Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	77
4.4.4. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. "л" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	79
4.4.5. Убийство с целью использования органов или тканей потерпевшего (п. "м" ч. 2 ст. 105 УК РФ)	80
5. Привилегированные виды убийства	82
5.1. Убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство) (ст. 106 УК РФ)	82
5.2. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ)	84
5.3. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ)	89
5.4. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ)	93
5.5. Проблема расширения привилегированных видов убийства	94
6. Иные преступления против жизни	98
6.1. Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)	98
6.2. Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)	99

7. Преступления против здоровья	103
7.1. Понятие и система преступлений против здоровья	103
7.2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)	107
7.3. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)	115
7.4. Побои и истязание (ст. 116 и 117 УК РФ)	116
7.5. Причинение вреда здоровью при наличии привилегированных обстоятельств и по неосторожности	118
7.6. Специальные виды причинения вреда здоровью (ст. 119—123 УК РФ)	119
7.7. Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье	121
Приложения	124
1. Преступления против жизни и здоровья. Глава 16 УК РФ	124
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)"	134

Предисловие

Предлагаемая читателю работа посвящена актуальной проблеме квалификации преступлений против жизни и здоровья по действующему УК РФ. Провозглашенная статьей 2 Конституции Российской Федерации концепция приоритетной защиты человека, его прав и свобод как высшей ценности находит воплощение и в нормах Уголовного кодекса. Ответственность за преступления против жизни и здоровья — одна из центральных проблем в Особенной части российского уголовного права. Это связано с повышенной опасностью посягательств на указанные объекты, их относительной распространенностью, трудностями юридической квалификации. Глава 16 “Преступления против жизни и здоровья” впервые помещена на первое место в Особенной части УК РФ. Многие формулировки составов данных преступлений, их основных и квалифицирующих признаков отличаются новизной и требуют внимательного анализа.

Современное высшее юридическое образование, оставаясь традиционно фундаментальным, во все большей мере сочетается с максимальной практизацией обучения. Научить студента как будущего правоприменителя процессу квалификации преступлений можно лишь путем широкого привлечения судебной практики. Работа написана на основе анализа материалов судебной практики преимущественно за период после введения в действие Уголовного кодекса РФ. Автор использует и собственный многолетний опыт чтения лекций по данной проблеме на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, а также проведения занятий с судьями на факультете повышения квалификации в Российской академии правосудия.

Соблюдая системность подачи материала, автор следует расположению соответствующих норм в главе 16 УК РФ. Однако при этом больше места и внимания уделяется тем преступлениям против жизни и здоровья, которые наиболее распространены, и тем проблемам, которые вызывают особые трудности в судебной практике. Более детально рассматриваются формулировки составов преступлений и их квалифицирующих признаков, которые являются новыми для нашего законодательства.

Касаясь спорных вопросов, по которым нет единства мнений и встречаются различные решения, автор ставит во главу угла такой критерий, как соответствие предлагаемых решений закону. При этом используются и положения Общей части. Такой подход помогает обосновать свою позицию по вопросу о квалификации убийства, совершенного одним субъектом с участием несубъектов (малолетних); по отграничению убийства нескольких лиц как единого преступления от их множественности и по некоторым другим вопросам.

Настоящее издание рекомендуется студентам, аспирантам, адъюнктам, изучающим уголовное право в образовательных учреждениях юридического профиля. Оно полезно и преподавателям юридических дисциплин. По своему содержанию и практической направленности, с учетом четкой внутренней структуры книга будет также ценным практическим пособием для судей, прокуроров, адвокатов, работников правоохранительных органов, слушателей системы повышения квалификации.

*Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
и криминологии МГУ им. М. В. Ломоносова*
В. С. КОМИССАРОВ

1. Преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности

Ответственность за преступления против жизни и здоровья — одна из центральных проблем в Особенной части уголовного права. Уголовный кодекс РФ не случайно выделяет данную группу преступлений. Это связано с повышенной опасностью посягательств на жизнь и здоровье, их относительной распространенностью, трудностью установления признаков состава преступления.

Особенная часть Уголовного кодекса РФ открывается разделом VII “Преступления против личности”, который включает пять глав: “Преступления против жизни и здоровья” (гл. 16); “Преступления против свободы, чести и достоинства личности” (гл. 17); “Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности” (гл. 18); “Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина” (гл. 19); “Преступления против семьи и несовершеннолетних” (гл. 20). Большинство составов преступлений, предусмотренных в данном разделе, имелись и в прежнем законодательстве, однако теперь они впервые объединены как преступления против личности и поставлены на первое место в Особенной части УК РФ. В прежних кодексах, вплоть до УК РСФСР 1960 г., Особенная часть начиналась с преступлений против государственных интересов.

Выдвижение группы преступлений против личности на первое место соответствует важнейшей концептуальной идее, положенной в основу действующего уголовного законодательства, а именно — приоритетной охране жизни и здоровья человека, его прав, свобод и законных интересов. Сама по себе эта концепция основывается на положениях Конституции РФ, провозгласившей: “Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства” (ст. 2). О приоритетной защите указанных благ говорится

также и во многих международных актах, которые признаны Российской Федерацией.

Приоритетная защита личности, и прежде всего жизни и здоровья человека, выражается в Уголовном кодексе РФ не только в изменении расположения раздела о преступлениях против личности, но и в других его особенностях: 1) установление (сохранение) высоких санкций за наиболее опасные преступления против личности; 2) учет при разработке санкций насильственного способа совершения преступлений; 3) при использовании в качестве криминообразующего или квалифицирующего признака тяжких последствий они раскрываются в законе путем указания в первую очередь на причинение смерти или вреда здоровью человека (особенно это заметно в транспортных, экологических и других преступлениях против общественной безопасности); 4) защита личной собственности наравне с государственной и иными формами собственности. Этой же идее служит расширение круга правоохраняемых интересов, охватываемых понятием “личность”. В прежнем законодательстве личность в качестве объекта уголовно-правовой охраны упоминается в наименовании соответствующей главы Особенной части (“Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности” — УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.), а в последнее время — в Общей части (ст. 1 УК РСФСР 1960 г.). Понятие личности в качестве родового объекта естественным путем возникло в результате объединения (интеграции) тех непосредственных объектов, о которых говорилось в соответствующей главе Особенной части УК: “Родовым объектом этих посягательств является личность, а непосредственными основными объектами такие блага личности, как жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство”¹.

В теории уголовного права отмечалось, что интересы личности защищаются и в тех главах УК, которые устанавливают уголовную ответственность за посягательства на личную собственность граждан, за нарушение их политических и трудовых прав, за возбуждение национальной или расовой вражды, за транспортные преступления и др.² Б. С. Никифоров называл преступления против личной собственности граждан “преступлениями против личности в широком смысле слова”³. Однако в узком, специальном смысле преступ-

¹ Советское уголовное право. Особенная часть / Под ред. профессоров Г. А. Кригера, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М.: Изд. МГУ, 1982. С. 138.

² См.: Курс советского уголовного права. Том V. М.: Наука, 1971. С. 8.

³ Никифоров Б. С. Наказание и его цели // Сов. государство и право. 1981. № 9. С. 67.

лениями против личности продолжали называть только преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства.

Уголовный кодекс РФ впервые включил в число преступлений против личности посягательства на конституционные права и свободы человека и гражданина, а также преступления против семьи и несовершеннолетних. В наименованиях глав 16—20 УК РФ четко обозначены те виды индивидуальных правовых благ личности, которые являются непосредственными объектами преступлений, предусмотренных соответствующей главой. Совокупность этих благ образует родовый объект¹.

Некоторое расширение круга составов преступлений в разделе “Преступления против личности” не следует рассматривать как основание для построения некоего надродового объекта. Каждое преступление, предусмотренное разделом VII, посягает на общественные отношения, обеспечивающие нормальное существование личности. Можно признать, что нет оснований для противопоставления категорий “личность” и “человек” в качестве объекта уголовно-правовой охраны. Личность как родовый объект преступлений — это человек, рассматриваемый в системе социальных ролей и общественных отношений. Он является одновременно и биологическим существом, и носителем определенных прав, обязанностей, свобод и социальных благ. В Уголовных кодексах Республики Беларусь и Грузии соответствующий раздел называется “Преступления против человека”. Однако содержимое этих разделов идентично разделу VII УК РФ. Понятие “личность” более подходит для обозначения родового объекта, поскольку социальный элемент занимает в нем больший объем, нежели в понятии “человек”.

Среди индивидуальных благ личности важнейшими являются жизнь и здоровье. Преступления против жизни и здоровья объединены в одной главе 16 УК РФ ввиду их сходства по социальной значимости и некоторым объективным и субъективным признакам. Однако каждая из этих двух групп преступлений имеет свой непосредственный объект. В рамках главы 16 они размещены отдельно. Поэтому анализ этих составов преступлений дается по каждой группе самостоятельно.

¹ См.: Красилов А. Н. Преступления против личности. Саратов. 1999. С. 8.

2. Общая характеристика и классификация преступлений против жизни

2.1. Развитие системы преступлений против жизни в российском уголовном законодательстве

Уголовно-правовая защита личности предполагает в первую очередь защиту жизни и здоровья человека. Уже в памятниках древнерусского права, важнейшим из которых является Русская Правда, предусматривалась ответственность за отдельные виды посягательств на жизнь. В первых судебных актах — Соборном уложении 1649 г., законодательных актах Петра I складывалась норма о преступлениях против жизни и здоровья, кодифицированная затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845—1885 гг. Многие нормы этого кодекса страдали казуистичностью и архаичностью формулировок, система составов преступлений против жизни выглядела внутренне противоречивой и запутанной, не соответствующей уровню науки. В нормах об ответственности за убийство отражался эклектический характер Уложения о наказаниях, источником которого явилось не только традиционное российское законодательство в лице Свода законов 1832—1842 гг. (том XV), но и некритически заимствованные положения зарубежных кодексов и проектов. Не случайно Н. С. Таганцев с порицанием относился к попыткам механического перенесения на российскую почву отдельных текстов, вырванных из зарубежного законодательства. По мнению многих исследователей уголовного права России XIX в., трудно обнаружить строгую систему в совокупности норм о преступлениях против жизни и здоровья в этом документе.

Огромная работа по подготовке реформы российского уголовного законодательства на рубеже XIX—XX вв., результатом которой явилось Уголовное уложение 1903 г., затронула и систему пре-

ступлений против жизни. Этот выдающийся памятник российского права, столетие которого недавно отмечалось, хотя и не стал в большей своей части действующим законом на основной территории России, но послужил основой для дальнейшего развития уголовного законодательства, в том числе о преступлениях против жизни. Поэтому сравнительно-историческую характеристику действующего уголовного законодательства России принято начинать с него.

Преступления против жизни и здоровья как вид преступлений против частного лица (против личности) помещены в главе XXII Уголовного уложения. Система составов преступлений против жизни (ст. 453—466) стала более четкой и компактной. Положительной особенностью Уголовного уложения явился отказ от чуждой традициям российского уголовного права дифференциации убийств по моменту формирования умысла. Судебная практика показала, что убийство с заранее обдуманым намерением (предумышленное убийство) не всегда свидетельствует в силу этого о его повышенной опасности, так же, как прямой умысел не всегда “опаснее” косвенного. Дифференциация ответственности за различные виды убийств в Уголовном уложении 1903 г. более последовательно строится в зависимости от наличия квалифицирующих признаков. На первое место был поставлен основной состав убийства (ст. 453), а не наиболее тяжкий вид убийства, как было раньше. После этой статьи шли нормы о квалифицированном убийстве, затем о его привилегированных видах и, наконец, о причинении смерти по неосторожности, которое не называлось убийством. К сожалению, эта система не была воспринята уголовными кодексами советского периода. Лишь в УК РФ 1996 г. нормы об убийствах следуют такой же системе, как будет показано ниже.

Среди квалифицированных видов убийства имелись такие, которые с теми или иными изменениями вошли в уголовные кодексы послеоктябрьского периода. Таково, например, убийство должностного лица при исполнении или по поводу исполнения им служебной обязанности. Другие же квалифицирующие признаки не были воспроизведены советскими кодексами (убийство отца или матери; убийство священнослужителя во время службы). В настоящее время существует мнение, что эти признаки следовало предусмотреть в УК РФ¹.

При подготовке проекта УК РФ предлагалось в качестве варианта ввести квалифицирующий признак “убийство отца или матери”,

¹ См.: Насильственная преступность. М., 1997. С. 78.

поскольку оно “свидетельствует о глубокой аморальности виновного, проявлении пренебрежения к жизни родителя, давшего ему жизнь”¹. Однако это предложение не получило широкой поддержки главным образом в силу того, что на практике нередки случаи убийства изверга-отца или алкоголички-матери пострадавшими детьми. В таких случаях суды не склонны усиливать наказание.

Уголовное уложение 1903 г. выделяло несколько привилегированных видов убийства, к которым относились: приготовление к убийству (как самостоятельный состав преступления); убийство, задуманное и выполненное под влиянием душевного волнения; убийство при превышении пределов необходимой обороны; детоубийство; убийство по настоянию убитого, из сострадания к нему.

К преступлениям против жизни были отнесены также доставление потерпевшему средств к самоубийству и подговор к самоубийству или содействие самоубийству. Последнее деяние предполагало подговор или содействие самоубийству только несовершеннолетнего (не достигшего двадцати одного года), а также “лица, заведомо не способного понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками”.

В первом советском Уголовном кодексе — УК РСФСР 1922 г. наряду со многими положениями, сходными с нормами об убийствах в Уголовном уложении, имелись и заметные отличия. Весьма ценным было то, что в главе V “Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности” все преступления были разделены на пять групп, каждая из которых имела соответствующий подзаголовок. В первую группу, озаглавленную “Убийство”, входили статьи, предусматривавшие ответственность за три вида умышленного убийства: квалифицированное (ст. 142), простое (ст. 143) и под влиянием сильного душевного волнения (ст. 144). Причинение смерти по неосторожности было названо, в отличие от Уголовного уложения, “убийством по неосторожности” (ст. 147). Особняком стоял вид убийства, где форма вины не конкретизировалась: “Превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего, а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер” (ст. 145).

В этой же группе оказались ст. 146 (“Совершение с согласия матери изгнания плода или искусственного перерыва беременности лицами, не имеющими для этого надлежаще удостоверенной меди-

¹ Преступление и наказание: Комментарий к проекту УК РФ. М., 1993 С. 107.

цинской подготовки или хотя бы и имеющими специальную медицинскую подготовку, но в ненадлежащих условиях”) и ст. 148 (“Содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства или значение совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали”). Нельзя признать удачным объединение этих составов в один раздел с убийствами. Первое преступление (аборт) вообще не посягает на жизнь человека. Второе же хотя и имеет своим объектом жизнь, но убийством не может считаться, поскольку не является таковым самоубийство или покушение на него.

УК РСФСР 1922 г. не предусматривал ответственности за детоубийство и за доведение до самоубийства.

Перечень отягчающих обстоятельств в ст. 142 УК РСФСР 1922 г. включал как объективные, так и субъективные признаки. К объективным относились обстоятельства, характеризующие способ преступления: убийство способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого (п. “в”); с использованием беспомощного положения убитого (п. “е”). К субъективным признакам относились обстоятельства, характеризующие мотив, цель, а также субъекта преступления: убийство “из корысти, ревности (если она не подходит под признаки ст. 144) и других низменных побуждений” (п. “а”); лицом, уже отбывшим наказание за умышленное убийство или весьма тяжкое телесное повреждение (п. “б”); с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление (п. “г”); лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом (п. “д”). В последующих кодексах законодатель модифицировал, дополнял эти признаки, но не отказался ни от одного из них, за исключением мотива ревности. Понятие “иных низменных побуждений” было в дальнейшем конкретизировано, поскольку в такой широкой формулировке таилась опасность произвольного ее толкования.

Необычным было примечание к ст. 143: “Убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается”. Таким образом, эвтаназия, которую Уголовное уложение 1903 г. сочло основанием для введения привилегированного состава убийства, теперь стала условием декриминализации деяния. Это положение противоречило понятию убийства и представляло большие трудности для практического применения. Поэтому жизнь его оказалась очень короткой. Кодекс был введен в действие с 1 июня 1922 г., а 11 ноября того же года примечание к ст. 143 было отменено постановлением ВЦИК. Вопрос же о смягчающем значении эвтаназии сохранил актуальность до наших дней.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был создан до образования СССР и сыграл роль “модельного кодекса” не только для последующего российского законодательства, но и для законодательства других союзных республик. Это относится и к преступлениям против жизни, их системе и формулировке отдельных составов.

Наиболее близким по времени и по содержанию явился Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Он почти полностью сохранил систему и признаки составов против жизни. Особенности системы были: 1) отказ от внутренней рубрикации главы о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, в связи с чем убийства не были выделены в самостоятельную группу; 2) объединение в одной норме (ст. 139) убийства по неосторожности и убийства, явившегося результатом превышения пределов необходимой обороны; 3) введение нормы о доведении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него (ч. 1 ст. 141). Этим был восполнен недостаток УК РСФСР 1922 г. и возрождено положение о доведении до самоубийства, имевшееся в Уголовном уложении 1903 г. По всем видам преступлений против жизни УК РСФСР 1926 г. смягчил санкции. Наказание за самое тяжкое из этой группы преступлений — квалифицированное убийство — предусматривалось в виде лишения свободы на срок от одного года до десяти лет. Лишь 1 сентября 1934 г. ст. 136 была дополнена частью второй, установившей высшую меру наказания за убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах. Наказание за иные виды квалифицированного убийства оставалось прежним, в то время как смертная казнь широко применялась за государственные, имущественные и другие преступления.

Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 30 апреля 1954 г. “Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство”¹ допустил применение смертной казни к лицам, совершившим умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. Однако в Указе не было сказано, какие отягчающие обстоятельства дают основание для применения смертной казни. Об этом не говорилось и в УК РСФСР 1926 г. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 мая 1954 г. к таким обстоятельствам были отнесены: цель завладения имуществом потерпевшего, хулиганские побуждения, месть на почве служебной деятельности потерпевшего, особо жестокий способ убийства, а также убийство, сопряженное с изнасилованием, повторное убийство или умышленное убийство не-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 19. Ст. 221.

скольких лиц¹. Как видим, перечень отягчающих обстоятельств не совпадал с текстом ч. 1 ст. 136 УК РСФСР 1926 г. Изменения в закон не вносились, и в случае применения смертной казни содеянное квалифицировалось по п. 1 ст. 136 УК РСФСР со ссылкой на Указ от 30 апреля 1954 г. Аналогичная ссылка требовалась при назначении смертной казни за бандитизм или разбойное нападение, сопряженные с убийством.

Многие формулировки отягчающих обстоятельств в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 21 мая 1954 г. были учтены при очередной реформе Уголовного кодекса. Сама же система составов преступлений против жизни в УК РСФСР 1960 г. мало изменилась. По-прежнему на первом месте осталась норма об умышленном убийстве при отягчающих обстоятельствах (квалифицированное убийство — ст. 102), затем об убийстве без отягчающих обстоятельств (простое убийство — ст. 103), две нормы о привилегированном убийстве: в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104) и при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105). Норма о неосторожном убийстве была выделена в самостоятельную статью 106. Завершала группу преступлений против жизни статья 107 “Доведение до самоубийства”. В УК РСФСР 1960 г. не была сохранена норма об уголовной ответственности за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Однако это не привело к полной декриминализации данного деяния. Напротив, при названных обстоятельствах содеянное стало рассматриваться как умышленное убийство путем опосредованного причинения².

Уголовный кодекс РФ 1996 г., внося уточнения и дополнения в большинство норм о преступлениях против жизни (их подробный анализ дается ниже), затронул и систему составов этих преступлений. Нормы о простом и квалифицированном убийстве объединены в одной статье. Преимущества такой конструкции не только в том, что она типична для структуры статей Особой части. В Уголовном кодексе РСФСР ст. 102 устанавливала ответственность за квалифицированное убийство (“умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах”), а за ней следовала ст. 103, в которой предусматривалось “умышленное убийство без отягчающих обстоятельств, указанных в статье 102 настоящего Кодекса”. Такое расположение норм наводило на мысль, что основной нормой об убийстве являет-

¹ См.: Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Том I. М., 1955. С. 551.

² См.: Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 51.

ся ст. 102, а ст. 103 имеет субсидиарный, вспомогательный характер¹. Это неправильно ориентировало карательную практику. В теоретических работах и учебной литературе принято было анализировать сначала признаки “общего состава убийства” (“убийства вообще”), а затем последовательно признаки квалифицированного и простого убийства. При этом неизбежны были повторения. Забывалось, что никакого “убийства вообще” не может существовать, а в каждом квалифицированном убийстве есть все признаки состава простого убийства плюс один или несколько квалифицирующих признаков. Причинение смерти по неосторожности теперь не входит в группу убийств. Добавлены два вида привилегированного убийства: убийство матерью новорожденного ребенка и убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. С принятием Уголовного кодекса РФ система составов преступлений против жизни приобрела законченный вид и выглядит следующим образом:

Преступления против жизни

I. Убийство:

1. Простое (ч. 1 ст. 105).
2. Квалифицированное (ч. 2 ст. 105).
3. Привилегированное:
 - а) *детоубийство* (ст. 106);
 - б) *убийство в состоянии аффекта* (ст. 107);
 - в) *убийство при превышении пределов необходимой обороны* (ч. 1 ст. 108);
 - г) *убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление* (ч. 2 ст. 108).

II. Иные преступления против жизни:

1. Причинение смерти по неосторожности (ст. 109).
2. Доведение до самоубийства (ст. 110).

2.2. Понятие преступлений против жизни в уголовном праве Российской Федерации.

Жизнь человека как непосредственный объект преступления

Уголовный кодекс РФ относит к преступлениям против жизни различные виды убийства (ст. 105—108), а также причинение смерти

¹ Н. И. Загородников прямо называл ст. 103 УК РСФСР 1960 г. “резервной нормой”, уделив ей в своей монографии всего шесть страниц (Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 213).

по неосторожности (ст. 109) и доведение до самоубийства (ст. 110). Эти составы преступлений помещены на первое место исходя из того, что в них идет речь о защите важнейшего естественного права человека. Статья 20 Конституции РФ провозглашает: “Каждый имеет право на жизнь”. Охрана жизни человека как самого ценного блага приобретает первостепенное значение в современном обществе. Существенную роль при этом играют нормы уголовного права. Уголовный кодекс решает задачу охраны жизни человека своими специфическими методами, формулируя признаки составов преступлений против жизни и устанавливая строгие санкции за их совершение.

Все преступления данной группы объединяет то, что объектом каждого из них является жизнь человека. Жизнь в качестве объекта преступления понимается, с одной стороны, как естественный физиологический процесс, а с другой — как обеспеченная законом возможность существования личности в обществе. Благодаря второй стороне жизнь логически подчинена родовому объекту (личность) и общему объекту преступлений (общественные отношения или общественный интерес).

Как физиологический процесс жизнь имеет начало и конец. Не может быть убийства ни до начала жизни, ни после ее прекращения. Момент начала жизни приобретает непосредственное уголовно-правовое значение при отграничении убийства от плодизгнания (аборта). Строго говоря, плод в утробе тоже живет. Поэтому аборт можно рассматривать как умерщвление плода. Однако жизнь человека, согласно господствующим представлениям, начинается с момента рождения. А поскольку роды сами по себе имеют некоторую протяженность во времени и проходят несколько этапов, принято считать началом жизни человека момент начала физиологических родов. Жизнь ребенка охраняется уголовным законом уже в процессе рождения. Это подтверждается формулировкой детоубийства в ст. 106 УК РФ: “Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов ...” (подчеркнуто мною. — Г. Б.). В принципе возможно убийство ребенка, выходящего из утробы матери, в момент прорезывания его головки.

Процесс жизни человека заканчивается его физиологической смертью. Признаки ее: полная остановка сердца, прекращение в силу этого снабжения клеток и тканей кислородом, что приводит к распаду клеток центральной нервной системы. Необратимая гибель головного мозга и означает окончание жизни человека¹. “Смерть моз-

¹ См. ст. 9 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 “О трансплантации органов и (или) тканей человека” (в редакции Федерального закона от 20 июня 2000 г.).

га эквивалентна смерти человека. Решающим для констатации смерти мозга является сочетание факта прекращения функций всего головного мозга с доказательством необратимости этого обращения”¹.

В отличие от физиологической смерти клинической смертью принято называть временную приостановку работы сердца, когда жизнь еще может быть восстановлена. Состояние клинической смерти продолжается обычно несколько минут после прекращения кровообращения и дыхания. В течение этого промежутка времени возможно проведение мероприятий по реанимации. Умышленное придание состоянию клинической смерти необратимого характера следует считать убийством (например, в целях использования органов или тканей потерпевшего для трансплантации).

Если же смерть человека уже наступила, то посягательство на его жизнь вследствие фактической ошибки может быть квалифицировано как покушение на негодный объект.

Жизнь как объект преступления не поддается никакой качественной или количественной оценке. В этом выражается важнейший принцип равной правовой защиты жизни каждого человека независимо от его возраста, состояния здоровья или “социальной значимости”.

Именно равноценностью объекта преступления объясняется, почему причинение смерти человеку, ошибочно принятому за другого, не рассматривается как “ошибка в объекте”. Ошибка в личности потерпевшего не влияет на квалификацию содеянного как оконченного убийства. Не может служить опровержением принципа равной защиты каждой человеческой жизни ссылка на то, что в Уголовном кодексе имеются специальные нормы, устанавливающие несколько повышенную ответственность за посягательство на жизнь отдельных категорий лиц (ст. 277, 295, 317 УК РФ). Усиление ответственности в этих случаях связано не с повышенной ценностью жизни потерпевшего, а с наличием одновременно другого объекта посягательства. Так, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317) имеет два объекта: жизнь потерпевшего и его деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Взгляд на жизнь человека как на универсальный, неделимый и неизмеримый объект лежит в основе негативного отношения закона

¹ Инструкция по констатации смерти человека на основании диагноза смерти мозга / Утверждена приказом Минздрава России от 20 декабря 2001 г. № 460. М.: СПС КонсультантПлюс.

и науки уголовного права к легализации эвтаназии. Термином “эвтаназия” (от греческих слов *eu* — “благой”, “хороший” + *thanatos* — “смерть”) обычно обозначают лишение жизни безнадежно больного человека по его просьбе с целью прекращения его страданий. Вопрос о легализации эвтаназии имеет много аспектов. Трудно рассчитывать, что он будет решен в ближайшее время. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан¹ категорически запрещают медицинскому персоналу применять эвтаназию. Всякое неправомерное лишение жизни человека противоречит моральным и религиозным нормам. Социальная доктрина Русской Православной Церкви, принятая Архиерейским собором в августе 2000 г., резко осуждает эвтаназию. Действующее уголовное законодательство не отличает эвтаназию от убийства. Что же касается смягчающего влияния названных выше обстоятельств (просьба потерпевшего, цель облегчения его страданий) на оценку тяжести совершенного убийства, то об этом речь будет идти далее.

¹ Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1318.

3. Понятие и основные признаки убийства. Состав простого убийства

3.1. Определение понятия убийства

УК РФ впервые установил законодательное определение понятия убийства: “умышленное причинение смерти другому человеку” (ч. 1 ст. 105). В прежних уголовных кодексах советского периода, равно как и в Уголовном уложении 1903 г., убийство не определялось. По-видимому, законодатели исходили из того, что понятие убийства в уголовном праве не отличается от общепринятого. Это, в общем, так и есть. Однако в правоприменительной практике нередко возникала потребность в точном установлении границ этого понятия. Поэтому в доктрине уголовного права предлагались различные определения убийства, в основных чертах сходные между собой¹. Законодательное определение убийства основано на обобщении выработанных юристами формулировок.

Однако в нем есть одно существенное отличие. Ранее убийством считалось как умышленное, так и неосторожное причинение смерти человеку. Соответственно, в уголовных кодексах существовал состав неосторожного убийства. Такая позиция закона не всегда воспринималась положительно. Наиболее последовательным ее критиком был М. Д. Шаргородский, который еще в 1948 г. обратил внимание на то, что “под словом “убийца” мы в быту вовсе не понимаем человека, неосторожно лишившего кого-нибудь жизни, а с точки зрения уголовно-политической нецелесообразно применять понятие самого тяжелого преступления против личности к случаям неосторожного деяния”². Позднее, отстаивая свою точку зрения, он отме-

чал, что “выражение “неосторожный убийца” также противоречит духу языка, как выражение “неосторожный поджог”, убить и поджечь можно только умышленно. Неосторожно можно только причинить смерть или вызвать пожар”¹.

Большинство исследователей и авторов учебников того времени не разделяли взгляда М. Д. Шаргородского, ссылаясь на действовавшее законодательство и недопустимость ослабления борьбы с неосторожными преступлениями против жизни. Первое возражение не требовало никаких усилий для его подтверждения, а второе было явно надуманным. Именно необходимость назвать виновного убийцей нередко служила внутренним психологическим и языковым тормозом при решении вопроса о привлечении к ответственности по ст. 106 УК РСФСР 1960 г. врачей, воспитателей и других лиц, неосторожно, нередко в форме бездействия причинивших смерть в процессе выполнения профессиональных обязанностей. Поэтому следует признать удачным отказ законодателя от понятия неосторожного убийства при одновременном усилении ответственности за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего выполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ).

Почти все доктринальные определения убийства включали (а многие и теперь включают) указание на *противоправность* (“неправомерность”, “уголовную противоправность”) причинения смерти. В формулировке ч. 1 ст. 105 УК РФ такого указания нет. Однако признак противоправности в характеристике убийства является необходимым. Он позволяет отграничить убийство от правомерного лишения жизни человека. Так, причинение смерти при необходимой обороне не только не влечет уголовной ответственности, но и не может быть названо убийством. Равным образом не являются убийством и другие случаи правомерного лишения жизни: при исполнении приговора к смертной казни, в ходе боевых действий и др. Поэтому следует признать более удачным определение убийства в ст. 139 УК Республики Беларусь, которое содержит прямое указание на противоправный характер лишения жизни другого человека.

Далее в законодательном определении убийства говорится о причинении смерти *человеку*. В настоящее время этот элемент определения представляется малоинформативным. Понятно, что жертвой убийства, как преступления против личности, может быть только человек, а не животное и тем более неодушевленный предмет. В свое время профессор С. Мокринский, комментируя норму об убийстве,

¹ См. например: Загородников Н. И. Указ. соч. С. 24; Аниязц М. К. Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 15; Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание. М., 1994. С. 8.

² Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 38; см.: его же. Избранные работы по уголовному праву. СПб., 2003. С. 22.

¹ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. 3. Л., 1973. С. 478.

написал: “Человеком закон признает всякое живое существо, рожденное женщиной”¹. Курьезность данного определения в том, что его автор походя выводит женщину за рамки понятия “человек”. С позиций уголовного закона вообще пока нет необходимости в уточнении этого понятия. Но в принципе не исключено, что такая необходимость может возникнуть, учитывая эксперименты с клонированием живых существ, искусственным созданием эмбрионов с помощью стволовых клеток, поисков контактов с внеземными цивилизациями или таинственными существами типа “снежного человека”.

Значительно важнее указание в ч. 1 ст. 105 УК РФ на причинение смерти *другому* человеку. Этим подчеркивается, что причинение смерти самому себе не является преступлением. С точки зрения современных представлений об уголовной ответственности такое указание может показаться излишним. Хотя еще в законодательных актах Петра I предусматривалось символическое наказание для самоубийц. В Уставе воинском сказано: “Ежели кто сам себя убивает, то надлежит палачу тело его в бесчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу”. А за неудачную попытку самоубийства без уважительных причин полагалась смертная казнь. Да и в Новейшее время покушение на самоубийство некоторые кодексы считают преступлением против жизни (например, ст. 309 Уголовного кодекса Индии). В Великобритании уголовная ответственность за самоубийство и покушение на самоубийство отменена лишь Законом о самоубийстве (Suicide Act) 1961 г.²

Отказ от признания преступлением причинения смерти самому себе делает юридически ничтожными выражения “покушение на самоубийство”, “подстрекательство к самоубийству”, “пособничество в самоубийстве”. Правильнее говорить в таких случаях о попытке самоубийства, склонении к самоубийству, оказании содействия (помощи) в самоубийстве. В принципе возможно установление уголовной ответственности за такие действия, но как за преступления *sui generis*, вне связи с понятием убийства. Соответствующие нормы были, как отмечалось выше, в Уголовном уложении 1903 г. В большинстве современных зарубежных уголовных кодексов также содержатся аналогичные нормы. К примеру, в УК Кыргызской Республики 1997 г. имеется ст. 103 “Склонение к самоубийству”, которая гласит: “Склонение к самоубийству, то есть возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство путем уговора, об-

мана или иным путем, если лицо покончило жизнь самоубийством или покушалось на него”, за что предусмотрено наказание вплоть до пяти лет лишения свободы. Сходный состав преступления предусматривает ст. 146 Республики Беларусь 1999 г., где, в отличие от киргизского кодекса, указывается на умышленный характер деяния, но отсутствует указание на способ склонения. В то же время не предусматривается ответственность за оказание помощи в самоубийстве (путем передачи оружия, яда и т. д.). Российское уголовное право по-прежнему относится отрицательно к установлению уголовной ответственности за подобные действия. Норма о склонении к самоубийству имела в Модельном уголовном кодексе для стран СНГ (1996 г.) и в проекте УК РФ, принятом Государственной Думой в первом чтении, но в дальнейшем была отвергнута.

Однако склонение к самоубийству (или оказание помощи в самоубийстве) малолетнего или психически больного, который не осознает характера происходящего, российское уголовное право признает убийством по признаку опосредованного причинения смерти другому человеку.

Вместо слов “причинение смерти” для характеристики объективной стороны убийства иногда пользуются выражением “лишение жизни”. Оба выражения равноценны. В первом случае указывается на последствие, во втором — на объект убийства. Все виды умышленного причинения смерти другому человеку охватываются одним термином “убийство”. Это соответствует российской правовой традиции. В памятниках русского права мы встречаем и другие словесные обозначения этого преступления: “убивство”, “убойство”, “душегубство”, “смертоубийство”, “человекоубийство”. Однако они воспринимаются и прежде воспринимались как синонимы, в отличие от зарубежного уголовного права, где было принято терминологически выделять различные виды убийства по степени их тяжести (“Mord” и “Totschlag” в германском праве, “murder” и “manslaughter” — в англосаксонском).

3.2. Состав простого убийства

Простым убийством принято называть убийство без квалифицирующих или привилегирующих признаков. Ответственность за него предусмотрена ч. 1 ст. 105 УК РФ. Это основной состав убийства. Анализ состава простого убийства имеет значение и для других видов убийства, поэтому его можно считать анализом “убийства вообще”.

¹ Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР. 1928. С. 6.

² См.: Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 17.

Непосредственным объектом этого преступления является жизнь человека. Характеристика объекта дана выше.

Объективная сторона убийства как типичного преступления с материальным составом представляет собой единство трех элементов: 1) действие (бездействие), направленное на лишение жизни другого лица; 2) смерть потерпевшего как обязательный преступный результат; 3) причинная связь между действием (бездействием) виновного и наступившей смертью потерпевшего.

Чаще убийство совершается путем активных действий, как посредством использования каких-либо орудий преступления, так и путем непосредственного физического воздействия на организм потерпевшего. Способ причинения смерти в принципе не имеет значения, за исключением случаев, когда со способом убийства связан какой-либо из квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Например, совершение убийства общеопасным способом или с особой жестокостью. Возможно причинение смерти человеку и путем психического воздействия, но для умышленного убийства это не характерно, так как предполагает осведомленность виновного об индивидуальных особенностях организма потерпевшего, когда психическая травма заведомо приведет к смерти.

Убийство путем бездействия встречается относительно редко. Оно предполагает, что на виновном лежала обязанность предотвратить наступление смертельного исхода. Эта обязанность может вытекать из договора, трудовых отношений, предшествующего поведения виновного и других фактических обстоятельств. Например, судебной практике известны случаи, когда мать умышленно причиняет смерть своему ребенку, оставив его без пищи и посторонней помощи одного в закрытой квартире на длительное время.

Обязательное условие ответственности за убийство — наличие причинной связи между действием (бездействием) виновного и смертью потерпевшего.

Для убийства типична прямая (непосредственная, короткая) причинная связь¹. Например, выстрел в потерпевшего влечет за собой его смерть. Значительно сложнее бывает установить причинную связь, когда она носит не прямой, опосредованный характер. Причинная связь при убийстве может быть опосредована: 1) действием автоматических устройств (часовой механизм, различные замедлители при взрыве); 2) ожидаемыми действиями потерпевшего, которые могут быть как правомерными (например, вскрытие адресатом

¹ См.: Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 146.

посылки, содержащей взрывное устройство, либо приведение потерпевшим в действие двигателя заминированной автомашины), так и неправомерными (например, сознательное оставление в салоне автомобиля бутылки с отравленной водкой в расчете на то, что угонщик ее выпьет); 3) действием малолетнего или психически больного, не осознающих характера содеянного; 4) действием природных сил (например, оставление на морозе избитого до потери сознания потерпевшего); 5) действием третьих лиц (например, запоздалое или неквалифицированное оказание медицинской помощи потерпевшему). Определяющим для установления причинной связи является вывод о том, что смертельный результат — необходимое последствие действия (бездействия) виновного в конкретных условиях места и времени.

Деление причинных связей на прямые и опосредованные имеет практический смысл, поскольку свидетельствует о разном уровне воздействия виновного на преступный результат. Отсюда следует и деление способов убийства на сильноуправляемые и слабоуправляемые. Например, перерезание горла или прицельный выстрел в сердце — сильно управляемый способ убийства. Совершение подобного действия, как правило, свидетельствует о прямом умысле на лишение жизни. Напротив, убийство путем взрыва, поджога, отравления пищи, устройства аварии автомобиля и т. п. характеризуется слабоуправляемым способом. При этом более вероятны и ошибка в личности потерпевшего, и безразличное отношение к наступлению смертельного исхода и количеству жертв, что не исключает умысла на причинение смерти.

Убийство признается оконченным с момента наступления смерти потерпевшего. Не имеет значения, когда наступила смерть: немедленно или спустя какое-то время. УК РФ в традициях российского законодательства не устанавливает никаких “критических сроков” наступления смерти, если у виновного был умысел на убийство. Действия лица, непосредственно направленные на причинение смерти другому человеку, если они по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, не привели к этому результату, квалифицируются как покушение на убийство.

Нельзя считать добровольным отказом в смысле ст. 31 УК РФ отказ от повторения оконченного покушения на убийство (например, выстрелил с целью убийства, промахнулся, но второй раз не стрелял). Если преступник при умысле на убийство выполнил все, что считал необходимым, но результат не наступил, помимо его воли, покушение налицо. Причем покушение оконченное. Отказ от повторения посягательства не аннулирует умысла, который имелся в мо-

мент совершения первого действия. Если умысел может внезапно возникнуть, то он может также внезапно иссякнуть. Нельзя не учитывать и возможности альтернативного умысла, когда преступник удовлетворяется меньшим результатом. К тому же установление добровольности отказа от повторения нанесения ранений может оказаться весьма проблематичным, когда виновный ошибочно полагает, что смертельный результат уже наступил, или надеется, что смерть неизбежно наступит через некоторое время. И если он понял свою ошибку спустя какое-то время, едва ли будет справедливым освобождать его от ответственности за совершенное покушение ввиду отказа от его повторения.

Конечно, и отказ от повторения покушения на преступление надо стимулировать. Но для этого имеются другие возможности в законе: ч. 3 ст. 62, ч. 3 и 4 ст. 66 УК РФ.

Неоднозначно решается в судебной практике проблема квалификации убийства, которому предшествовало покушение на убийство того же лица. В одних случаях содеянное квалифицируется как два самостоятельных преступления (ранее принято было говорить о «двух эпизодах», квалифицируемых по п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В других ситуациях обстоятельства дела позволяют говорить о едином преступлении (единство умысла, способа, жертвы, небольшой разрыв во времени и др.). Все обстоятельства оцениваются в их совокупности.

Морозов и Григорьян осуждены наряду с другими преступлениями за покушение на убийство, совершенное общеопасным способом, организованной группой, по найму, и убийство, совершенное общеопасным способом, организованной группой, по найму (по ч. 3 ст. 30, п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. «е», «ж», «з», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Преступления ими, как отражено в приговоре, совершены при следующих обстоятельствах. Летом 1999 г. Морозов решил убить Шипицина, с которым у него сложились личные неприязненные отношения. С этой целью Морозов предложил Григорьяну убить потерпевшего, пообещав заплатить за это 50 000 руб. Григорьян согласился, и они договорились убить Шипицина путем взрыва. Морозов обязался предоставить Григорьяну взрывное устройство и помочь установить его над входом спортивного клуба, руководителем которого был потерпевший. Григорьян должен был при появлении Шипицина произвести взрыв и убить потерпевшего. В ночь на 14 октября 1999 г. Морозов и Григорьян принесли самодельное взрывное устройство к помещению спортивного клуба и поместили его в нишу над входной дверью. Утром, имея при себе дистанционное управление для приведения в действие заложенного взрывного

устройства, Григорьян в подъезде соседнего дома стал ожидать появления Шипицина. Увидев выходящего из клуба тренера О. и полагая, что это может быть Шипицин, Григорьян привел в действие взрывное устройство. Произошел взрыв, но вследствие малой мощности взрывного устройства ущерб жизни и здоровью кому-либо причинен не был.

Морозов, будучи неудовлетворен последствиями взрыва, отказал Григорьяну в выплате обещанного вознаграждения и предложил повторить попытку и убить Шипицина аналогичным способом, обещая после этого выплатить деньги. В начале января 2000 г. Григорьян установил переданное ему Морозовым взрывное устройство во входную дверь дома, где проживал потерпевший. 21 января 2000 г. Григорьян, находясь возле соседнего дома, увидел Шипицина входящим в подъезд, где было заложено взрывное устройство. С помощью дистанционного управления Григорьян произвел взрыв этого устройства, убив Шипицина.

Президиум Верховного Суда РФ в своем постановлении указал, что виновность осужденных в совершении указанных действий установлена совокупностью доказательств, тщательно исследованных в судебном заседании и подробно изложенных в приговоре. Однако юридическая оценка им дана неправильная.

«По смыслу уголовного закона неоднократные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата, совершенные тем же субъектом в небольшой промежуток времени, аналогичным способом, следует рассматривать как единое сложное преступление, не требующее дополнительной квалификации действий виновных, предшествующих достижению преступного результата, как покушения.

Как видно из материалов дела, действия Морозова и Григорьяна охватывались единым умыслом и намерением достичь в результате такого рода продолжаемой деятельности определенной, заранее намеченной цели — убийства Шипицина. Этот умысел осужденные реализовали 21 января 2000 г., в связи с чем квалификация их действий по ч. 3 ст. 30 и п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ является излишней. Подлежит также исключению из судебных решений осуждение Морозова и Григорьяна по п. «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку оснований считать их лицами, ранее совершившими покушение на убийство, не имеется»¹.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 июля 2002 г. Дело № 235п02пр.

С субъективной стороны убийство предполагает наличие прямого или косвенного умысла на причинение смерти. Убийство совершается с прямым умыслом не только тогда, когда причинение смерти является конечной целью действий виновного. Цель может лежать и за пределами состава убийства. Например, убийство случайного очевидца преступления (цель — избежать разоблачения) или убийство кассира, отказавшегося передать преступнику деньги (цель — завладение деньгами). Желание как волевой момент умысла на причинение смерти имеется и в этих случаях.

При косвенном умысле виновный не направляет свою волю на причинение смерти, но своими действиями сознательно допускает ее наступление. Косвенный умысел на убийство встречается, например, при поджоге помещения, в котором находятся люди; при использовании кляпа или пластыря для того, чтобы не дать потерпевшему возможности позвать на помощь, если в результате этого наступила смерть; при убийстве посторонних людей — в случае применения взрывных устройств или иного слабоуправляемого способа преступления.

Примером убийства с косвенным умыслом является следующее дело. Приморским краевым судом 8 мая 2002 г. осуждены Де и Ким по п. “в” ч. 3 ст. 162, п. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Они признаны виновными в совершении разбойного нападения на Михалькову с целью хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшей, а также в убийстве Михальковой группой лиц по предварительному сговору, сопряженном с разбоем.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 19 июня 2003 г. приговор изменила, указав следующее: “Согласно материалам дела совместные и согласованные действия виновных выразились в подготовке к нападению на Михалькову с целью завладения имуществом и его осуществлении с незаконным проникновением в жилище, с использованием масок, перчаток и применением ленты-скотч. При этом Де, как и было обусловлено предварительным сговором, руками и ногами нанес потерпевшей удары по туловищу и голове, причинив ее здоровью вред средней тяжести. Его умыслом не охватывалось убийство Михальковой. Осужденный Ким в заявлении о явке с повинной и в показаниях на предварительном следствии в качестве подозреваемого, признанных достоверными, утверждал, что убивать потерпевшую они “не собирались”. Сразу после избития Михальковой Де предложил связать ее, он (Ким) это сделал при содействии Де. Затем они перенесли женщину на кро-

вать и, поскольку та продолжала кричать, Де закрыл ей рот тряпкой, а Киму сказал тряпку “примотать” так, чтобы потерпевшая могла дышать. Ким велел вопреки договоренности, предвидя и сознательно допуская возможность смертельного исхода, перекрыть потерпевшей дыхательные пути.

Судебно-медицинский эксперт установил, что причиной смерти Михальковой являлась механическая асфиксия, к развитию которой привело искривление хрящей носа в результате давящего действия ленты-скотч и перекрытия вследствие этого дыхательных путей, а, кроме того, — закрытие просвета дыхательных путей (отверстия носа) легкой накидкой и лентой-скотч.

При таких обстоятельствах указанные действия Кима следует расценивать как эксцесс исполнителя, за который другой соучастник преступления ответственности не подлежит”.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в части осуждения Де по п. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ отменила и дело в этой части прекратила за отсутствием в деянии состава преступления; исключила из приговора осуждение Кима по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

Если мотив или цель убийства реализуются только в случае смерти потерпевшего (получение наследства, избавление от нежелательного свидетеля, осуществление акта кровной мести), умысел всегда будет прямым. Следует заметить, что убийство с косвенным умыслом российский законодатель и судебная практика не рассматривают как менее опасный вид. Смерть человека — настолько тяжкое последствие, что и безразличное отношение виновного к ее наступлению свидетельствует о высокой степени общественной опасности содеянного. Закон (ст. 25 УК РФ) вообще не противопоставляет косвенный умысел прямому, а объединяет их. Разграничение этих видов умысла приобретает решающее значение только при ненаступлении смертельного результата. Пленум Верховного Суда РФ указал в своем постановлении от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105)”² (п. 2): “Если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, то есть когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5. С. 21.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 4.

не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.)”.

Отсутствие прямого умысла на причинение смерти исключает квалификацию содеянного как покушение на убийство. Верховный Суд РФ переквалифицировал действия Часыгова, причинившего в ссоре ножевые ранения троим потерпевшим, с ч. 3 ст. 30, п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ на п. “б” ч. 3 ст. 111. “Поскольку по делу установлено, что Часыгов действовал не с прямым, а с косвенным умыслом, он должен нести ответственность не за те последствия, которые могли наступить, а за те, которые реально наступили, то есть за умышленное причинение вреда здоровью потерпевшим”¹. В другом деле суд не признал наличия покушения на жизнь работников милиции в действиях пьяного водителя, нарушившего правила дорожного движения. Пытаясь скрыться от преследования, он протаранил милицейскую машину, которая при столкновении перевернулась. Находившиеся в ней работники милиции практически не пострадали и задержали нарушителя. Суд исходил из того, что прямого умысла на причинение смерти работникам милиции по делу не установлено.

Для квалификации убийства не имеет значения и момент формирования умысла. Убийство с заранее обдуманном намерением (предумышленное убийство) российское уголовное право не рассматривает как более тяжкий вид. Степень общественной опасности в большей степени зависит от мотива, цели, способа убийства и других обстоятельств, которые закон признает квалифицирующими. Уже Уголовное уложение 1903 г. отказалось от придания самостоятельного квалифицирующего значения признаку предумышленности убийства. На этой же позиции стояли и все уголовные кодексы советского периода. Судебная практика показала, что убийство с заранее обдуманном намерением (предумышленное убийство) не всегда свидетельствует о его повышенной опасности, так же, как прямой умысел не всегда “опаснее” косвенного.

В зарубежном законодательстве предумышленность иногда рассматривается как одно из отягчающих обстоятельств убийства. Так решается вопрос в уголовных кодексах Франции, Швейцарии, Италии. Уголовное законодательство США при формулировке признаков тяжкого убийства (murder) важное значение придает совершению деяния “со злым предумышлением” (параграф 1111 Раздела 18 Свода законов США).

Мотив и цель преступления, которые принято относить к факультативным признакам субъективной стороны, в составе убийства приобретают обязательную роль, поскольку от их содержания зависит квалификация убийства. Пленум Верховного Суда РФ требует от судов выяснения мотивов и целей убийства по каждому делу (п. 1 постановления № 1 от 27 января 1999 г.). В ч. 1 ст. 105 УК РФ не указаны мотивы простого убийства. Это преступление может быть совершено по любым мотивам, за исключением тех, которым закон придает квалифицирующее значение (п. “з”, “и”, “к”, “л”, “м” ч. 2 ст. 105). Для простого убийства характерны такие мотивы, как месть за какое-либо действие потерпевшего независимо от его правомерности, в том числе за совершенное преступление; ревность; зависть, неприязнь, ненависть, возникшие на почве личных отношений. Возможно также убийство из сострадания к безнадежно больному или раненому; из ложного представления о своем общественном или служебном долге; из страха перед ожидаемым или предполагаемым нападением при отсутствии состояния необходимой обороны и т. д. К простому убийству относится также умышленное причинение смерти в обоюдной драке или ссоре под влиянием эмоциональных мотивов гнева, ярости, страха за свою жизнь при отсутствии признаков сильного душевного волнения. В судебной практике к мотивам простого убийства относят также стремление выделиться в глазах окружающих, укрепить свой авторитет в преступной среде (при так называемых криминальных разборках).

Субъект убийства, квалифицируемого по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ, — физическое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцати лет (ст. 20 УК РФ). Убийство, совершенное должностным лицом при превышении должностных полномочий, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 105 и 286 УК РФ. Ответственность за привилегированные виды убийства (ст. 106, 107, 108 УК РФ) наступает с шестнадцати лет.

В последнее время из-за обострения криминологической ситуации поднимается вопрос о снижении возраста уголовной ответственности за убийство и другие особо тяжкие преступления¹. Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1994 г. специально установил, что за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах несут ответственность лица, которым до совершения преступления исполнилось тринадцать лет (ст. 17).

¹ См.: Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 74.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 12.

4. Квалифицированные виды убийства

4.1. Понятие квалифицированного убийства.

Общая характеристика квалифицирующих признаков убийства

Квалифицированным принято называть убийство, совершенное при наличии хотя бы одного из отягчающих обстоятельств (квалифицирующих признаков), перечисленных в ч. 2 ст. 105 УК. Разумеется, все остальные признаки основного состава убийства тоже должны быть налицо. Если в действиях виновного имеются два или несколько квалифицирующих признаков, то все они должны быть указаны в предъявленном обвинении и приговоре. Однако они не образуют совокупности преступлений, и наказание назначается единое, хотя наличие двух или нескольких квалифицирующих признаков учитывается при определении тяжести содеянного.

Количество квалифицирующих признаков убийства в российском законодательстве не было постоянным. Часть 1 ст. 136 УК РСФСР 1926 г. предусматривала шесть видов квалифицированного убийства: а) из корысти, ревности (если она не подходит под признаки ст. 138) и других низменных побуждений; б) лицом, привлекавшимся ранее за умышленное убийство или телесное повреждение и отбывшим назначенную судом меру социальной защиты; в) способом, опасным для жизни многих людей или особо мучительным для убитого; г) с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление; д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом, или е) с использованием беспомощного положения убитого. Особняком стояло в ч. 2 ст. 136 “убийство, совершенное военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах”.

В ст. 102 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. имелось одиннадцать (а с 1993 г. — тринадцать) видов квалифицированного убийства. Увеличение их числа было связано с необходимостью более четкого определения границ квалифицированного убийства при одновременном отказе от аналогии в уголовном праве.

Уголовный кодекс РФ в ч. 2 ст. 105 также имел вначале тринадцать пунктов (до отмены 8 декабря 2003 г. пункта “н” — убийство, совершенное неоднократно). Однако фактически число обстоятельств, которые позволяют квалифицировать убийство по ч. 2 ст. 105, превышает эту цифру, на что обращает внимание С. В. Бородин. Он насчитывает 22 обстоятельства¹. Е. Б. Доронина полагает, что ч. 2 ст. 105 УК РФ включает 29 видов квалифицированного убийства². Необходимо учесть, что в некоторых пунктах имеются два и более отягчающих обстоятельств, иногда частично совпадающих, иногда образующих разновидность основного признака, а иногда выступающих как альтернативные. Точный подсчет их затруднен ввиду отсутствия четких критериев, которые пока только вырабатываются.

В зависимости от того, как оценивать наличие нескольких признаков в одном пункте, можно по-разному говорить о числе квалифицированных видов убийства в ч. 2 ст. 105. Иногда это приводит к разнобою в квалификации. В целом система квалифицирующих признаков убийства в УК РФ 1996 г. стала более детальной и имеет исчерпывающий характер. Для разграничения отдельных видов убийств важнейшее значение имеет постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”³.

Многие из признаков ч. 2 ст. 105 УК РФ имелись и в прежнем законодательстве. Редакция некоторых квалифицирующих признаков уточнена и введено несколько новых обстоятельств. Впервые квалифицирующие признаки убийства располагаются по строгой системе в зависимости от их связи с определенными элементами состава преступления: признаки, относящиеся к объекту (п. “а”, “б”, “в”, “г”); к объективной стороне (п. “д”, “е”, “ж”); к субъективной стороне (п. “з”, “и”, “к”, “л”, “м”⁴).

В прежних уголовных кодексах расположение квалифицирующих признаков убийства не отвечало какой-либо системе. Но в тео-

¹ Бородин С. В. Преступления против жизни. М.: Юрист, 2000. С. 89.

² Доронина Е. Б. Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон, практика: Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 2004. С. 3.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 2—6.

⁴ Имевшийся в изначальной редакции ст. 105 УК РФ квалифицирующий признак неоднократности (п. “н” ч. 2) принято было считать относящимся к субъекту, равно как и совершение убийства особо опасным рецидивистом (п. “л” ст. 102 УК РСФСР 1960 г.). Это приводило к различной квалификации одинаковых действий соисполнителей одного и того же убийства.

рии уголовного права отмечалась необходимость их систематизации. Предлагались различные варианты. Большинство авторов классифицировали отягчающие обстоятельства применительно к элементам состава преступления¹. Эта классификация в известной мере условна. Ведь любой объективный признак (особая жестокость, опасность для жизни и др.) находит отражение и в субъективной стороне преступления. А повышенная опасность убийства, сопряженного с рабством, бандитизмом или вымогательством, определяется не только субъективной стороной деяния. Однако расположение квалифицирующих признаков применительно к элементам состава имеет практический смысл, поскольку облегчает процесс квалификации конкретного убийства.

4.2. Квалифицирующие признаки, относящиеся к объекту убийства

К объекту относятся следующие квалифицирующие обстоятельства, характеризующие жертву преступления: убийство двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ); убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. "б" ч. 2); убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. "в" ч. 2); убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. "г" ч. 2).

4.2.1. Убийство двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ) характеризуется повышенной тяжестью последствий. Аналогичный признак имелся и в прежнем УК, поэтому судебная практика уже выработала определенные критерии его оценки. В отличие от неоднократного (повторного) убийства, означающего множественность преступлений, убийство двух или более лиц представляет собой единое преступление. Причинение смерти всем потерпевшим происходит либо одновременно, либо с некоторым разрывом во времени, но при обязательном условии, что действия виновного охватывались единством намерения.

"По п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым

¹ См.: Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юристъ, 1994. С. 56; Курс советского уголовного права. Т. 5. 1970. С. 31.

умыслом и были совершены, как правило, одновременно" (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.).

При большом разрыве во времени и наличии других обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии единого намерения, убийство не может квалифицироваться по п. "а" ст. 105. В этих случаях преступник совершает не одно, а несколько убийств. Каждое из них требует самостоятельной квалификации, а вместе они рассматриваются как совокупность преступлений. Само понятие совокупности преступлений подверглось существенным изменениям.

До внесения Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ изменений в УК РФ совокупностью признавалось только совершение разнородных преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ либо разными частями одной статьи, ни за одно из которых лицо не было осуждено (ст. 17 УК прежней редакции). Совершение двух или более однородных преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи настоящего Кодекса, не считалось совокупностью и признавалось неоднократностью преступлений (ст. 16 УК РФ). Признание ст. 16 УК РФ утратившей силу и изменение редакции ст. 17 УК РФ привело к отказу от понятия неоднократности и распространению понятия совокупности на совершение двух или более преступлений, независимо от того, предусмотрены ли они одной или различными статьями УК РФ. Применение этого положения на практике вызвало определенные трудности. В частности, появилась тенденция рассматривать убийство двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ) как совокупность двух убийств, за каждое из которых должно определяться наказание. Потребовалось внести уточнение в законодательное определение совокупности. Федеральным законом от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ первое предложение ч. 1 ст. 17 было дополнено словами "за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особой части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание". Тем самым получила законодательную поддержку позиция Верховного Суда РФ, признающего убийство двух или более лиц (п. "а" ч. 2 ст. 105) единым преступлением, а не совокупностью преступлений.

Судебная практика сталкивается с определенными трудностями при применении данного квалифицирующего признака.

Т. в ходе ссоры с З. и его сожительницей ножом убил З. и покушался на убийство сожительницы, после чего с места преступления ушел. Однако через некоторое время Т. вернулся и, убедившись, что потерпевшая жива, добил ее топором. Областной суд квалифициро-

вал действия Т. как неоднократное убийство по п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ прежней редакции. Президиум Верховного Суда РФ своим постановлением от 28 октября 1999 г. признал такую квалификацию ошибочной и применил п. “а” той же статьи, исходя из того, что в данном случае умыслом Т. охватывалось убийство двух лиц.

Ранее существовавшая проблема разграничения двойного (п. “а”) и неоднократного убийства (п. “н”) решалась следующим образом: в отличие от п. “а” по пункту “н” квалифицировались “действия виновного, совершившего два или более убийства при отсутствии единого умысла на их совершение и, как правило, в разное время” (п. 14 постановления Пленума от 27 января 1999 г.).

Исключение из текста Закона п. “н” (ФЗ от 8 декабря 2003 г.) не устранило эту проблему, но перевело ее в другую плоскость. Убийство двух или более лиц как единое преступление необходимо теперь отграничивать от двух или нескольких отдельных убийств, каждое из которых образует самостоятельное преступление.

Юридическая квалификация последнего преступления зависит от того, был ли виновный в последнем убийстве осужден за прежние убийства. Если не был, то каждое убийство квалифицируется самостоятельно и наказание назначается по правилам о совокупности преступлений. Если же за прежнее убийство (или убийства) виновный был осужден, это не влияет на квалификацию последнего убийства. Отказ от признания квалифицирующего значения за любым рецидивом (общим, специальным, многократным, опасным или особо опасным), последовательно проведенный Федеральным законом от 8 декабря 2003 г., коснулся и квалификации рецидивных убийств. Пункт “а” ч. 2 ст. 105 в таком случае не вменяется. Поэтому сколько бы жертв ни было на счету убийцы-рецидивиста, новое преступление рассматривается как простое убийство, если не было других квалифицирующих признаков.

Поскольку убийство двух или более лиц является единым преступлением, его нельзя расчленять на “эпизоды” с самостоятельной квалификацией каждого.

Возможны ситуации, когда при одновременном совершении убийства двух или более лиц имеютсяотягчающие обстоятельства, относящиеся не ко всем жертвам (беспомощное состояние, особая жестокость). Иногда суды в таких случаях квалифицируют содеянное дополнительно по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Астраханским областным судом 13 июня 2000 г. Якунин осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ, п. “а”, “в”, “к”, “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ и по п. “г” ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Он признан виновным в убийстве семьи: сначала Синицына А. В., а затем с целью скрыть это преступление — его родителей, Синицыных В. А. и И. А., находившихся в беспомощном состоянии; кроме того, в краже имущества Синицыных с причинением значительного ущерба.

27 сентября 1999 г. ночью Якунин распивал спиртные напитки с Синицыным А. В. в квартире, где находились и родители последнего. Между Якуниным и Синицыным А. В. возникла ссора. Когда Синицын А. В. ушел в ванную комнату, Якунин, зайдя туда, стал наносить ему удары по телу и лицу, а затем повалил его в ванну, заполненную водой, и удерживал в воде до наступления смерти. Опасаясь, что родители Синицына сообщат о случившемся в правоохранительные органы, Якунин решил убить и их.

Зная, что мать и отец потерпевшего — инвалиды I группы и не могут оказать сопротивления, Якунин после нанесения не установленным следствием предметом удара по голове Синицыной И. А. удушил подушкой сначала ее, а затем и Синицына В. А. Совершив убийство, Якунин похитил имущество потерпевших на общую сумму 2200 руб., причинив значительный ущерб.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения. Заместитель Председателя Верховного Суда РФ в протесте поставил вопрос об исключении из приговора осуждение Якунина по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ 3 июля 2002 г. протест удовлетворил, указав следующее: “Как видно из материалов дела, осужденный совершил умышленное убийство трех человек в одном месте и почти в одно время. При таких обстоятельствах суд без достаточных оснований убийство Синицына А. В. выделил в отдельный эпизод, который квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ”.

С учетом изложенного осуждение Якунина по ч. 1 ст. 105 УК РФ исключено из приговора¹.

Действия Якунина представляют собой убийство трех лиц, из которых двое заведомо для виновного находились в беспомощном состоянии, с целью сокрытия другого преступления (п. “а”, “в”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Умысел может быть прямым или косвенным в отношении всех потерпевших, но возможно сочетание прямого умысла на убийство одного лица и косвенного — по отношению к другим потерпевшим

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 3 июля 2002 г. // БВС РФ. 2003. № 1. С. 16—17.

(в случае убийства путем применения общепаспортного или иного слабоуправляемого способа). Убийством с косвенным умыслом в судебной практике признается лишение жизни нескольких человек при срабатывании автоматического взрывного устройства, установленного в целях защиты садового участка от вторжения посторонних лиц¹.

Если при наличии прямого умысла на убийство двух лиц погиб только один потерпевший, а смерть другого не наступила по причинам, не зависящим от виновного, то содеянное, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, представляет собой совокупность покушения на убийство двух лиц (ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 2 ст. 105) и оконченного убийства одного лица, которое квалифицируется самостоятельно по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)").

Позиция Верховного Суда в этом вопросе неоспорима. Ведь убийство двух лиц представляет собой единичное преступление. Не едва ли допустимо, с точки зрения теории и исходя из принципа справедливости, назначать наказание по правилам о совокупности за единичное преступление. Кроме того, на этом пути таится определенная опасность. В силу ч. 3 ст. 69 УК РФ при совокупности преступлений допускается назначение наказания путем сложения с превышением наполовину максимального срока лишения свободы за убийство, входящее в совокупность. Это может спровоцировать виновного на доведение до конца задуманного преступления, т. е. на убийство оставшегося в живых потерпевшего, поскольку в таком случае совокупности не будет. Разрешение данного противоречия предпочтительнее законодательным путем, в частности, дальнейшей конкретизацией правил о назначении наказания при неоконченном преступлении. А пока судам следует помнить, что назначение наказания сверх предела санкции за каждое из преступлений, входящих в совокупность, — это право суда, но не его обязанность.

При одновременном убийстве двух или более лиц не исключается сочетание различных мотивов. Например, одновременное убийство бывшей жены на почве ревности и случайного очевидца с целью скрыть совершенное преступление. Если один из мотивов предусмотрен в ч. 2 ст. 105 УК РФ, это должно быть отражено в квалификации. В тех случаях, когда умысел на убийство другого лица с целью сокрытия ранее совершенного убийства возник спустя какое-

то время после того, как было совершено первое преступление, содеянное в целом не может квалифицироваться как убийство двух лиц. Каждое из совершенных преступлений требует самостоятельной квалификации.

По приговору суда Кононов признан виновным в убийстве двух лиц и убийстве с целью скрыть другое преступление (по п. "а" и "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ). Как указано в приговоре, преступления им совершены при следующих обстоятельствах.

Кононов, Петров и их знакомый Козлов в доме Петрова распивали спиртные напитки, после чего уснули. Около 20 часов Петров разбудил Кононова и потребовал сходить и купить спиртное, однако тот отказался это делать. Произошла ссора, в ходе которой они нанесли друг другу по несколько ударов кулаками и твердыми предметами. Затем Петров взял в руку кухонный нож, но Кононову удалось выбить его ударом по руке металлической дужкой от спинки кровати. Вслед за этим Кононов на почве личной неприязни к Петрову, которая обострилась в процессе ссоры, решил убить Петрова. С этой целью он взял лежавший на шкафу другой кухонный нож и нанес им Петрову несколько ударов в область груди, а также живота, спины и шеи, причинив ему телесные повреждения, от которых потерпевший скончался.

Предполагая, что он еще жив, и желая добить его из чувства мести за ранее нанесенные ему личные оскорбления, Кононов этим же ножом причинил Петрову посмертные телесные повреждения в виде поверхностного ранения грудной клетки, подвздошной области слева, передней поверхности левого бедра, полового члена и мошонки.

Увидев, что проснулся Козлов, и полагая, что он стал очевидцем случившегося и сообщит об этом в правоохранительные органы, Кононов, имея намерение скрыть совершенное им убийство, решил убить и его. Для этого он, не давая Козлову встать с кровати, сзади нанес потерпевшему металлической дужкой 2—3 удара по голове и телу, причинив ему телесные повреждения в виде открытых переломов костей лобной области.

После этого Кононов нанес Козлову кухонным ножом, которым ранее убил Петрова, несколько ударов в грудь и живот, а металлической дужкой от спинки кровати еще 2—3 удара по голове и телу. От полученных телесных повреждений Козлов скончался на месте происшествия.

Рассмотрев дело в кассационном порядке, коллегия Верховного Суда РФ пришла к выводу, что преступным действиям осужденного, выразившимся в убийстве потерпевшего Козлова с целью скрыть

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 5. С. 7

убийство Петрова, дана правильная юридическая оценка по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Вместе с тем квалификация судом действий Кононова, сопряженных с убийством обоих потерпевших (Петрова и Козлова), дополнительно по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийства двух лиц судом дана неправильно, поскольку по делу не установлен единый умысел осужденного на их убийство.

Будучи допрошенным на предварительном следствии и в суде Кононов последовательно утверждал, что убийство Петрова он совершил на почве неприязни, обострившейся в процессе ссоры, а умысел на убийство Козлова возник с промежутком во времени. Мотивом этого преступления явилось желание скрыть уже совершенное им убийство Петрова¹.

4.2.2. Убийство лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Этот вид убийства представляет повышенную опасность, поскольку посягает наряду с жизнью потерпевшего также на другой объект: общественные отношения, обеспечивающие лицу возможность осуществлять свою служебную деятельность или выполнять общественный долг. Редакция п. “б” несколько изменена по сравнению с прежним УК. Вместо выполнения потерпевшим *служебного долга*, упоминавшегося в п. “в” ст. 102 УК РСФСР 1960 г., теперь говорится об осуществлении им *служебной деятельности*, под которой следует понимать не только службу в государственных или муниципальных учреждениях, но и любое выполнение трудовых обязанностей в государственных, частных и иных негосударственных организациях и предприятиях, деятельность которых не противоречит действующему законодательству. Потерпевшим может быть как должностное, так и не должностное лицо, осуществляющее служебную деятельность.

Под выполнением общественного долга, как сказано в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве”, понимается осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий. Понятие выполнения общественно полезных действий не следует толковать широко. Так, была отвергнута судом квалификация по п. “в” ст. 102 УК РСФСР (теперь п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ)

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 октября 2003 г. № 3-54/03.

убийства зятем тещи, которая вмешалась в ссору между супругами на стороне своей дочери. В упомянутом постановлении Пленума дан примерный перечень общественно полезных действий, которые судебная практика рассматривает как выполнение потерпевшим своего общественного долга: пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершении или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, избличающих лицо в совершении правонарушений и др.

Допустимо признание общественно полезными и других действий потерпевшего. Но в любом случае у виновного должно быть сознание того, что потерпевший выполнял свой общественный долг. Этим определяется и мотивация убийства.

Особенно внимательно следует оценивать мотивы убийств, совершенных в драке. Если преобладающим мотивом были хулиганские побуждения, п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ не может быть применен.

Аспидов, Анисимов и Ильин признаны судом виновными в убийстве группой лиц Бельшева в связи с выполнением потерпевшим общественного долга, из хулиганских побуждений (п. “б” и “и” ч. 2 ст. 105). Преступление ими совершено при следующих обстоятельствах. Аспидов, Анисимов, Ильин, Кропис, Игнатъев, Хабин и другие на квартире распивали спиртные напитки в связи с проводами Аспидова в армию. Когда спиртное закончилось, Аспидов, Кропис и Хабин пошли за ним в магазин. В пути следования в ходе возникшего конфликта Аспидов и Кропис стали бить Хабина. Находившиеся неподалеку граждане, увидев происходящее, сделали молодым людям замечание, потребовали прекратить избивание. В ответ Кропис стал вызывать на драку мужчин, сделавших замечание. Аспидов вернулся в помещение, где распивали спиртные напитки, позвал находившихся там ребят на помощь, сказав, что их избивают. В ходе возникшей групповой драки догнали Бельшева, сбили его с ног, с целью убийства все стали наносить Бельшеву удары руками и ногами по голове, туловищу и другим частям тела. Аспидов взял палку и ею наносил удары потерпевшему по голове и телу. После того как Бельшев перестал подавать признаки жизни, соучастники перенесли его во двор частного дома, где еще нанесли удары по телу потерпевшего. От полученных множественных повреждений Бельшев скончался на месте.

Рассмотрев дело в порядке надзора, Президиум Верховного Суда РФ признал, что юридическая оценка действиям осужденных дана неправильная вопреки требованиям уголовного закона. Квалифицируя действия осужденных Аспидова, Анисимова, Ильина по п. “б”

ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим общественного долга, суд не установил и не отразил в приговоре, с целью воспрепятствования осуществлению каких-либо специально возложенных обязанностей и других общественно полезных действий он был убит. Кроме того, вывод суда об убийстве потерпевшего Бельшева в связи с выполнением им своего общественного долга не подтверждается материалами уголовного дела. Из материалов дела следует, что мотив убийства потерпевшего Бельшева был хулиганский. Обосновывая квалификацию действий осужденных по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд в приговоре указал на то, что действиями Аспидова, Анисимова и Ильина был грубо нарушен общественный порядок с явным неуважением к обществу. Таким образом, суд правильно установил, что осужденные совершили убийство на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали.

При таких обстоятельствах следует признать, что убийство осужденными потерпевшего из хулиганских побуждений (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ) излишне квалифицировано по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство в связи с выполнением потерпевшим своего общественного долга. Следовательно, осуждение Аспидова, Анисимова и Ильина по п. “б” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит исключению¹.

Не имеет значения для квалификации, совершается ли убийство из мести в связи с осуществлением служебной деятельности или выполнением общественного долга, или же в целях воспрепятствования такой деятельности потерпевшего в данный момент или в дальнейшем. Практика не признает наличие данного квалифицирующего признака, если убийство совершено из мести за невыполнение (или ненадлежащее выполнение) лицом свои служебных обязанностей, поскольку в этих случаях нет посягательства на дополнительный объект, а именно — нет воспрепятствования нормальной служебной деятельности потерпевшего.

В отличие от прежнего УК новая норма предусматривает ответственность за убийство не только самого лица, осуществляющего служебную деятельность или выполняющего общественный долг, но и его близких. Закон не конкретизирует понятие близких лиц. И это правильно. Степень и характер близости не имеют значения, если этим убийством виновный преследует цель отомстить лицу за выполнение им служебной или общественной деятельности, Пленум

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июня 2001 г. Дело № 288п2001.

Верховного Суда РФ в п. 6 постановления от 27 января 1999 г. указал: “К близким потерпевшему лицам наряду с близкими родственниками могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений”.

4.2.3. Убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника (п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ), — квалифицированный вид убийства, не известный УК РСФСР 1960 г. В одном пункте здесь объединены два отягчающих обстоятельства: первое характеризует потерпевшего, а второе — в первую очередь особенность способа действия. В новом Уголовном кодексе Республики Беларусь аналогичные признаки более удачно указаны в отдельных пунктах.

Беспомощное состояние потерпевшего может определяться его возрастом (малолетний, престарелый), состоянием здоровья, увечностью и другими обстоятельствами, не дающими жертве возможности оказать сопротивление преступнику или иным образом уклониться от посягательства. Сюда же можно отнести убийство лица, находящегося в состоянии сна или сильной степени опьянения, а также лишившегося сознания по другим причинам. Именно так трактовалось понятие беспомощного состояния потерпевшего в период действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., предусматривавшего соответствующий признак в п. “е” ч. 1 ст. 136 (“убийство с использованием беспомощного положения убитого”)¹.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. не выделял такого квалифицирующего признака, но ввел признак особой жестокости. Многие случаи убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, стали квалифицироваться по п. “г” ст. 102 УК РСФСР 1960 г. (убийство с особой жестокостью).

Действительно, убийство ребенка, старика, инвалида часто служит проявлением особой безжалостности, бессердечности виновного. Поэтому судебная практика в этот период рассматривала такое убийство как разновидность убийства с особой жестокостью. Что касается убийства спящего или находящегося в сильной степени опьянения лица, то оно не всегда свидетельствует об особой жестокости виновного.

¹ См.: Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 94—95; Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 535—536.

Теперь же убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, законодатель вновь считает самостоятельным квалифицирующим признаком, не связывая его с особой жестокостью. Тем не менее, многие отрицают возможность применения пункта “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ в случае убийства спящего пьяного или лица, находящегося в бессознательном состоянии. По мнению сторонников этого взгляда, беспомощное состояние обязательно предполагает, что потерпевшему причиняются дополнительные, особые страдания. “Он сознает, что его сейчас или вскоре убьют, но в силу своего физического состояния не может ни оказать сопротивления, ни позвать на помощь”¹. “Потерпевшее лицо, думаемая, должно понимать, что в силу своей беспомощности, обусловленной теми или иными обстоятельствами, оказывается в беспомощном положении перед убийцей”². Отсюда с неизбежностью следует вывод, что спящий или находящийся в бессознательном состоянии не может считаться беспомощным. С таким выводом трудно согласиться. Беспомощное состояние жертвы — объективная категория. Это состояние существует независимо от осознания его самим потерпевшим. В противном случае мы должны будем исключить применение п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ и при убийстве младенца или психически больного.

Приведенные выше рассуждения идут от прежней практики, сложившейся в период действия УК РСФСР 1960 г., когда беспомощное состояние жертвы учитывалось лишь как проявление особой жестокости убийцы. Теперь положение изменилось. Может возникнуть вопрос: если использование беспомощного состояния потерпевшего не всегда может быть выражением особой жестокости, то в чем заключается его повышенная опасность? Законодатель не мотивирует (да и не обязан мотивировать) свое решение. Но можно предположить, что повышенная опасность этого вида убийства связана с особой заботой о защите каждого человека, не способного в силу своего состояния защитить себя или уклониться от посягательств на свою жизнь. Такое преступление объективно более опасно, поскольку достижение преступного результата значительно облегчается, когда потерпевший спит, находится в обмороке, в тяжелой степени опьянения или лишен сознания по иной причине и т. д. Такое преступление более опасно и с субъективной стороны, поскольку знание о

¹ Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов 1999. С. 9.

² Дементьев С. Понятие беспомощного и бессознательного состояния // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 43.

том, что жертва находится в беспомощном состоянии (закон не случайно говорит о заведомости), облегчает формирование преступного намерения и даже может играть провоцирующую роль. Преступнику легче решиться на совершение убийства, когда он уверен, что жертва не воспринимает посягательства на его жизнь и поэтому не в состоянии дать ему отпор.

Установление (точнее, восстановление) в законе рассматриваемого квалифицирующего признака вызвало трудности в судебной практике. Особенно много противоречий возникло при оценке убийства спящего, где не удалось достичь единства мнения. В ряде случаев суды квалифицировали такое убийство по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. “Убийство спящего потерпевшего путем нанесения ему трех ударов топором по голове обоснованно квалифицировано по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии”¹.

9 сентября 1999 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильной квалификацию по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ действий Слободнюка, который совершил убийство, нанеся не менее 14 ударов молотком по голове потерпевшему, в то время как тот спал, будучи в состоянии опьянения. 24 ноября 1999 г. та же инстанция согласилась с осуждением Шафоростова по п. “в” ч. 2 ст. 105 за убийство двух лиц, которые находились в тяжелой степени опьянения и спали.

Однако в других случаях встречались и противоположные решения со ссылкой на то, что “состояние сна не относится к числу беспомощных”; “состояние алкогольного опьянения нельзя расценить как беспомощное состояние”; “сон потерпевшего к числу обстоятельств, предусмотренных п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ, не относится”²; “сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека”³. Характерным в этом отношении является определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по делу Быченкова, в котором говорится, что “факт сильного алкогольного опьянения и сна потерпевших не может рассматриваться как заведомое для Быченкова их беспомощное состояние”⁴. В последнее время эта позиция стала преобладающей, хотя и

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 12. С. 9 (определение по делу Ревина).

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу Тарасова // БВС РФ 2000. № 2 С. 12.

³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 1999 г. С. 11.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ 2000. № 8. С. 19.

без достаточных оснований. Очень слабым аргументом выглядит ссылка на то, что сон является естественным состоянием человека. Разве младенческий возраст таковым не является?

Пленум Верховного Суда РФ 27 января 1999 г. дал указание о том, что убийством лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, следует считать “умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство”¹. Не должно вызывать сомнений, что под это общее определение подпадают и состояние сна, и обморок, и другие случаи потери сознания. Далее в постановлении дается лишь примерный перечень лиц, находящихся в беспомощном состоянии. К ним, как сказано, “могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишшающими их способности правильно воспринимать происходящее”. Выделенные нами слова свидетельствуют о том, что этот перечень нельзя считать исчерпывающим. Приведенный текст постановления не дает оснований для вывода, что убийство спящего или находящегося в тяжелой степени опьянения или лишенного сознания под воздействием наркотиков либо по другой причине не может квалифицироваться по п. “в” ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Беспомощное состояние потерпевшего относится к числу оценочных признаков. Чем бы ни было обусловлено беспомощное состояние, оно должно быть предметом оценки суда. Это касается, в частности, возраста. Ни малолетство, ни преклонный возраст сами по себе не исключают, что потерпевший может оказаться отнюдь не беспомощным, если он, к примеру, хорошо вооружен и умело обращается с оружием. К тому же преклонный возраст, в отличие от малолетнего, не имеет четкой нормативной границы². Судебная практика испытывает затруднения в вопросе о том, кого считать “престарелым”. Очевидно, это вопрос факта. При равном количестве прожитых лет один человек становится беспомощным в силу возраста, а другой — нет. То же самое можно сказать и о болезни, которая не тождественна беспомощному состоянию. “К категории больных также относится весьма широкий круг лиц, среди которых имеются и

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 3.

² Такая граница установлена в УК Беларусь: “Под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста семидесяти лет” (п. 9 ст. 4).

те, кто, несомненно, в состоянии оказать сопротивление убийце, поскольку наличие болезни отнюдь не лишает человека способности активно противодействовать преступнику или скрыться от него”¹.

Также сон и состояние опьянения подлежат обязательной оценке судом, насколько в конкретной ситуации они делают потерпевшего беспомощным.

Алмаев осужден за покушение на убийство Граммы, заведомо для виновного находившегося в беспомощном состоянии, по ч. 3 ст. 30 и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Алмаев проживал в квартире Граммы, с которым у него незадолго до случившегося стали складываться неприязненные отношения. Грамма выражал недовольство тем, что Алмаев по ночам включал громко работающий телевизор, и предлагал в связи с этим освободить квартиру. В день преступления Алмаев и Грамма употребляли спиртные напитки. Вечером Грамма, опьянев, лег отдыхать, а Алмаев занимался хозяйственными делами. Услыхав, что Грамма что-то произнес во сне и, восприняв его слова как недовольство тем, что он гремит посудой, осужденный решил убить Грамму.

Взяв нож, Алмаев подошел к спящему лицом к стене пьяному потерпевшему и, сознавая, что тот в силу этих обстоятельств не сможет оказать ему сопротивление, умышленно с целью убийства нанес Грамме не менее девяти ударов в заднюю поверхность тела, а когда Грамма проснулся от боли и повернулся к нему лицом, нанес удар ножом в живот. В результате этих действий потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Увидев, как Алмаев вновь замахивается на него ножом для удара и опасаясь за свою жизнь, Грамма ногой выбил нож из рук осужденного и, оттолкнув его, выбежал из квартиры к соседям. Алмаев, подняв нож и желая довести свой умысел на убийство Граммы до конца, зашел к соседям и, угрожая потерпевшему убийством, замахнулся на него ножом. Однако хозяйка квартиры Михайлова, увидев Алмаева с ножом и услышав его угрозы, выгнала его из квартиры, в связи с чем преступный замысел осужденного на убийство Граммы не был доведен до конца по не зависящим от него обстоятельствам.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации пришел к выводу, что обстоятельства дела не дают оснований считать, что потерпевший находился в беспомощном состоянии и был лишен возможности оказать какое-либо сопротивление Алмаеву. Президиум

¹ Плаксина Т. А. Уголовная ответственность за убийство. Часть 2. Барнаул, 2000. С. 41.

постановил: переквалифицировать действия Алмаева с ч. 3 ст. 30 и п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 105 УК РФ¹.

От убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, следует отличать ситуации, когда потерпевший не способен защитить себя в силу иных причин: внезапность нападения, скрытый или коварный способ лишения жизни. Примером могут служить выстрел снайпера, нападение из засады, неожиданный удар ножом в спину, применение взрывного устройства, отравление пищи и т. п.

Не является тождественным беспомощному состоянию жертвы то обстоятельство, что виновный имел значительное превосходство в силе либо убийц было несколько. Президиум Верховного Суда РФ в постановлении по делу Буранова и др., осужденных за убийство Куликовой по п. “в”, “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, исключил осуждение их по п. “в” и указал: “Как видно из приговора, суд усмотрел нахождение потерпевшей в беспомощном состоянии в момент убийства вследствие алкогольного опьянения и численного превосходства подсудимых. Однако беспомощное состояние потерпевшего может определяться его возрастом, состоянием здоровья, увечностью, но не алкогольным опьянением, как это имело место по настоящему делу. Численное превосходство нападавших также не определяло беспомощное состояние потерпевшей, так как относится к способу совершения преступления².”

Сложным для практики явился и вопрос о квалификации причинения смерти лицу, оказавшемуся в беспомощном состоянии в результате действий виновного. По смыслу закона лицо должно находиться в беспомощном состоянии до нападения на него. Если же потерпевший был приведен в беспомощное состояние виновным в процессе реализации умысла на убийство (путем причинения ранений, связывания, завлечения в уединенное место и т. п.), то п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ не должен применяться.

По делу Кабирова суд ошибочно признал в качестве квалифицирующего признака убийства использование виновным беспомощного состояния потерпевшей. Установлено, что Кабиров, желая смерти потерпевшей, стал душить ее руками, а после того как она потеряла сознание, нанес ей несколько ударов ножом в сердце. Президиум Верховного Суда Российской Федерации переквалифицировал действия осужденного с п. “в” ч. 2 ст. 105 на ч. 1 ст. 105 УК РФ на

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 октября 2001 г. Дело № 854п2001.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 июня 2002 г. Дело № 302п02.

том основании, что потерпевшая была приведена виновным в беспомощное состояние в процессе лишения ее жизни¹.

В случае совершения убийства группой лиц, когда потерпевшего приводит в беспомощное состояние один участник преступления, признак убийства лица, заведомо находящегося в беспомощном состоянии, также не должен вменяться и другим участникам.

Согласно приговору суда Ильин после совместного употребления спиртных напитков, из личной неприязни, возникшей в ходе бытовой ссоры, умышленно нанес Ревуцкому удар деревянным табуретом по голове, причинив тяжкий вред здоровью потерпевшего ввиду опасности для жизни в момент причинения. После этого, как сказано в приговоре, Ильин, Присекин и Кузнецов по предварительному сговору группой лиц с целью сокрытия совершенного Ильиным в отношении Ревуцкого преступления, заведомо сознавая, что от удара табуретом по голове потерпевший утратил сознание и не может оказать активного сопротивления, т. е. находится в беспомощном состоянии, умышленно с целью причинения смерти сбросили его с восьмого этажа дома, причинив множественные телесные повреждения, от которых потерпевший скончался.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации находит протест подлежащим удовлетворению. “Виновность осужденных в умышленном убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору и с целью сокрытия другого преступления, установлена исследованными в судебном заседании доказательствами, подробный анализ которых дан в приговоре. Вместе с тем их действия ошибочно квалифицированы п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ. По указанному закону надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда тот, совершая убийство, сознает это обстоятельство. По настоящему делу таких обстоятельств не имеется”².

Второеотягчающее обстоятельство, впервые названное в п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ (“убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника”), включено в закон в связи с распространявшимися в последнее время случаями захвата заложников и похищения людей. Захваченное вооруженным преступником лицо, как правило, оказывается в беспомощном состоянии. Однако под убий-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1. С. 7.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21 августа 2002 г. Дело № 534п2002.

ством, сопряженным с похищением человека либо захватом заложника, следует понимать не только убийство самого похищенного или заложника, но и других лиц (например, препятствующих похищению либо пытающихся освободить заложника).

Действия виновных, совершивших убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника, должны квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными соответственно ст. 126 или 206 УК РФ.

4.2.4. Убийство женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Повышенная опасность этого преступления обусловлена тем, что убивая беременную женщину, виновный уничтожает и плод как зародыш будущей жизни. Указание на заведомость означает, что ответственность наступает по этому пункту, если виновный на момент совершения убийства женщины достоверно знал о беременности потерпевшей от нее самой или из другого источника¹.

Срок беременности сам по себе не имеет значения для квалификации содеянного по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако учитывается при установлении признака “заведомости”.

Если виновный не был осведомлен (не знал достоверно) о беременности потерпевшей, данный квалифицирующий признак не вменяется.

Наряду с объективным существует и субъективное основание для усиления ответственности за убийство заведомо беременной женщины. Оно заключается в особой злостности или низменности намерений виновного, который игнорирует требования закона и общественной морали об охране материнства и детства.

Убийство женщины, которую виновный ошибочно считал беременной, следовало бы считать покушением на преступление, предусмотренное п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ, исходя из направленности умысла. Однако, учитывая, что смерть фактически наступила, содеянное нельзя считать покушением, иначе виновный получил бы необоснованную льготу при назначении наказания (ч. 3 ст. 66 УК РФ).

Нельзя признать удачным также предложение квалифицировать содеянное по совокупности двух преступлений — покушения на убийство заведомо беременной женщины и оконченного убийства небеременной, т. е. по ч. 3 ст. 30, п. “г” ч. 2 ст. 105 и по ч. 1 ст. 105 (либо ч. 2 ст. 105 при наличии других квалифицирующих признаков)².

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 8. С. 7—8

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. Изд. 3-е. М., 1999. С. 228.

Применение к одному единичному убийству правила о совокупности не только ошибочно теоретически, но и несправедливо, так как приводит к необходимости назначения наказания путем сложения (ч. 3 ст. 69 УК РФ). Иными словами, убийство мнимой беременной женщины оценивалось бы строже, чем убийство фактически беременной.

Ситуация должна решаться по правилам о фактической ошибке (ошибке в свойствах личности потерпевшего), которая не влияет на квалификацию. В таких случаях содеянное квалифицируется по п. “г” ч. 2 ст. 105 УК РФ как оконченное преступление.

4.3. Квалифицирующие признаки, относящиеся к объективной стороне убийства

К объективной стороне квалифицированного убийства относятся следующие обстоятельства, характеризующие в первую очередь способ действия: убийство, совершенное с особой жестокостью (п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ); совершенное общеопасным способом (п. “е” ч. 2 ст. 105); совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. “ж” ч. 2 ст. 105).

4.3.1. Убийство с особой жестокостью (п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ) — один из наиболее распространенных видов квалифицированного убийства. Трудности в применении на практике п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ связаны с тем, что данный квалифицирующий признак является вдвойне оценочным. Оценочным является, во-первых, само понятие жестокости. Толковые словари определяют это понятие через цепочку синонимов: жестокий — безжалостный, бездушный, бессердечный, немилосердный и т. д. Во-вторых, в законе говорится не просто о жестокости, а об *особой* жестокости. Жестоким является в принципе каждое убийство. Особая жестокость — это крайнее, высшее проявление этого качества.

Существующее в обществе представление о том, какое убийство следует считать особо жестоким, не является стабильным. Еще в 70-е годы прошлого века следственные органы и суды признавали особо жестоким убийство путем нанесения нескольких ранений. Например, когда в пылу ссоры брат застрелил брата, произведя подряд несколько выстрелов из пистолета (“разрядил обойму”). За убийство с особой жестокостью был осужден Л. Как установлено, он находился в ресторане с девушкой В. При выходе из ресторана им встретился Ш., который прежде был знаком с В. Между Л. и Ш. возникла ссора из-за девушки. В ходе ссоры Ш. ударил Л. по лицу. Драка была

предотвращена. Однако Л. решил подкараулить и убить Ш. Когда Ш. вышел из ресторана, Л. предложил ему отойти для разговора в глубь аллеи, где убил его, нанеся 12 ударов скальпелем в шею. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР не усмотрела здесь особой жестокости. Из всех ранений только одно было смертельным, а остальные были поверхностными. Сам процесс нанесения указанных ранений был стремительным и способ убийства не свидетельствовал о совершении его с особой жестокостью¹.

Надо признать, что и в тот период судебные инстанции вели борьбу с расширительным толкованием признака особой жестокости. По выборочным данным примерно в одной трети дел об убийстве данный признак (п. "г" ст. 102 УК РСФСР) исключался при рассмотрении дела судом первой инстанции. И еще в одной трети — в кассационном и надзорном порядке.

В настоящее время широкая доступность информации о тяжких преступлениях и постоянная демонстрация сцен насилия в кинофильмах и телевизионных передачах несколько изменили представления о границах особой жестокости. Однако тенденция к расширительному толкованию данного признака в следственной и судебной практике сохраняется. Как на это реагирует Верховный Суд РФ, видно из его постановления по делу Ершова.

Согласно приговору Суда Ершов признан виновным в убийстве совершенном с особой жестокостью, группой лиц, а также тайном хищении чужого имущества.

Преступления, как указано в приговоре, совершены при следующих обстоятельствах. В процессе совместного распития спиртных напитков Ершов развязал драку с Бахрушиным и избил его руками и сковородой по голове и лицу. Прибежавший на шум Мулык присоединился к Ершову и нанес Бахрушину не менее семи ударов ножом в область груди и бедер. Когда Бахрушин попытался встать, Ершов вновь нанес ему не менее двух ударов сковородой по голове, в то время как Мулык нанес потерпевшему три удара ножом в область спины. В результате массивной кровопотери, развившейся вследствие проникающих колото-резаных ран груди с повреждением обоих легких и аорты, Бахрушин скончался.

Убедившись в наступлении смерти Бахрушина, Ершов похитил его имущество: магнитола, часы наручные и другие вещи, которыми на следующий день продал, а деньги истратил на выпивку.

¹ Верховный Суд РСФСР. Обзор текущего законодательства и судебной практики за I квартал 1976 г.

В надзорной жалобе Ершов, не оспаривая своей причастности к убийству Бахрушина, просил судебные решения по делу изменить, исключить квалифицирующий признак убийства — "совершенное с особой жестокостью" и снизить назначенное ему наказание. По его мнению, он особых страданий и мучений потерпевшему не причинял, действовал в состоянии алкогольного опьянения, а также утверждает, что Бахрушин был физически значительно сильнее его.

Рассмотрев надзорную жалобу Ершова и проверив материалы уголовного дела в полном объеме, Президиум пришел к выводу, что судебные решения подлежат изменению по следующим основаниям.

Вина Ершова в убийстве Бахрушина подтверждается совокупностью исследованных в судебном заседании и изложенных в приговоре доказательств, которым судом дана надлежащая оценка, а также не оспаривается и самим осужденным. Вместе с тем вывод суда о совершении Ершовым убийства Бахрушина с особой жестокостью не соответствует материалам уголовного дела.

В материалах уголовного дела не содержится доказательств того, что Ершов при совершении убийства Бахрушина имел умысел на причинение потерпевшему особых страданий и мучений.

Согласно актам судебно-медицинской и медико-криминалистической экспертиз потерпевшему были причинены три ушибленные раны головы, ссадины и кровоподтеки лица, колото-резаные раны груди и левого бедра. Установлено, что сковородой Ершов нанес Бахрушину не менее двух ударов. Телесные повреждения в виде колото-резаных ран, явившихся причиной смерти потерпевшего, были нанесены Бахрушину Мулыком.

Суд признал, что руками Ершов нанес потерпевшему множественные удары, однако само по себе причинение множества телесных повреждений при отсутствии других доказательств не может служить основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью. Кроме того, суд не указал в приговоре, сколько конкретно ударов руками Ершов нанес Бахрушину.

Каких-либо других доказательств проявления осужденным особой жестокости при убийстве потерпевшего в приговоре и материалах дела также не имеется. При таких обстоятельствах квалифицирующий признак убийства — "совершенное с особой жестокостью" исключен из обвинения Ершова¹.

Анализируя оценочное понятие, человек обычно руководствуется не только собственными представлениями, но и опирается на не-

¹ Постановление Президиума Верх. Суда РФ от 21 января 2004 г. № 908п-2003 // БВС РФ. 2004. № 7. С. 19.

который эталон, стандарт. В правоприменительной деятельности роль такого эталона играет сама судебная практика, квинтэссенцией которой являются руководящие разъяснения Верховного Суда РФ.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно давал характеристику признаку особой жестокости, в том числе и в последнем постановлении Пленума “О судебной практике по делам об убийстве” от 27 января 1999 г. В п. 8 сказано: “При квалификации убийства по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости”¹.

Примером подробного анализа всех обстоятельств убийства в их совокупности может служить определение Верховного Суда РФ по делу Мишина, признанного виновным в убийстве, совершенном с особой жестокостью. Мишин вместе с Кругловым и Семикаленовым проживал в квартире их общего знакомого. Около трех часов ночи между пьяными Мишиным, Семикаленовым, с одной стороны, и Кругловым, с другой, возникла ссора по поводу громкого включения последним магнитофона.

В ходе ссоры Мишин нанес Круглову два удара кулаком в лицо, а затем, в ответ на такой же удар со стороны Круглова, Мишин нанес тому множество ударов кулаками в лицо и по голове. В результате этих действий Круглову были причинены ссадины и кровоподтеки на лице, не причинившие вреда здоровью.

После того как Мишин прекратил избивать Круглова и предложил ему умыться, тот прошел на кухню, взял кухонный нож и, угрожая убийством, напал на Мишина, пытаясь ударить его ножом. Обороняясь, Мишин выбежал в прихожую, взял на шкафу металлический гвоздодер и сначала в прихожей, а затем в зале нанес этим гвоздодером несколько ударов по рукам Круглова. Так как Круглов своих действий не прекратил и снова попытался ударить Мишина ножом, Мишин нанес Круглову три удара гвоздодером по голове, в результате чего Круглов упал на пол и перестал двигаться.

Несмотря на то, что Круглов прекратил нападение, лежал на полу без движения и угроза жизни и здоровью отсутствовала, Мишин, опасаясь в будущем мести Круглова, решил убить его. При этом Мишин нанес потерпевшему множество ударов гвоздодером по голове, затем взял из руки Круглова нож и нанес им потерпевшему 16 ударов в шею, 5 — в грудь и 2 удара в живот, а также причинил

этим ножом несколько резаных ран на лице и различных частях тела Круглова.

В результате действий Мишина Круглов получил тяжелую открытую черепно-мозговую травму с переломом костей черепа и кровоизлиянием в мозг, колото-резаные раны и ранения шеи, грудной клетки и живота, что в совокупности повлекло смерть потерпевшего.

По мнению Военной коллегии Верховного Суда: “Вывод суда о виновности Мишина в умышленном убийстве, совершенном с особой жестокостью, основан на неправильной оценке фактических обстоятельств, установленных по делу, и сделан без учета мотивов действий осужденного.

Квалифицируя действия Мишина как умышленное убийство, суд обоснованно учел то, что Мишин, нанося потерпевшему многочисленные удары металлическим гвоздодером по голове и удары ножом в область расположения жизненно важных органов человека, сознавал, что это причинит потерпевшему тяжкие телесные повреждения, опасные для его жизни, и приведет к смерти. Несмотря на то, что после первых полученных ударов по голове Круглов упал на пол и прекратил всякое движение, Мишин не перестал наносить потерпевшему удары и совершал эти действия до наступления смерти Круглова. Целенаправленность и количество нанесенных Мишиным ударов гвоздодером и ножом, значительная их сила свидетельствуют о том, что он не только сознавал общественно опасный характер своих действий, но и желал наступления смерти потерпевшего.

Вместе с тем суд ошибочно расценил эти действия Мишина как совершенные с особой жестокостью. В ходе предварительного следствия и в судебном заседании не доказано, что Мишин желал и принимал меры к убийству потерпевшего с особой жестокостью, т. е. предвидел и допускал причинение потерпевшему особых страданий. Наоборот, исследованными доказательствами установлено, что обнаруженные у Круглова телесные повреждения были причинены ему в короткий промежуток времени и его действия по лишению жизни не свидетельствовали о проявлении к нему особой жестокости”.

С учетом изложенного Коллегия пришла к выводу, что квалифицирующий признак убийства “особая жестокость” из объема обвинения Мишина подлежит исключению, а его преступные действия в этой части — перекалфикации с п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ¹.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 3.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2002 г. по Делу № 2н-352/2002.

Особая жестокость как квалифицирующий признак не тождественна имевшемуся в прежнем законодательстве признаку убийства “способом, особо мучительным для убитого” (п. “в” ч. 1 ст. 136 УК РСФСР 1926 г.). Однако особая жестокость как более широкое понятие включает в себя этот признак. Евсеев из неприязни к Стародубцевой облил ее легко воспламеняющейся жидкостью (нитролаком) и поджег спичкой. От полученных ожогов 60% тела Стародубцева в мучениях и страданиях скончалась. Верховный Суд признал Евсеева виновным в убийстве с особой жестокостью¹.

С учетом сложившейся судебной практики убийство может быть признано особо жестоким:

— когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязания или совершалось глумление над жертвой;

— когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий: нанесение большого количества ранений, использование мучительно действующего яда, кислоты или других агрессивных веществ, причинение смерти путем применения огня, электротока бытового напряжения; закапывание заживо; замедленное утопление или удушье; причинение смерти путем лишения пищи или воды и т. п.;

— когда убийство совершено в присутствии близких потерпевшему лиц, если виновный сознавал, что своими действиями причиняет присутствующим особые душевные страдания;

— когда в целях продления мучений жертвы виновный препятствует оказанию помощи умирающему.

Ранее признаком особой жестокости признавалось глумление над трупом, но судебная практика в последние годы от этого отказалась, поскольку данные действия совершаются после совершенного убийства. Однако в тех случаях, когда виновный в силу своего возбужденного состояния или других обстоятельств не осознал момент наступления смерти, глумление над трупом выступает как глумление над жертвой и может быть квалифицировано по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Кроме того, глумление над трупом в присутствии близких потерпевшему лиц, которые были очевидцами убийства, также может быть проявлением особой жестокости. Пленум Верховного Суда указал, что глумление над трупом после совершения убийства, если нет других данных о проявлении убийцей особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, надлежит квалифицировать по совокупности по ст. 244 УК РФ

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 5. С. 5—6.

предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших¹. Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может рассматриваться как проявление особой жестокости. Судебная коллегия Верховного Суда РФ в определении по делу Крупина указала: “Уничтожение трупа путем сожжения с целью сокрытия преступления не является основным для квалификации убийства как совершенного с особой жестокостью”².

Многие ошибки в квалификации связаны с тем, что некоторым обстоятельствам, которые могут свидетельствовать об особой жестокости, придается самодовлеющее значение. Это выражается, в частности, в отождествлении с особой жестокостью причинения в процессе убийства большого числа телесных повреждений.

Верховный Суд Российской Федерации (как и Верховный Суд СССР в прошлом) неоднократно отмечал, что множественность ранений сама по себе не тождественна особой жестокости³. Большое количество ранений может быть обусловлено не только особой жестокостью виновного, но и его возбужденным состоянием, неспособностью оценить ситуацию, стремлением быстрее довести до конца начатое преступление при недостаточной эффективности выбранного орудия или способа действия, в случае активного сопротивления жертвы, ее физического превосходства и т. д. Необходимо оценивать количество ранений в сопоставлении со временем, в течение которого они наносились, моментом сформирования умысла, мотивом убийства, обстоятельствами дела.

Примером правильной оценки множества ранений может служить приведенное выше определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Л., убившего Ш. путем нанесения двенадцати ранений в шею.

Для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение преступления с особой жестокостью. Убийство может быть квалифицировано по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ не только тогда, когда виновный специально стремился проявить особую жестокость, но и когда он сознавал особую мучительность для жертвы данного способа лишения жизни и заведомо шел на это⁴.

¹ Уголовный закон Латвийской Республики 1998 г. предусматривает убийство, “сопряженное с надругательством над трупом”, как самостоятельный квалифицированный вид, наряду с убийством, совершенным с особой жестокостью.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 7. С. 12.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 4. С. 3; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 6. С. 4—5 и др.

⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 5. С. 7.

Иногда в судебных документах встречается указание на совершение убийства с прямым или косвенным умыслом “по отношению к особой жестокости”. Такое словоупотребление является некорректным, поскольку закон делит умысел на прямой и косвенный только по отношению к последствиям преступления. В то же время не исключается совершение убийства с особой жестокостью и при косвенном умысле. Например, если пытки, характеризующие особую жестокость, применялись с целью получения от потерпевшего каких-либо сведений, то причинение смерти в процессе пытки возможно и с косвенным умыслом.

Как одно из проявлений особой жестокости может быть рассмотрено использование при убийстве беспомощного состояния жертвы. Особенно, если потерпевший сознает происходящее, но не в состоянии защитить себя или избежать насилия над собой. Иногда виновный при этом сознательно усугубляет страдания жертвы, садистски рассказывая о том, как будет убивать, и т. п. В одном деле преступник демонстративно точил ножи на глазах парализованного старика-тестя, прежде чем расправиться с ним.

В подобных случаях возникает конкуренция пунктов “в” и “д”. Если исходить из того, что п. “в” является специальной нормой отношению к п. “д” (исторически, как отмечено выше, признак особой жестокости поглотил использование беспомощного состояния), то предпочтение должно отдаваться пункту “в”. На практике встречается одновременное применение пунктов “в” и “д”. Это бесспорно только для тех ситуаций, когда наряду с заведомо беспомощным состоянием жертвы имелись и другие признаки особой жестокости.

4.3.2. Убийство, совершенное общеопасным способом (п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Аналогичный вид убийства в прежнем законодательстве определялся как “убийство способом, опасным для жизни многих людей” (п. “д” ст. 102 УК РСФСР). Новая формулировка представляется более широкой. Тем не менее многие выработанные практикой критерии сохраняют силу для оценки спорных ситуаций. Так, необходимо учитывать не только высокие поражающие свойства орудия убийства (взрывчатое вещество, огонь, автоматическое огнестрельное оружие, автомобиль и т. д.), но и конкретный способ его применения.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 27 января 1999 г. указал, что “под общеопасным способом убийства (п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представлял опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов

в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми, помимо потерпевшего, пользуются другие люди”.

Использование в качестве орудия убийства предметов, заключающих в себе большую разрушительную силу, повышает опасность преступления тем, что значительно возрастает объем (масса) причиняемого вреда и усиливается вероятность достижения преступного результата — смерти жертвы¹. Кроме того, используя взрыв, поджог, катастрофу транспорта и другие подобные средства, преступник обычно теряет над ними контроль, в силу чего данный способ убийства относится к слабо управляемым (см. выше, с. 18).

Если же в процессе убийства высокие поражающие свойства орудия преступления не используются либо используются в ситуации, исключающей причинение вреда другим лицам, то нет оснований считать способ преступления общеопасным. Например, применение пистолета-пулемета для нанесения смертельных ударов по голове жертвы или производство выстрелов в закрытом помещении, где кроме потерпевшего нет других людей, которым угрожала бы опасность.

Устройство взрыва с целью причинения смерти определенному лицу, если смерть потерпевшего не наступила и никому другому вред не был причинен, может быть квалифицировано как покушение на убийство общеопасным способом, если существовала угроза жизни другим лицам, кроме избранной жертвы.

В случае, когда применение заведомо общеопасного способа было сопряжено с убийством хотя бы еще одного человека, кроме намеряемой жертвы, содеянное квалифицируется помимо п. “е” ч. 2 также по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Такая же квалификация должна применяться, когда виновный преследует цели лишить жизни определенное лицо, но, действуя с косвенным умыслом, причиняет общеопасным способом смерть двум или более лицам. Пленум Верховного Суда РФ указал, что в случае реального причинения вреда здоровью другим лицам действия виновного надлежит квалифицировать по п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям Уголовного кодекса, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

4.3.3. Убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Для квалификации убийства по этому призна-

¹ См.: Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л. Л. Кругликова. М., 1999. С. 34.

ку следует обратиться к понятию группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы (ст. 35 УК РФ). В п. “н” ст. 102 УК РСФСР говорилось только об убийстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Распространение повышенной ответственности за убийство, совершенное группой лиц, на все виды групп, в том числе и на группу без предварительного сговора, представляется обоснованным. При совершении убийства, как и другого насильственного преступления, объединение нескольких лиц, даже при отсутствии предварительного сговора, облегчает достижение преступного результата, затрудняет для жертвы возможность оказать сопротивление или уклониться от нападения. Это и делает любое групповое преступление объективно более опасным. Ранее судебная практика сталкивалась с определенными трудностями при установлении предварительного сговора на убийство, это позволяло виновным в ряде случаев избегать повышенной ответственности за групповое убийство.

Групповое преступление предполагает не менее двух соисполнителей (ч. 1 ст. 35 УК РФ). Поэтому в тех случаях, когда исполнитель убийства был один, действия подстрекателей и пособников не могут быть квалифицированы по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Исполнителем убийства может быть признано лицо, которое не только имело умысел на совершение убийства, но и принимало непосредственное участие в лишении жизни потерпевшего. Действия лица, которое лишь оказывало содействие исполнителю (или исполнителям) убийства в осуществлении преступного намерения, давало советы о способе, времени или месте убийства либо иным образом создавало условия, способствующие причинению смерти, не являясь соисполнителем и квалифицируются как пособничество¹.

А. была осуждена за убийство, совершенное группой лиц. Установлено, что А. предложила Р. и Г. избить потерпевшего. В процессе избиения у них возник умысел на убийство. С этой целью Р. и Г. вытащили потерпевшего на лестничную клетку, где продолжили избиение. Все это время А. освещала спичками место преступления, а затем принесла уксусную эссенцию, которую Р. и Г. влили в рот потерпевшему. От полученной травмы шеи и химического ожога гортани и дыхательных путей потерпевший скончался. Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил квалификацию преступления и указал, что поскольку А. не совершала действий, не-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 11. С. 12—13; 1996. № 10. С. 6; 1997. № 4. С. 11; № 10. С. 7; № 11. С. 20.

посредственно направленных на лишение жизни потерпевшего, то она была лишь пособником убийства¹.

Соисполнительство не исключает распределения ролей между участниками. Важно установить, что при единстве умысла, места и времени действия каждый из них выполняет либо полностью объективную сторону убийства, либо какой-нибудь ее элемент. “Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на лишение жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем не обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишая его возможности защищаться, а другой причинял ему смертельные повреждения” (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.). Из приведенного следует, что всякое другое участие в убийстве, не выражающееся в применении насилия, не образует соисполнительства (например, передача убийце в момент преступления ножа или веревки).

Аношкин по предварительному сговору с Ерофеевым с целью убийства несовершеннолетнего Домнина завлек последнего в уединенное место, где Ерофеев задушил потерпевшего заранее приготовленной веревкой. Эти действия Ерофеева судом были квалифицированы по п. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Аношина — по ч. 5 ст. 33 и п. “ж”, “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Военная коллегия Верховного Суда РФ приняла ошибочной квалификацию действий осужденных, “поскольку соучастие в виде пособничества в убийстве потерпевшего не образует группы, то квалифицирующий признак убийства, предусмотренный п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, — совершенного группой лиц по предварительному сговору”, вменен обоим осужденным необоснованно². Ерофеев был признан осужденным по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Аношкин по ч. 5 ст. 33 и п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Пункт “к” вменен им в связи с тем, что целью убийства было завладение ключами от квартиры для последующей кражи. В тех же случаях, когда в действиях исполнителя убийства нет квалифицирующих признаков, его действия должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 105, а действия пособника — по ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

При совершении убийства группой лиц, каждый из которых признан соисполнителем, для квалификации содеянного не имеет значения, кто причинил наиболее тяжкий вред, и можно ли вообще ус-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 13.

² Там же. № 5. С. 9.

тановить “автора” смертельного удара. Мелкумян и Григорьев совершили убийство Белошейкина путем нанесения ему нескольких ножевых ранений. Смерть Белошейкина наступила от острой массивной кровопотери, развившейся вследствие колото-резаного ранения левой боковой поверхности шеи с повреждением по ходу раневого канала левой наружной яремной вены и левой общей сонной артерии. Указанное ранение причинило опасный для жизни вред здоровью и по этому признаку расценивается как тяжкий вред здоровью. Остальные повреждения как каждое в отдельности, так и в совокупности расцениваются как легкий вред здоровью. Мелкумян в жалобе утверждал, что не хотел убивать Белошейкина, а участие в убийстве принял под влиянием Григорьева, который обещал простить ему долг.

В кассационном определении Военной коллегии Верховного Суда сказано: “Утверждение Мелкумяна в суде об отсутствии умысла на убийство Белошейкина, поскольку он нанес последние только легкие телесные повреждения, является несостоятельным. Из материалов дела, он сразу согласился с предложением Григорьева убить Белошейкина. С этой целью как вместе с Григорьевым, так и самостоятельно он длительное время следил за ним, выясняя маршрут его передвижения. 26 марта 2001 г., вооружившись ножами со значительной длиной клинка и окружив Белошейкина в подъезде дома, Мелкумян по команде Григорьева первым нанес ему два удара ножом в жизненно важные органы — живот и левую щечную область, а Григорьев трижды ударил его ножом в затылок и шею. Эти их совместные действия свидетельствуют о единстве направленности умысла обоих на лишение жизни Белошейкина и подтверждает их намерение на достижение единого результата, который фактически и наступил”¹.

Группа лиц (в том числе без предварительного сговора) согласно ст. 35 УК РФ является формой соучастия. Лицо, совершающее преступление в соучастии, должно отвечать всем признакам субъекта преступления (ст. 19 УК РФ). В случае совершения общественно опасного деяния несколькими лицами, из которых только одно отвечает признакам субъекта, а остальные не являются субъектами преступления в силу невменяемости или недостижения установленного возраста, содеянное не может рассматриваться как преступление, совершенное группой. Это относится и к причинению смерти. В

¹ Верховный Суд РФ. Кассационное определение от 5 сентября 2003 г. № 14/03.

случае квалифицирующий признак, предусмотренный п. “ж” ч. 2 ст. 105, не должен применяться. За причинение смерти потерпевшему несет ответственность один субъект преступления по ч. 1 ст. 105 УК РФ, если нет других квалифицирующих обстоятельств. Иное решение противоречило бы действующему закону.

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. прямо сказано: “При квалификации убийства по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц”.

Сторонники иного взгляда, считающие, что понятие группы может иметь “качественно отличное от соучастия содержание”¹, ссылаясь при этом на старое постановление по делам об изнасиловании, упускают из виду важное обстоятельство. В отличие от прежнего закона Уголовный кодекс РФ 1996 г. включил статью о групповом преступлении в гл. 7 “Соучастие в преступлении”, в определении соучастия (ст. 32) говорит о “лицах”, а признаки лица раскрывает в ст. 19, в частности, путем указания на возраст, вменяемость. Позицию закона нельзя игнорировать.

4.4. Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне убийства

К субъективной стороне преступления относятся следующие отягчающие обстоятельства, характеризующие мотивы и цели убийства: убийство, совершенное из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ); из хулиганских побуждений (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ); с целью сокрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ); по мотиву национальной, расовой и религиозной ненависти и вражды либо кровной мести (п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ); в целях использования органов или тканей потерпевшего (п. “м” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

4.4.1. Убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Имевшийся ранее квалифицирую-

¹ Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40.

ший признак убийства “из корыстных побуждений” конкретизирован путем указания на убийство “по найму” и добавления слов “равно сопряженное с разбоем, вымогательством и бандитизмом”. Вначале казалось, что внесенные изменения не должны существенно повлиять на судебную практику, поскольку и ранее данные виды убийства рассматривались как разновидности корыстного убийства. Это относится, прежде всего, к убийству в разбойном нападении. Действительно, применяя в качестве способа завладения чужим имуществом самое тяжкое насилие, умышленное лишение жизни потерпевшего, преступник тем самым реализует свои корыстные побуждения. Поэтому встречавшаяся в литературе постановка вопроса об отграничении корыстного убийства от убийства при разбое была совсем удачной. Более корректно выглядит другая формулировка проблемы: совершено ли убийство в разбойном нападении или иное убийство из корыстных побуждений. Центр тяжести при этом переносится на установление признаков разбоя в действиях виновного. Убийство же оставалось корыстным и в том, и в другом варианте.

Новая редакция в УК РФ данного квалифицирующего признака не меняет самого существа корыстных побуждений. Их наличие определяется тем, что убийца преследовал цель либо извлечения положительной материальной выгоды (денег, иного имущества и т. п.), либо избавления от материальных затрат (возвращение доплаты алиментов, выполнение иных имущественных обязательств и т. д.). Так, убийство пассажиром водителя машины с целью избежать платы за проезд признано совершенным из корыстных побуждений¹.

Корыстный мотив учитывается, если он возник до убийства не после него. Поскольку квалифицирующим является именно корыстный мотив, фактического извлечения материальной выгоды не требуется. Если виновный преследовал иные личные выгоды неимущественного характера, данный квалифицирующий признак не может быть вменен. Нельзя согласиться с квалификацией по п. “з” убийства, совершенного бескорыстно, по просьбе, из дружеских чувств или в благодарность за что-либо. Едва ли такое убийство можно считать совершенным по найму, как полагают некоторые юристы. Убийство по найму всегда совершается за вознаграждение, хс

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 6. С. 11.

² См.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник. М.: Новый Юрист, С. 60—61.

не обязательно в денежной форме. Вознаграждение может носить и иной характер. Мотивом такого убийства может служить, в частности, обещание “заказчика” устроить исполнителя убийства на высокооплачиваемую работу, обеспечить принятие в учебное заведение, продвинуть по службе¹.

Не следует отождествлять корыстные побуждения как мотив убийства с корыстолюбием, жадностью как свойством личности. Поэтому убийство кредитором неисправного должника не может квалифицироваться по п. “з”, поскольку этим виновный не приобретает имущество и не избавляется от материальных затрат. Точно так же не всякое убийство на почве бытовой ссоры из-за денег или другого имущества является убийством из корыстных побуждений (например, убийство жены за отказ дать денег на выпивку или убийство знакомого в ссоре, возникшей из-за отказа поделиться спиртным или угостить сигаретой).

От убийства из корыстных побуждений следует отличать убийство из мести за посягательство на имущество виновного или за иное причинение ему какого-либо реального или мнимого имущественного ущерба (например, убийство соседа за то, что он самовольно воспользовался мотоциклом виновного). Нужно помнить, что понятие корыстных побуждений как мотива убийства более узкое и конкретное, нежели жадность и корыстолюбие как свойства личности.

Изменение редакции данного квалифицирующего признака создало представление о его дроблении на несколько самостоятельных признаков.

В последнее время Верховный Суд Российской Федерации ориентирует суды на то, чтобы при квалификации убийства по найму или убийства, сопряженного с разбойным нападением, не приводить квалифицирующий признак “из корыстных побуждений” как излишний². “При квалификации действий осужденного Козлова по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а Шадрина по ч. 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 изъятие вменен квалифицирующий признак “из корыстных побуждений”. Совершение убийства, сопряженного с разбоем, само по себе предусматривает корыстный мотив, поэтому дополнительной квалификации по признаку “из корыстных побуждений” не требуется.

¹ См.: Меркушов А. Е. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 105 УК РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 6. С. 23.

² См.: Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за второй квартал 1999 г. М., 1999 // Определение по Делу Чиркова и др.; определение по Делу Чуносова.

Квалифицирующий признак пункта “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ “из корыстных побуждений” подлежит исключению из судебных решений¹.

Однако эта рекомендация несколько противоречит требованиям обязательно указывать в приговоре на мотивы совершенного убийства. По-видимому, в основе такой позиции лежит представление о том, что в п. “з” ч. 2 ст. 105 назван не один, а несколько самостоятельных квалифицирующих признаков. Сам по себе вопрос о числе квалифицирующих признаков убийства в том или ином пункте, с учетом возможности их дробления и конкретизации, относится к числу дискуссионных.

“Вычленение” из корыстного убийства его разновидности — “убийства, сопряженного с разбоем” привело некоторых юристов к ошибочному представлению о том, что этот вид убийства включает в себя разбой, который не требует самостоятельной квалификации. Сторонники этого взгляда видят подтверждение своей позиции в новой редакции ст. 17 УК РФ, дающей определение совокупности преступлений. Федеральным законом от 21 июня 2004 г. № 73-ФЗ первая часть данной статьи была дополнена словами: “за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание”. Такое дополнение помогает на практике решить некоторые коллизионные вопросы, связанные с квалификацией двух или более убийств, совершенных одним лицом (см. выше). Однако данная формулировка не может служить основанием для вывода о том, что ст. 105 УК РФ охватывает все сопряженные с убийством преступления, не только те, о которых говорится в п. “з” ч. 2 ст. 105 (разбой, бандитизм, вымогательство), но и захват заложников, похищение человека (п. “в” ч. 2), а также изнасилование и другие преступления, в целях обеспечения совершения или сокрытия которых умышленно причиняется смерть (п. “к” ч. 2).

О необходимости применения совокупности в этих случаях говорилось во многих постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ, а ранее — Верховных Судов РСФСР и СССР. Из текста измененной ст. 17 УК РФ не вытекает отрицание совокупности во всех этих случаях. Нельзя рассматривать “убийство, сопряженное с разбоем”, как единое преступление. Разбой — самостоятельное преступление, от-

носящееся к категории особо тяжких, со своим объектом и предметом, своими квалифицирующими признаками и своими последствиями. Убийство не может поглотить разбой, также как разбой не может поглотить убийство. Квалифицирующие признаки разбоя нельзя игнорировать. По этому поводу имеется прямое указание в п. 22 постановления № 29 Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”: “Если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное им следует квалифицировать по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также по п. “в” ч. 3 ст. 162 УК РФ. При наличии в действиях виновного в разбойном нападении других отягчающих обстоятельств (например, разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением оружия и т. п.) эти признаки объективной стороны разбоя должны быть указаны в описательной части приговора”¹.

Грамматическое толкование новеллы в ст. 17 также показывает, что она не применима к данной ситуации. Квалифицирующие признаки убийства характеризуют тот или иной элемент состава именно убийства. Совершение какого-либо преступления не может быть квалифицирующим признаком другого преступления. Преступление может играть роль “обстоятельства, влекущего более строгое наказание” только путем применения нормы о совокупности. Убийство же при разбое всегда рассматривалось как разновидность убийства из корыстных побуждений, в чем и состоит его повышенная опасность.

Сказанное можно отнести и к случаям сопряженности убийства с иными преступлениями. Строго говоря, точнее было бы в этих случаях говорить не об убийстве, сопряженном с разбоем, а о разбое (и других преступлениях), сопряженном с убийством.

Следует согласиться с мнением Б. В. Волженкина, что “более правильным был бы вообще полный отказ от такого рода конструкций (преступление, сопряженное с совершением другого преступления)”². Нет оснований для ревизии постановления Пленума от 27 января 1999 г. о применении совокупности. Уже после вступления в силу Закона РФ от 21 июня 2004 г. № 73-ФЗ Президиум Верховного Суда РФ рассматривал дела, по которым виновные были осуждены

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 5.

² Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 10п01пр от 7 февраля 2001 г. (СПС КонсультантПлюс).

за убийство и разбой, не подвергая сомнению квалификацию по совокупности п. “з” ч. 2 ст. 105 и ст. 162 УК РФ.

В начальный период действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. разбой, “повлекший за собою смерть или тяжкое увечье потерпевшего” (ч. 3 ст. 167 УК РФ), рассматривался как более тяжкое преступление, чем убийство. Санкция этой нормы была выше, включала возможность применения расстрела, в то время как санкция ст. 136 предусматривала только лишение свободы на срок до десяти лет. Считалось, что при квалификации деяния по ч. 3 ст. 167 УК РСФСР 1926 г. суду незачем применять п. “а” ст. 136, так как первая поглащает вторую¹.

Широкое применение принципа поглощения при назначении наказания по совокупности вообще часто производилось на практике, к поглощению составов менее опасных преступлений. Такой подход подвергался обоснованной критике, поскольку “при квалификации нельзя отпирать от санкции, установленной за данное преступление”².

Что касается разбоя, сопряженного с убийством потерпевшего, начиная с указов от 4 июля 1947 г., высшие судебные инстанции твердо стояли на позиции, что здесь имеет место совокупность двух преступлений³.

Определенные трудности возникают при толковании понятия “убийство, сопряженное с разбоем”. В чем заключается “сопряженность”? Можно ли считать убийство сопряженным с разбоем, если смерть причиняется не собственнику имущества и не охраннику, а постороннему лицу? Очевидно, ответ должен быть положительным, поскольку убийство совершается в целях облегчения или сокрытия завладения имуществом и может рассматриваться как способ хищения.

¹ Мокринский С., Натансон В. Преступления против личности. Харьков, 1938. С. 11.

² Михайлов М. П. Уголовная ответственность за кражу личного имущества разбой. М., 1957. С. 145.

³ См.: п. 7 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 28 мая 1947 г. № 5 “О судебной практике по применению Указа ПВС СССР от 4 июля 1947 г. п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 4 по некоторым вопросам, возникшим в судебной практике по делам об умышленном убийстве”; п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июля 1975 г. № 4 “О судебной практике по делам об умышленном убийстве”; п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам об умышленных убийствах” от 22 декабря 1992 г. № 15; п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое”.

Не менее сложной является проблема квалификации убийства с целью последующего завладения чужим имуществом при наличии разрыва между этими действиями во времени и пространстве. Например, А. и братья Б. договорились похитить имущество из квартиры семьи Р. Осуществляя задуманное, обманным путем вызвали из квартиры несовершеннолетнюю Р., отвезли в пустынное место, где А. убил ее. После содеянного похитили золотую цепочку и ключи от квартиры, закопали труп. На следующее утро, согласно договоренности, проникли в квартиру Р. и похитили оттуда деньги, вещи и другие ценности. Действия виновных были квалифицированы как убийство по совокупности с кражей (по п. “ж”, “з” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ). В постановлении Президиума Верховного Суда РФ по этому делу сказано: “Групповое преступление предполагает не менее двух исполнителей. Соучастие в форме пособничества не образует группы, и этот квалифицирующий признак подлежит исключению из обвинения.

По смыслу закона квалификация убийства по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, когда цель облегчить совершение другого преступления является основным мотивом лишения жизни потерпевшего, исключает возможность квалификации этого же убийства по какому-либо другому пункту ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель и мотив убийства.

Судом установлено, что убийство Р. совершено с целью облегчить кражу денег и ценностей из квартиры, где потерпевшая проживала с родителями.

На основании изложенного из приговора следует исключить осуждение Арчакова по п. “ж”. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное группой лиц из корыстных побуждений)”¹.

На практике возникает вопрос: как отграничить убийство в целях облегчения или сокрытия кражи от убийства, сопряженного с разбоем? Решая эту проблему, надо в первую очередь исходить из понятия разбоя как насильственной формы хищения. Разбой определяется в ст. 162 УК РФ как “нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия”.

Убийство, как наиболее опасная форма насилия, может служить способом хищения. Если преступник использует опасное для жизни или здоровья насилие для завладения чужим имуществом, то не имеет значения, тайно или открыто происходит само изъятие имущества.

¹ БВС РФ. 2004. № 4. С. 17.

В тех случаях, когда завладение имуществом обусловлено причинением смерти потерпевшему, можно вести речь только о разбое. Гораздо большую сложность представляют ситуации, когда, как в приведенном примере с убийством Р., причинение смерти и завладение имуществом разделены во времени и пространстве. Для признания убийства, сопряженного с разбоем, в материалах дела должны быть отражены обстоятельства, свидетельствующие о том, что преступник заведомо причинил смерть в целях завладения имуществом.

Если виновный имел намерение совершить кражу или иное насильственное преступление, но, будучи застигнут или встретив сопротивление, применяет насилие, опасное для жизни или здоровья, ситуацию принято рассматривать как трансформацию (перерастание) начатого преступления в разбой. Совершенное при этом убийство соответственно должно рассматриваться как сопряженное с разбоем.

Есть еще одна проблема. Убийство, сопряженное с разбоем, одновременно выступает как убийство в целях облегчения или сокрытия другого преступления. При этом неизбежна конкуренция двух норм: п. “з” и “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ. В период действия УК РСФСР 1960 г. нередко убийство в разбойном нападении квалифицировалось одновременно по п. “а” и “е” ст. 102, т. е. как убийство, совершенное из корыстных побуждений и с целью скрыть другое преступление¹. В практике Верховного Суда РФ установилось негативное отношение к объединению этих пунктов, причем предпочтение отдавалось п. “а” ст. 102 УК РСФСР 1960 г. (убийство из корыстных побуждений). Теперь приоритет отдается п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ (см. ниже параграф 4.4.3).

Убийство, как наиболее опасная форма насилия, должно рассматриваться как сопряженное с разбоем не только в тех случаях, когда оно предшествовало завладению чужим имуществом, но и когда совершено в процессе изъятия имущества или непосредственно после изъятия, если убийство служило целям завладения имуществом.

III. было предъявлено обвинение в том, что после совершения совместно с другим лицом разбойного нападения он сначала оставил потерпевшего, находившегося в бессознательном состоянии, затем, опасаясь, что тот сообщит о преступлении в правоохранительные органы, вернулся к нему и с целью сокрытия разбойного нападения задушил². В п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 “О судебной практике по делам

краже, грабеже и разбое” сказано: “Если лицо во время разбойного нападения совершает убийство потерпевшего, содеянное им следует квалифицировать по пункту “з” части второй статьи 105 УК РФ, а также по пункту “в” части третьей (теперь: четвертой. — Г. Б.) статьи 162 УК РФ”¹.

Выделение *убийства по найму* обусловлено увеличением числа таких убийств и их профессионализацией. К тому же в психологии наемных убийц, по данным последних исследований, корыстные побуждения не всегда носят определяющий характер. Наемный убийца просто получает вознаграждение за свою профессиональную деятельность, хотя в данном случае она имеет резко антисоциальную, криминальную направленность. В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. сказано: “Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ”.

В повседневном юридическом обиходе и средствах массовой информации убийство по найму часто называют “заказным”, хотя закон этого термина не употребляет, как и терминов “заказчик”, “посредник”. Как вид соучастника “заказчик” играет роль организатора убийства. Но организатором является и “посредник”, т. е. лицо, которое во исполнение полученного заказа подбирает исполнителей, разрабатывает план убийства и осуществляет другие действия. Здесь мы наблюдаем два уровня (или два этапа) организаторской деятельности.

Что касается убийства, *сопряженного с бандитизмом*, то его выделение имеет смысл лишь постольку, поскольку целью создания банды и совершаемых бандой нападений не всегда является завладение имуществом, а значит, такое убийство не может считаться совершенным из корыстных побуждений.

Убийство не может быть способом вымогательства по определению (ст. 163 УК РФ). Однако убийство может быть *сопряжено с вымогательством*, если смерть причиняется не собственнику имущества, а его близкому или другому лицу, чтобы тем самым принудить собственника к выполнению требований вымогателя. Возможно также убийство потерпевшего в случае трансформации вымога-

¹ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М.: Вердикт, 1994. С. 14

² БВС РФ. 2004. № 6. С. 30.

¹ БВС РФ. 2003. № 2. С. 5.

тельства в разбой. Но тогда следует говорить об убийстве, сопряженном с разбоем.

Учитывая, что разбой, вымогательство и бандитизм не охватываются понятием убийства, необходима квалификация этих преступлений по совокупности с убийством¹.

Если убийство, совершенное в процессе разбойного нападения, сопряжено также с уничтожением имущества путем поджога, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных п. “з” ч. 2 ст. 105, ст. 162 и ч. 2 ст. 167 УК РФ².

Действия пособника в корыстном убийстве, включая убийство по найму, квалифицируются по ст. 33 и п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ даже если он сам не стремился извлечь материальную выгоду, не сознавал, что исполнитель действует из корыстных побуждений. Это относится также к подстрекателям и организаторам убийства по найму³.

В делах об убийстве по найму, по мнению Верховного Суда РФ достаточно указания на это обстоятельство без ссылки на корыстные побуждения. Характерным является определение по делу Букреева и др. Как установлено судом, после распития спиртных напитков Букреев и Тетера подошли к комнате потерпевшего Пикулева Букреев выбил закрытую дверь и, войдя в комнату, несколько раз ударил кулаком лежавшего Пикулева и прижал его голову к подушке. Тетера в это время нанес удары ножом, а Чирков держал потерпевшего за ноги. Тетера показал, что, узнав от Букреева о предложении Чиркова убить Пикулева за 10 тыс. долл., он согласился на это.

Суд квалифицировал действия Букреева и Тетеры по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство из корыстных побуждений и по найму.

Рассматривая дело по кассационной жалобе осужденных, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что убийство по найму применительно к обстоятельствам данного дела является по существу убийством из корыстных побуждений. В связи с чем квалификация содеянного Букреевым и Тетерой как убийства из корыстных побуждений излишняя и подлежит исключению из приговора⁴.

¹ См.: п. 12, 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 3.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1. С. 8 // Постановление по Делу Коржева.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 11. С. 9; 1999. № 3. С. 15-16.

⁴ Определение № 71-099-4 по Делу Чиркова, Букреева и Тетеры.

Если исходить из позиции Верховного Суда, согласно которой убийство по найму является самостоятельным квалифицированным видом убийства, то возможно стечение в одном убийстве двух квалифицирующих признаков, предусмотренных п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Между супругами Селюниными сложились неприязненные отношения, в связи с чем муж высказал намерение расторгнуть брак и произвести раздел имущества. Не желая раздела, Селюнина предложила Кривченко и Шмелеву за денежное вознаграждение убить ее мужа. Она же разработала план убийства, обсудила с Кривченко и Шмелевым детали совершения преступления, отвела их на чердак дома, где планировалось осуществить указанные действия, и передала им орудие убийства — нож.

Затем под надуманным предлогом Селюнина привела мужа к месту предполагаемого убийства. На площадке тринадцатого этажа Шмелев и Кривченко убили Селюнина, нанеся ему множество ударов обрезком трубы и ножом.

Президиум Верховного Суда РФ 26 февраля 2003 г. исключил из приговора и кассационного определения квалифицирующий признак “убийство из корыстных побуждений”, в остальном (в части квалификации преступления) судебные постановления оставил без изменения, указав следующее:

“Поскольку организация Селюниной убийства мужа была обусловлена получением исполнителями преступления материального вознаграждения, действия осужденной правильно квалифицированы по ч. 3 ст. 33 и п. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ как организация убийства по найму, по предварительному сговору группой лиц.

В связи с этим квалифицирующий признак организации убийства — из корыстных побуждений — подлежит исключению”¹.

В данном деле у Селюниной имелись два вида корыстных побуждений: во-первых, стремление избежать материальных потерь (из-за предстоящего раздела квартиры и другого имущества); во-вторых, корыстные побуждения, которые традиционно вменяются каждому соучастнику убийства по найму. Такого “удвоения” квалифицирующего признака можно было бы избежать, если бы законодатель завершил его дифференциацию, выделив убийство по найму (“заказное убийство”) в самостоятельный пункт ч. 2 ст. 102 УК РФ².

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 26 февраля 2003 г. Дело № 57п03 (СПС КонсультантПлюс).

² В Уголовных кодексах Украины (ст. 115) и Молдавии (ст. 145) наряду с убийством из корыстных побуждений предусмотрено “убийство, совершенное по заказу”, как самостоятельный вид квалифицированного убийства.

4.4.2. Убийство из хулиганских побуждений (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ). В судебной практике признано, что таковым считается убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым моральным нормам, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (см. п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г.). Это самая общая характеристика хулиганских побуждений. По своему содержанию они представляют сложный мотив, в котором переплетаются и безграничный, разнузданный эгоизм, и искаженные представления о границах личной свободы, и культ грубой силы, и стремление “испытать себя”, и вспышка безотчетной злобы. Такая мотивация присуща всякому хулиганству. Но при совершении убийства из хулиганских побуждений к этому присоединяется и пренебрежительное отношение к человеческой жизни вообще, безотносительно к личности потерпевшего.

Типичным для убийства из хулиганских побуждений является то, что оно совершается обычно без повода или с использованием незначительного повода в качестве предлога для лишения жизни (на пример, убийство прохожего за то, что не дал прикурить, сделал справедливое замечание, смотрел с улыбкой и т. п.). Так, Верховный Суд РФ признал правильной квалификацию как совершенного из хулиганских побуждений убийства отцом своего одиннадцатилетнего сына в ответ на замечание по поводу неумеренного потребления спиртного¹. Убийство без повода иногда ошибочно называют “безмотивным”. Любое убийство имеет свой мотив. Однако в тех случаях, когда мотив по обстоятельствам дела невозможно установить, убийство (при отсутствии других квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Для отграничения убийства из хулиганских побуждений от простого убийства в ссоре или драке необходимо выяснить, кто был инициатором и не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к убийству. Если инициатором ссоры или драки является потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его неправомерное поведение, убийство не может считаться совершенным из хулиганских побуждений.

Савинов был осужден за убийство Батакова по п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ переквалифициро-

вала его действия на ч. 1 ст. 105 УК РФ. Как установлено судом, вначале Батаков избил Савинова, а тот в ходе продолжения ссоры через некоторое время убил Батакова. Судебная коллегия указала: “В том случае, когда поводом к конфликту послужило противоправное поведение потерпевшего, виновный не может нести ответственность за его убийство из хулиганских побуждений”¹.

4.4.3. Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ). В п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ объединены два квалифицирующих признака, поскольку они в значительной мере взаимно пересекаются.

Повышенная опасность убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение обусловлена, прежде всего, поставленной целью. Поэтому для вменения данного квалифицирующего признака не имеет значения, достигнута ли поставленная цель фактически. Не имеет значения также, какой характер носило это другое преступление, к какой категории оно относилось. Если виновный идет на причинение смерти человеку, чтобы скрыть преступление небольшой тяжести, опасность такого убийства не снижается. Сказанное относится и к редким случаям убийства в целях сокрытия мнимого преступления, когда виновный ошибочно полагает, что ему грозит уголовная ответственность за действия, которые в действительности преступлением не являются.

По п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется также убийство в целях сокрытия или облегчения совершения преступления, исполнителем которого было другое лицо.

Если убийство было совершено в целях облегчения или сокрытия разбойного нападения, оно квалифицируется по п. “з” ч. 2 ст. 105 как сопряженное с разбоем. В этом случае дополнительная квалификация по п. “к” не требуется, поскольку данное обстоятельство (сопряженность с разбоем) прямо названо в тексте п. “з” ч. 2 ст. 105.

В УК РСФСР 1926 г. аналогичный признак был сформулирован несколько иначе — “с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление”. В сущности, это было дословным воспроизведением текста п. 13 ст. 455 Уголовного уложения 1903 г. Такое заимствование было неудачным, поскольку в отличие от Уложения в УК РСФСР 1926 г. отсутствовало понятие “тяжкое преступление”. Но главный недостаток этой формулы был в другом. Возникало недо-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 1. С. 5—6; 1993. № 5. С. 6—

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 10. С. 15.

умение: почему убийство с целью облегчить или скрыть малозначительное преступление должно считаться менее опасным? Поэтому уже в УК РСФСР 1960 г. указание на тяжесть преступления было исключено. Одновременно признак был несколько расширен путем указания на убийство, сопряженное с изнасилованием. В действующем УК РФ добавлены слова “или насильственными действиями сексуального характера” (в связи с криминализацией этого деяния).

Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать

- убийство в процессе изнасилования (либо третьего лица с целью облегчить совершение изнасилования, либо с косвенным умыслом самой потерпевшей в процессе преодоления ее сопротивления);
- убийство с целью скрыть совершенное изнасилование;
- убийство из мести за оказанное при изнасиловании сопротивление (как в случае оконченого изнасилования, так и в случае, когда изнасилование не удалось довести до конца);
- убийство, совершенное при таких же обстоятельствах, но сопряженное с мужеложством, лесбиянством или иными действиями сексуального характера с применением насилия или с угрозой его применения (ст. 132 УК РФ). Так же должны оцениваться убийства, сопряженные с последующим удовлетворением сексуальных потребностей в отношении трупа (некрофилия).

Поскольку ст. 131, 132 УК РФ не предусмотрено умышленное причинение смерти, то они применяются по совокупности с п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Возникает вопрос: сколько квалифицирующих признаков предусмотрено в п. “к” ч. 2 ст. 105 (один, два или три)? Если убийство совершено с целью скрыть изнасилование, достаточно ли квалифицировать его как “сопряженное с изнасилованием”? По этому вопросу нет единого мнения в судебной практике. Думается, что квалифицирующий признак здесь один. Формулировка его зависит от конкретных обстоятельств дела. В случае совершения убийства для облегчения или сокрытия изнасилования или насильственных действий сексуального характера следует говорить об убийстве, “сопряженном с изнасилованием и т. д.” Первая же часть формулировки п. “к” должна использоваться, когда речь идет об облегчении или сокрытии любого другого преступления. И, напротив, убийство может быть квалифицировано как сопряженное с изнасилованием и в тех случаях, когда оно не связано с облегчением или сокрытием этого преступления (например, из мести за оказанное при изнасиловании сопротивление).

Как видим на примере изнасилования, понятие “сопряженность” убийства с другими преступлениями отчасти характеризуется целью сокрытия или облегчения совершения этого преступления. Очевидно, это следует учитывать при отграничении данного вида убийства от убийства, сопряженного с похищением человека, захватом заложника, разбоем, вымогательством или бандитизмом (п. “в”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ).

4.4.4. Убийство по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ). Здесь объединены в обновленной редакции два отягчающих обстоятельства, ранее предусмотренные в пунктах “к”, “м” ст. 102 УК РСФСР. Повышенная опасность этого вида убийства обусловлена тем, что оно посягает не только на жизнь человека, но и гарантированное ст. 19 Конституции равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его национальной, расовой или религиозной принадлежности.

В отличие от п. “м” ст. 102 УК РСФСР 1960 г. новая редакция данного квалифицирующего признака говорит об убийстве не “на почве”, а именно *по мотиву* национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Поэтому для применения п. “л” ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо установить соответствующий мотив. Мотив может быть обусловлен ненавистью к потерпевшему как к представителю определенной национальности, расы или религии либо может служить проявлением шовинистического мировоззрения, ксенофобии или религиозной нетерпимости, когда ненависть или вражда распространяется на лиц всех иных национальностей или всех иноверцев. Названный мотив может быть единственным, но может сочетаться с другими мотивами, например, мстью за какие-либо действия потерпевшего или хулиганскими побуждениями. В последнем случае квалификация убийства по п. “л” или “и” зависит от того, какой мотив явился преобладающим, судя по обстоятельствам дела (повод к преступлению, способ, обстановка совершения преступления и т. д.).

Обычай *кровной мести*, сохранившийся в отдельных местностях Российской Федерации (например, в Дагестане, Чечне, Ингушетии), состоит в том, что в случае убийства или причинения вреда здоровью или оскорбления какого-либо лица потерпевший либо его родственники обязаны отомстить обидчику, лишив его жизни. Со своей стороны, родственники новой жертвы тоже считают себя обязанными выполнить обычай кровной мести (“кровь за кровь”). Этот процесс может длиться долго, приводя к гибели многих людей.

В отличие от простого убийства из мести при убийстве по мотиву кровной мести виновный руководствуется не столько чувством личной неприязни к потерпевшему, сколько стремлением соблюсти обычай, дабы не подвергнуть позору себя и свой род.

4.4.5. Убийство с целью использования органов или тканей потерпевшего (п. “м” ч. 2 ст. 105 УК РФ) — новый квалифицирующий признак, не известный ранее действовавшему законодательству. Введение этого признака обосновывается тем, что благодаря успехам медицины в области трансплантации органов и тканей человека появился соблазн к изъятию их ценой жизни потерпевшего.

Изъятие органов или тканей убитого может быть совершено и для любого последующего использования, не исключая каннибализма или ритуальных действий на почве суеверия.

Убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам (п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ). При этом приходится сталкиваться с проблемой конкуренции квалифицирующих признаков. Обычно речь идет о конкуренции мотивов: корысть или стремление облегчить совершение другого преступления? Хулиганские побуждения или месть за выполнение общественного долга? В таких случаях требуется выделить доминирующий мотив, который определяет квалификацию. Так, по ряду дел Президиум Верховного Суда РФ исключил из приговоров п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ, “поскольку по рассмотренным делам преступления совершены только из корыстных побуждений, а не с целью сокрытия разбойного нападения либо облегчения его совершения”¹.

Иногда в совершенном преступлении имеются разнородные квалифицирующие обстоятельства, из которых одно, допустим, относится к мотиву, а другое к способу совершения преступления. Например, убийство из корыстных побуждений общеопасным способом, убийство совершенное с особой жестокостью из хулиганских побуждений. В таких случаях при квалификации убийства учитываются все квалифицирующие признаки.

Наряду с этим возможна ситуация, когда одно квалифицирующее обстоятельство является разновидностью другого или его элементом. К примеру, при убийстве двух или более близких лиц, совершенном последовательно, убийство каждого происходит на глазах у других. Естественно, что присутствующие при убийстве лица часто испытывают сильные душевные страдания. Сознательное при-

чинение им подобных страданий обычно рассматривается как проявление особой жестокости. В практике нередко такие действия квалифицируются по пунктам “а” и “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ. С этим трудно не согласиться. Устанавливая повышенную ответственность за убийство двух или более лиц, законодатель, очевидно, исходил из всего комплекса обстоятельств, повышающих опасность такого рода убийства, не исключая и упомянутых страданий. Тем более, что они перекрываются последующим убийством самого страдающего лица. Содеянное должно квалифицироваться только по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Аналогично должен решаться вопрос о квалификации убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, если это лицо сознательно свою беспомощность и невозможность оказать сопротивление либо уклониться от посягательства на его жизнь. Убийство такого лица ранее рассматривалось как проявление особой жестокости. Собственно, так оно и есть. Но коль скоро законодатель выделил убийство заведомо беспомощного лица в самостоятельный вид квалифицированного убийства, оно и должно квалифицироваться только по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В современном зарубежном законодательстве, за исключением уголовных кодексов бывших союзных республик, нет такого подробного исчерпывающего перечня квалифицирующих признаков убийства, как в УК РФ. Для повышения ответственности в случаях, признаваемых тяжким убийством, наиболее часто используется ссылка либо на предумышленный характер преступления (заведомость), либо на такие оценочные признаки, как “коварство”, “вероломство”, “жестокий способ”, “низменные побуждения”. Последнее обстоятельство имелось ранее в российском законодательстве, но уже УК РСФСР 1960 г. отказался от него ввиду опасности произвольного толкования.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5. С. 12.

5. Привилегированные виды убийства

5.1. Убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство) (ст. 106 УК РФ)

Убийство матерью новорожденного ребенка (детоубийство) впервые в российском законодательстве выделено в самостоятельный привилегированный состав убийства. По дореволюционному законодательству наказание смягчалось лишь при убийстве внебрачного (“незаконнорожденного”) ребенка. В иных случаях убийство сына или дочери (“чадоубийство”) рассматривалось как квалифицированный вид преступления, равно как убийство отца, матери или иного родственника по восходящей или нисходящей линии. В УК РСФСР 1960 г. детоубийство не выделялось в особый состав и чаще квалифицировалось как простое убийство. Обстоятельства, которые нередко сопутствуют детоубийству (особое физическое и психическое состояние женщины во время родов; тяжелая семейная обстановка; материальные трудности), обычно учитывались судами в качестве смягчающих обстоятельств. Однако детоубийство могло квалифицироваться и по ст. 102 УК РСФСР 1960 г. при наличии отягчающих обстоятельств, среди которых встречались повторность, корыстные побуждения, особая жестокость.

Исполнителем преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, может быть только мать новорожденного ребенка. Однако в качестве подстрекателя или пособника может выступать и другое лицо (отец ребенка, акушерка). Действия такого лица квалифицируются по общему правилу о квалификации соучастия в преступлении со специальным субъектом, т. е. по ст. 33 и ст. 106 УК РФ. Напротив, убийство новорожденного, совершенное другим лицом даже с согласия и по просьбе матери, квалифицируется не по ст. 106, а по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В ст. 106 УК РФ предусмотрено две ситуации. Первая — убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов — не обязательно связывается с каким-либо психическим рас-

стройством матери. Практика знает немало случаев, когда такое убийство совершается расчетливо и хладнокровно, планируется и готовится заранее, нередко из-за нежелания подвергать себя операции аборта. Важно только установить, что убийство укладывается в определенный законом промежуток времени (“во время или сразу после родов”). Смягчение законодателем ответственности может быть объяснено тем, что в этот период женщина не всегда в состоянии воспринимать рождающегося человека как самостоятельное живое существо, продолжает видеть в нем свой плод, ощущать его как источник боли и страданий.

Второй вариант, предусмотренный ст. 106 УК РФ, — убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, — напротив, не связывает ответственность со столь узким промежутком времени. Психотравмирующая ситуация или состояние психического расстройства могут возникнуть до родов, во время родов или некоторое время спустя. Роды сами по себе, необходимость заботиться о новорожденном, семейные и бытовые неурядицы — все это в совокупности может оказаться непосильной нагрузкой для психики матери, особенно в первое время. Возможно и психическое расстройство, не исключающее вменяемости (ст. 22 УК РФ). В данном случае такое состояние матери влияет и на квалификацию преступления¹.

Во втором варианте речь идет также об убийстве новорожденного ребенка. В медицинской практике новорожденным считается ребенок до достижения им одного месяца. Убийство ребенка большого возраста не может квалифицироваться по ст. 106 УК РФ.

Необходимо подчеркнуть, что упомянутые здесь обстоятельства, способствующие детоубийству, не исключают общественной опасности содеянного и не дают оснований для попустительства такому опасному преступлению, объектом которого является жизнь человека, к тому же находящегося в беспомощном состоянии. Циничными выглядят рассуждения, будто мать имеет моральное право распоряжаться жизнью младенца, как всякий творец своим произведением.

В первом официальном проекте УК РФ (1992 г.) формулировка соответствующей нормы была более краткой: “Умышленное убийство матерью своего новорожденного ребенка во время родов или

¹ Некоторые исследователи полагают, что в ст. 106 речь идет о трех ситуациях, отделяя во втором варианте психотравмирующую ситуацию от психического состояния матери (см.: *Понов А. Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 10).

непосредственно после родов”. Это совпадало с текстом статей о детоубийстве, имевшихся в то время в большинстве уголовных кодексов других союзных республик. В проекте УК РФ, принятом Государственной Думой в первом чтении (декабрь 1994 г.), детоубийство не было предусмотрено. Модельный уголовный кодекс уточнил условия применения этой нормы, добавив слова: “совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами”. Это дополнение соответствовало существовавшему в науке уголовного права представлению о смягчающей роли данного обстоятельства¹.

Небольшое изменение, внесенное в окончательную редакцию нормы при последнем голосовании проекта (слова “а равно” перед второй частью фразы), существенно расширило ее содержание, разорвав связь между моментом родов и психическим состоянием матери.

5.2. Убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ)

Данная норма по своему содержанию идентична ст. 104 УК РСФСР 1960 г., однако новая редакция нормы требует особо внимательно рассмотреть все признаки данного состава преступления. Смягчение ответственности за данный вид убийства обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что виновный действует в особом психическом состоянии, — в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или аффекта (закон употребляет эти понятия как равнозначные); во-вторых, провоцирующим характером поведения потерпевшего, который своими действиями приводит виновного в состояние аффекта и вызывает у него намерение совершить убийство. Только сочетание названных двух обстоятельств в каждом конкретном случае дает основание для применения ст. 107 УК РФ.

Аффект — это особое психическое состояние человека, которое характеризуется кратковременностью и бурным развитием, сильным и глубоким эмоциональным переживанием, ярким внешним проявлением, сужением сознания и снижением контроля за своими действиями.

Сильное душевное волнение не считается болезненным расстройством психики и не рассматривается как медицинский критерий не-

¹ См.: *Аниязи М. К.* Ответственность за преступления против жизни. М., 1964. С. 129; *Борисов В. И., Куц В. Н.* Преступления против жизни и здоровья: вопросы квалификации; *Бородин С. В.* Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М., 1994. С. 46—47.

вменяемости¹. Поэтому его иногда называют физиологическим аффектом в отличие от патологического аффекта, когда в результате сильного переживания происходит полное отключение сознания, что исключает вменяемость. Физиологический аффект не лишает человека способности сознавать свои действия, но значительно затрудняет самоконтроль и критическую оценку принимаемых решений. Именно поэтому для применения ст. 107 УК РФ недостаточно сослаться на провоцирующий характер поведения жертвы, необходимо установить, что виновный действительно находился в состоянии аффекта. Многие ошибки судебной практики по данной категории дел связаны с тем, что следственные органы и суды не уделяют достаточного внимания оценке состояния виновного и не мотивируют свой вывод о наличии аффекта. В более простых случаях суд может самостоятельно оценить душевное состояние виновного по обстоятельствам дела, но в сложных ситуациях возможно назначение психологической либо (при наличии сомнений относительно вменяемости) комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Оценивая заключение экспертизы, суд может не согласиться с ней.

Так, Ахпайдерова была осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство своего мужа. Как было указано в акте амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы, “Ахпайдерова находилась в состоянии эмоционального возбуждения, но глубина его не достигала степени выраженности аффекта”. Президиум Кировского областного суда, глубоко исследовав материалы дела, пришел к выводу, что Ахпайдерова совершила убийство мужа в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией в связи с систематическим противоправным и аморальным поведением потерпевшего. В постановлении Президиума сказано: “Указание экспертов на то, что Ахпайдерова не находилась в состоянии физиологического аффекта, не может в конкретном случае быть решающим, так как правовую оценку душевного состояния осужденной в момент преступления дает суд”².

Смягчающее значение придается в ст. 107 УК РФ только *внезапно возникшему* сильному душевному волнению, что определяет и *внезапность* возникновения умысла на убийство, и немедленную реа-

¹ Б. А. Спасенников на основе проведенного исследования приходит к выводу, что аффект в некоторых случаях может быть связан с расстройством психики, не исключающим вменяемости. Поэтому виновный должен нести ответственность с учетом ст. 22 УК РФ (см.: *Спасенников Б. А.* Принудительные меры медицинского характера (история, теория, практика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 331).

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 1. С. 20.

лизацию этого умысла. Если же между провоцирующим поступком потерпевшего и причинением ему смерти проходит значительный промежуток времени, в течение которого виновный обдумывает и готовит убийство, то ст. 107 УК РФ не может быть применена. Незначительный разрыв во времени между противозаконными действиями потерпевшего и убийством не исключает возможности квалификации содеянного по ст. 107 УК РФ. Возможна ситуация, когда сильное душевное волнение возникает не в период совершения потерпевшим противозаконных действий, а в тот момент, когда виновному стало известно об этих действиях. Так, суд установил наличие признаков ст. 107 УК РФ в действиях матери, которая узнала от дочери о том, что она несколько лет назад была изнасилована отчимом, и в состоянии сильного душевного волнения совершила убийство мужа.

Для квалификации убийства по ст. 107 УК РФ необходимо установить, что причиной сильного душевного волнения (аффекта) явились определенные действия потерпевшего. К ним закон относит альтернативно: а) насилие; б) издевательство; в) тяжкое оскорбление; г) иные противоправные или аморальные действия (бездействие) потерпевшего. Существенным нововведением по сравнению со ст. 104 УК 1960 г. является указание на то, что аффект может быть вызван также “длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего”. Этим дополнением расширяется представление о механизме образования аффекта.

Насилие может заключаться в нанесении ударов, побоев, ранений и тому подобных действий, вызвавших состояние сильного душевного волнения. Если лицо, совершая убийство в состоянии аффекта, осуществляет свое право на необходимую оборону, то оно, как правило, освобождается от уголовной ответственности на основании ст. 37 УК РФ. Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. статья 37 УК РФ дополнена частью 2.1: “Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценивать степень и характер опасности нападения”. Описанная ситуация охватывает и случаи аффекта, возникшего у лица, подвергшегося нападению¹. Данная новелла в значительной мере снимает вопрос о соотношении смягчающих обстоя-

¹ Аналогичная норма имеется в ст. 36 Уголовного кодекса Украины 2001 г. Однако там прямо говорится о сильном душевном волнении, вызванном общественно опасным посягательством.

тельств, предусмотренных ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УК РФ. Раньше эта проблема решалась по правилам о конкуренции норм с привилегированными составами¹. Превышение пределов необходимой обороны рассматривалось как наиболее смягчающее обстоятельство, что и определило квалификацию по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Наличие аффекта учитывалось при назначении наказания. Но в практике встречались и ошибки, когда применялась ст. 104 УК РСФСР 1960 г. (ст. 107 УК РФ).

Поскольку закон не конкретизирует вид насилия, то надо полагать, что аффект может быть вызван и психическим насилием, т. е. угрозой. Практика и доктрина уголовного права исходят из того, что насилие должно носить противоправный характер. Если насильственные действия были совершены потерпевшим правомерно, ст. 107 УК РФ не может быть применена.

Под *тяжким оскорблением* принято понимать особо грубое унижение чести и достоинства человека, которое можно считать достаточной причиной для возникновения аффекта. При оценке тяжести оскорбления необходимо руководствоваться общепринятыми нормами морали, но учитывать и индивидуальные особенности личности самого виновного, реальное наличие аффекта. *Издевательство* может выражаться также в насильственных или оскорбительных действиях, отличающихся особым цинизмом или продолжительностью.

Новая редакция нормы допускает возможность постепенного нагнетания *психотравмирующей ситуации*, вызванной противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Судебная и экспертная практика и ранее сталкивалась с таким явлением, когда аффект возникал в результате переполнения “чаши терпения” у лица, длительное время подвергавшегося оскорблениям и издевательствам. Отсутствие прямого указания в законе затрудняло правильное решение вопроса о достаточном поводе для сильного душевного волнения в этих случаях. Некоторые суды ошибочно полагали, что при наличии постоянных и систематических ссор, затяжного конфликта внезапность сильного душевного волнения не может иметь места. И в настоящее время встречаются ошибки, когда суды отвергают наличие аффекта, ссылаясь на то, что насилие или оскорбления “не отличались от прежних”, были привычными для виновного².

Длительная психотравмирующая ситуация учитывается как смягчающее обстоятельство лишь при условии, что она вызвана проти-

¹ См.: *Иногамова-Хегай Л. В.* Конкуренция норм уголовного права. М., 1999. С. 81—85.

² БВС РФ. 2001. № 5. С. 18—19.

воправным или аморальным поведением потерпевшего и спровоцировала аффект.

Обычно аффект возникает, когда насилие или другие противоправные действия потерпевшего были направлены против виновного или его близких. Однако не исключается и возможность такой реакции и на аналогичные действия в отношении других лиц, например, малолетних или находящихся в беспомощном состоянии.

В прежнем законодательстве перечень извинительных поводов для аффекта был значительно уже. В УК РСФСР 1922 г., как и в дореволюционном законодательстве, наказание за убийство смягчалось лишь при условии, если сильное душевное волнение было вызвано “противозаконным насилием или тяжелым оскорблением со стороны потерпевшего” (ст. 144). УК РСФСР 1926 г. остался на тех же позициях. Расширение поводов для аффекта произошло в ст. 104 УК РСФСР 1960 г., где наряду с насилием и тяжким оскорблением со стороны потерпевшего говорилось также об иных противозаконных действиях потерпевшего, “если эти действия повлекли или могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких”. В действующем УК РФ перечень “законных” поводов для аффекта безмерно расширен, включая любые противоправные и просто аморальные действия. Это обстоятельство, а также отсутствие в ст. 107 УК РФ указания на то, что противоправные или аморальные действия потерпевшего “могли повлечь тяжкие последствия для виновного или его близких”, свидетельствуют о том, что законодатель придает более важное значение именно состоянию аффекта у виновного, независимо от того, какие и для кого могли наступить последствия от действия потерпевшего. Судам при применении ст. 107 УК РФ следует больше внимания уделять обоснованию вывода о том, что виновный действовал в состоянии аффекта. Признание извинительным поводом для аффекта любого противоправного или аморального поведения не должно толковаться слишком широко. Как справедливо замечает Б. А. Спасенников, расширение возможных поводов для аффекта “открывает возможность для лиц, склонных к насильственным преступлениям, использовать малейший повод, данный потерпевшим, для совершения преступления в отношении него, а затем выдвигать в качестве оправдания своего деяния состояние якобы внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)”¹.

Часть 2 ст. 107 УК РФ впервые устанавливает *квалифицированный вид* данного преступления — убийство двух или более лиц, со-

¹ Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера (история, теория, практика). М.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 285.

вершенное в состоянии аффекта. Эта норма подлежит применению в тех случаях, когда причиной аффекта явилось противоправное поведение двух или более лиц, ставших жертвами убийства. В иных случаях, когда виновный в состоянии аффекта причиняет смерть не только обидчику, но и другим лицам (растекание повода), содеянное не может квалифицироваться по ч. 2 ст. 107 УК РФ, поскольку отсутствует такое основание для применения привилегированной нормы как провоцирующее и противоправное поведение потерпевших. Направляя на новое судебное рассмотрение дело по обвинению В. в убийстве жены и сына, Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала на необходимость установления ситуации аффекта как в случае убийства одного, так и в случае убийства другого потерпевшего, и была ли создана психотравмирующая ситуация обоими потерпевшими¹.

В отношении других квалифицирующих признаков, названных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, действует разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данное постановлением от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве” о том, что убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, не должно квалифицироваться как совершенное при отягчающих обстоятельствах.

5.3. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ)

Привилегированный состав убийства, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УК РФ, является традиционным для российского уголовного законодательства. В составе данного преступления сочетаются признаки убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и признаки превышения пределов необходимой обороны, рассматриваемые в курсе Общей части уголовного права в связи с понятием необходимой обороны (ст. 37 УК РФ).

Для квалификации убийства по ч. 1 ст. 108 УК РФ прежде всего следует установить, что виновный находится в состоянии необходимой обороны, т. е. смерть причинена посягающему лицу при защите личности и прав (своих собственных или другого лица) или законных интересов общества или государства. При этом должны быть соблюдены условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к нападению (оно должно быть общественно опасным и на-

¹ БВС РФ. 2002. № 9. С. 17.

личным), но нарушено условие, относящееся к защите (допущено превышение пределов необходимой обороны).

В силу указаний закона и с учетом судебной практики последних лет по ч. 1 ст. 108 УК РФ может квалифицироваться убийство, лишь когда обороняющийся сознательно прибегнул к защите такими средствами и способами, которые явно не вызывались ни характером нападения, ни реальной обстановкой, и без необходимости умышленно причинил нападающему смерть. Неосторожное причинение смерти посягающему при отражении общественно опасного (преступного) посягательства не влечет уголовной ответственности. Это вытекает из самого текста статьи, где говорится об *убийстве*, т. е. умышленном причинении смерти. Прежнее законодательство не было столь определенным. Статья 145 УК РСФСР 1922 г. устанавливала ответственность за “превышение пределов необходимой обороны, повлекшее за собой смерть нападавшего”. В ст. 139 УК РСФСР 1926 г. были объединены “убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны”. И даже ст. 105 УК РСФСР 1960 г. не содержала указания на форму вины: “Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны”. Поэтому продолжало бытовать мнение, что состав допускает и неосторожную форму вины¹.

Практика показала, что при необходимой обороне в принципе возможно причинение смерти по неосторожности. Но оно не выходит за рамки правомерной защиты путем причинения вреда нападающему и не свидетельствует о явном несоответствии защиты посягательству.

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, необходимо ограничивать, с одной стороны, от правомерного лишения жизни посягающего (ч. 1 ст. 37 УК РФ), с другой стороны, от умышленного убийства вне состояния необходимой обороны. Для правильного решения вопросов квалификации данного вида убийства следует руководствоваться указаниями Верховного Суда РФ, а также сохранившими силу разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. “О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от преступных посягательств”².

¹ Критику этого взгляда см.: *Бородин С. В.* Преступления против жизни. М., 1999. С. 209—210

² Сборник действующих постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 2000. С. 58—64.

При решении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения необходимой обороны нельзя механически исходить из требования о соответствии средств и способов защиты средствам и способам нападения. Такое соответствие едва ли возможно, ибо для успешного отражения нападения его надо преодолеть, применив более интенсивные методы. Необходимо учитывать характер угрожающей опасности, силы и возможности обороняющегося по отражению посягательства (количество нападающих и обороняющихся, их возраст, физическое состояние, вооруженность, место и время посягательства (количество нападающих и обороняющихся, их возраст, физическое состояние, вооруженность, место и время посягательства и т. д.). Все должно оцениваться в совокупности. В частности, нет оснований ограничивать возможность лишения жизни нападающего только теми ситуациями, когда нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица. Не будет превышения пределов необходимой обороны, если женщина, защищаясь от группы насильников, применит оружие и причинит смерть кому-либо из нападавших. Действия обороняющегося нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны и в том случае, когда причиненный вред оказался большим, чем предотвращенный и тот, который был достаточен для предотвращения нападения, если при этом не было допущено явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства¹.

Нельзя признать правильной практику, когда причинение посягающему смерти квалифицируется как убийство при превышении пределов необходимой обороны без указания на то, в чем заключалось превышение².

Если для виновного было очевидно, что нападение прекращено, то ч. 1 ст. 108 УК РФ не может быть применена. Причинение смерти в таком случае, в зависимости от обстоятельств дела, может быть квалифицировано либо как убийство из мести, в порядке самочинной расправы (п. 1 ст. 105), либо как убийство в состоянии аффекта (ст. 107), либо по ч. 2 ст. 108 УК РФ. Для разграничения этих преступлений важно установить не только сам факт прекращения посягательства, но и осознание этого обстоятельства обороняющимся, который в силу обстановки нападения и своего психического состояния может и неправильно определить этот момент.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 12. С. 4.

² См., например: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 2. С. 14.

“По смыслу закона состояние необходимой обороны может иметь месть и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом посягательства и когда для оборонявшегося не был ясен момент его окончания. Переход оружия от посягавшего к обороняющемуся сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства”¹.

Причинение смерти при “мнимой обороне”, когда лицо добросовестно заблуждалось, полагая, что оно подвергается нападению, хотя нападения в действительности не было либо оно прекращено, по общим правилам об ошибке не должно влечь ответственности. Однако, если при этом лицо превысило пределы защиты, допустимой в условиях соответствующего реального посягательства, оно подлежит ответственности по ч. 1 ст. 108 УК РФ.

Институт необходимой обороны в российском уголовном праве складывался постепенно и был в общем виде сформулирован в Уголовном уложении 1903 г. Эта формулировка была положена в основу определения необходимой обороны в первых советских кодексах, которое почти без изменения существовало долгие годы. В последнее время ст. 37 УК РФ о необходимой обороне подвергалась изменениям и дополнениям, целью которых было объявлено расширение пределов допустимой защиты. Однако эффект оказался противоположным. Чем больше вносятся дополнительных условий, тем шире оказывается поле за их пределами, что требует дальнейших уточнений либо возврата к прежним формулировкам. Так, выделение особого вида необходимой обороны от посягательств, сопряженных с насилием, опасным для жизни (ФЗ от 19 марта 2002 г.), сузило возможность правомерной защиты от посягательств, не связанных с опасностью для жизни (например, с целью лишить зрения или изнасиловать). Между тем раньше было аксиомой, что нельзя исходить только из соответствия причиненного вреда вреду предотвращенному. А ч. 2.1 ст. 37 в редакции ФЗ от 8 декабря 2003 г., приведенная в предыдущем параграфе, оставляет сомнения относительно правомерности защиты от нападения, которое не было неожиданным. Это возвращало нас к прежней порочной практике, когда вопреки закону не признавалась необходимая оборона, если лицо знало о готовящемся нападении и не уклонилось от него.

По-видимому, следует признать, что попытки формализовать пределы необходимой обороны в законе не должны ограничивать возможности судебной оценки этих пределов.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 5. С. 14; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 6. С. 4—5; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1992. № 10. С. 13—14; 1995. № 8. С. 9—10.

5.4. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 108 УК РФ)

Впервые в российском законодательстве этот вид привилегированного убийства появился в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. В ст. 145 УК РФ, устанавливавшей ответственность за причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны, имелись слова: “...а также убийство застигнутого на месте преступления преступника с превышением необходимых для его задержания мер”. В последующих кодексах этого дополнения не было. В судебной практике подобные ситуации рассматривались применительно к превышению пределов необходимой обороны.

В ч. 2 ст. 108 УК РФ установлена специальная норма об ответственности при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Условия правомерности причинения вреда задержанному и понятие превышения мер, необходимых для задержания, установлены в ст. 38 УК РФ.

Если задержание происходит, когда лицо продолжает начатое посягательство или оказывает сопротивление, то причинение ему смерти является либо необходимой обороной, либо превышением ее пределов. Задержание лица после окончания преступного посягательства с его стороны либо в иной ситуации (например, при побеге) необходимой обороной не является.

Убийство лица при его задержании следует отграничивать от убийства из мести, которое представляет собой акт самочинной расправы. Самоуправное лишение жизни человека, даже совершившего тяжкое преступление, противоречит ст. 20 Конституции РФ.

Одной из целей задержания, как видно из текста ст. 38 УК РФ, является доставление лица, совершившего преступление, органам власти. Убийство задерживаемого исключает возможность достижения данной цели. Поэтому такое убийство может квалифицироваться по ч. 2 ст. 108 УК РФ лишь в случае совершения его с косвенным умыслом, когда виновный не желал, но сознательно допускал причинение смерти задерживаемому.

Другой легальной целью причинения вреда задерживаемому согласно ст. 38 УК РФ является “пресечение возможности совершения им новых преступлений”. Вывод о возможности совершения новых преступлений должен основываться на реальных фактах, а не на предположениях.

Какова бы ни была цель задержания, причинение вреда задерживаемому не является обстоятельством, исключаящим преступность деяния, если имелась возможность задержать лицо иными средствами. Об этом прямо говорится в ч. 1 ст. 38 УК РФ. При наличии такой возможности причинение смерти задерживаемому является неправомерным и не может рассматриваться как “превышение мер, необходимых для задержания”. Если лицо не оказывает сопротивления и не пытается скрыться, умышленное причинение ему смерти недопустимо и должно квалифицироваться либо как убийство по частям 1 или 2 ст. 105 УК РФ, либо как убийство, совершенное в состоянии аффекта, — по ст. 107 УК РФ.

В последнее время в общественном мнении распространяется снисходительное отношение к самосудам как вынужденной мере, обусловленной якобы излишней мягкостью санкций и недостаточной оперативностью мер, применяемых правоохранительными органами по отношению к преступникам. Средства массовой информации иногда в позитивном свете преподносят факты самочинных расправ над пойманными на месте преступления огородными или квартирными ворами.

Не следует трактовать положение ч. 2 ст. 108 УК РФ как поощрение подобных взглядов. Статья 2 Европейской конвенции о правах человека гласит: “Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть намеренно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание”.

5.5. Проблема расширения привилегированных видов убийства

Реформа уголовного законодательства в Российской Федерации привела к увеличению вдвое привилегированных составов убийства и расширению возможностей их применения. Других привилегированных видов убийства, кроме рассмотренных выше, Уголовный кодекс Российской Федерации не знал и не знает. Дальнейшее увеличение их числа нецелесообразно, поскольку неизбежно привело бы к противоречию с одной из основополагающих концепций нашего уголовного законодательства, признающего жизнь человека высшей социальной ценностью. В зарубежном уголовном законодательстве также ограничено число привилегированных составов убий-

ства. Четыре их вида, аналогично УК РФ и в соответствии с Модельным УК, устанавливают лишь Уголовные кодексы некоторых бывших союзных республик (Белоруссии, Казахстана, Латвии, Узбекистана и др.). Уголовное законодательство стран “дальнего зарубежья” обычно ограничивается одним-двумя привилегированными составами. Среди них встречаются детоубийство, убийство в состоянии аффекта и убийство по просьбе потерпевшего.

Вопрос о целесообразности выделения убийства по просьбе потерпевшего в качестве привилегированного состава тесно связан с проблемой эвтаназии. В отечественном уголовном праве соответствующая норма впервые появилась в Уголовном уложении 1903 г. Статья 460 предусматривала смягчение уголовной ответственности за убийство, учиненное по настоянию убитого и из сострадания к нему. Это положение не было воспринято позднейшим законодательством, если не считать упоминавшейся выше попытки в УК РСФСР 1922 г. вообще исключить уголовную ответственность за такое убийство.

В ходе реформы российского уголовного права пришлось вновь вернуться к этой проблеме. Среди ученых-юристов появились сторонники введения в Уголовный кодекс соответствующего привилегированного состава убийства¹. Речь идет о ситуациях, когда просьба или согласие на лишение жизни исходят от безнадежно больного или иным образом обреченного на смерть человека, к тому же находящегося в беспомощном состоянии и испытывающего непереносимые страдания. Именно целям прекращения этих страданий и служит “легкая смерть” (эвтаназия). При этом предполагается, что виновный в причинении смерти действовал по мотиву сострадания.

В зарубежном законодательстве обычно выделяется какой-либо из названных признаков, чаще всего наличие просьбы потерпевшего. Так, в ст. 77 УК Австрии говорится об убийстве “по настоятельной просьбе потерпевшего”, в ст. 579 УК Италии — об убийстве “по соглашению”, в ст. 216 УК ФРГ — “в результате категорической и настойчивой просьбы потерпевшего” и т. п. Иногда к этому добавляется указание на мотив сострадания или жалости к потерпевшему (Уголовные кодексы Швейцарии, Греции, Польши). В ст. 106 проекта УК РФ, принятого Государственной Думой в первом чтении, признаки соответствующего состава преступления были сформулированы следующим образом: “Лишение жизни из сострадания

¹ См.: *Бородин С., Глушков В.* Уголовно-правовые проблемы эвтаназии // *Сов. юстиция.* 1992. № 9—10. С. 34; *Бородин С. В.* Преступления против жизни. М., 1999. С. 86—87.

к потерпевшему (эвтаназия) в связи с его тяжелой неизлечимой болезнью и (или) непереносимыми физическими страданиями при условии его добровольного на то волеизъявления”.

В окончательной редакции УК РФ 1996 г. эта норма не сохранилась. Думается, это связано с большими сомнениями, которые она вызывала. Наряду с тем, что, как отмечалось выше, расширение перечня привилегированных составов убийства нежелательно само по себе, сомнения вызывает возможность точного применения данной нормы ввиду преобладания оценочных и субъективных признаков. Еще в 1923 г., выступая на сессии ВЦИК по вопросу об отмене применения к ст. 143 УК РСФСР, Народный комиссар юстиции Н. В. Крыленко отмечал: “Можно доказать факт настояния (практика дала пример составления в этих видах даже засвидетельствованного протокола), но нельзя проверить факта сострадания”.

Действительно, опровергнуть ссылку виновного на мотив сострадания, который согласно п. “д” ст. 61 УК РФ относится к числу смягчающих обстоятельств, иногда бывает не просто. Так, в деле Х., убившего свою престарелую, тяжелобольную мать, подсудимый утверждал, что совершил это по мотиву сострадания (“чтобы больше не мучилась”). Для проверки этого утверждения суду пришлось тщательно исследовать способ лишения жизни. Было установлено, что виновный избивал потерпевшую руками, а когда она падала с кровати, пинал ее ногами. При таких обстоятельствах ссылка подсудимого на мотив сострадания была отвергнута, и он был осужден к пятнадцати годам лишения свободы. Проблема заключается не только в трудностях установления мотива сострадания, но и в самом содержании понятия сострадания и его применимости к убийству¹.

Сострадание предполагает готовность разделить с другим человеком его страдания. При убийстве же безнадежно больного, страдающего от невыносимой боли, виновный не только не принимает на себя долю его страданий, но и нередко, наоборот, избавляет себя от переживаний, связанных с созерцанием мучений потерпевшего.

Если потерпевший находится в беспомощном состоянии, обязательное смягчение наказания противоречило бы требованию закона об учете этого состояния в качестве квалифицирующего признака.

Не меньше сложностей связано и с установлением таких признаков состава, как “тяжелая неизлечимая болезнь”, “непереносимые физические страдания”. Выдвижение на первый план волеизъ-

¹ См.: Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. Саратов, 1999. С. 196—201.

явления потерпевшего также не спасает положения. Подлинность волеизъявления (будь то согласие, просьба, настояние или категорическое требование) тоже может быть подвергнута сомнению. К тому же такое волеизъявление может быть реакцией насиюминутную ситуацию (острый приступ боли) и не носить устойчивого характера. Известно, как много лиц, желавших покончить с собой, после неудачной попытки суицида отказывались от своего намерения.

Эвтаназия вообще не может быть оправдана ссылкой на естественное право человека распорядиться своей жизнью. Это право юридически неоспоримо, если отвлечься от этических, моральных и религиозных норм. Но никто не вправе приводить в исполнение смертный приговор, вынесенный человеком самому себе. Как сказано выше, эвтаназия — это тоже убийство. Смягчающие же обстоятельства такого убийства, включая мотивы, могут быть учтены при выборе наказания.

В последних исследованиях данной проблемы, проводимых с учетом зарубежного опыта, видны отрицательное отношение к легализации эвтаназии и весьма сдержанная оценка возможности создания в наших условиях привилегированного состава убийства по просьбе потерпевшего¹.

Негативное отношение к эвтаназии как обстоятельству, исключаящему уголовную ответственность за убийство, не означает, что ни воля потерпевшего, ни чувство сострадания у виновного не должны приниматься во внимание. Пункт “д” ст. 61 УК РФ прямо указывает в числе обстоятельств, смягчающих наказание, совершение преступления *по мотиву сострадания*. Однако суд должен его учитывать вкуче с другими данными.

¹ См.: Крылова Н. Е. Эвтаназия: уголовно-правовой аспект // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2002. № 2. С. 17—37.

6. Иные преступления против жизни

6.1. Причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ)

Как отмечалось выше, причинение смерти по неосторожности УК РФ не считает убийством. Употребление более широкого понятия в ст. 109 УК РФ позволяет свободно оперировать этой нормой в случаях неосторожного лишения жизни потерпевшего в процессе осуществления виновным профессиональной деятельности при нарушении каких-либо правил безопасности (если отсутствует специальная норма в УК РФ).

По ст. 109 УК РФ квалифицируется неосторожное причинение смерти как по легкомыслию, так и по небрежности. Причинение смерти по неосторожности следует отличать от невиновного причинения смерти, когда лицо: а) не предвидело возможности наступления смерти потерпевшего от своих действий (бездействия) и по обстоятельствам не должно было и не могло их предвидеть; б) хотя и предвидело возможность причинения смерти, но не могло это предотвратить в силу несоответствия своих психофизических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Вывод о том, было ли причинение смерти неосторожным или случайным, должен строиться на основе тщательного анализа действий лица и всей ситуации¹.

Причинение смерти по неосторожности необходимо отграничивать и от умышленного убийства. Особенные трудности возникают в судебной практике при отграничении убийства с косвенным умыслом от причинения смерти по легкомыслию. И в том, и в другом случае он не желает наступления такого результата, не стремится к нему. Но при косвенном умысле виновный сознательно допускает наступление смерти, часто относится к этому безразлично, не пред-

принимает никаких действий, направленных на предотвращение такого результата. При неосторожности в форме легкомыслия (по терминологии УК РСФСР — преступной самонадеянности) виновный не относится к смерти потерпевшего безразлично, он рассчитывает на свои силы, умение, ловкость, профессиональное мастерство, на то, что в результате принятых им мер либо в результате действий других лиц или каких-либо иных конкретных факторов удастся избежать смертельного исхода. Однако в силу того, что виновный в этих случаях не проявляет должной предусмотрительности, недостаточно учитывает свои возможности или возможности других лиц, смертельный результат все же наступает.

В ст. 109 УК РФ впервые предусмотрены квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления: причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2); причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3).

По ч. 2 ст. 109 ответственность повышается, поскольку объектом преступления является не только жизнь человека, но и общественные отношения в сфере выполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Имеет значение также наличие у виновного профессиональной подготовки, знание им специальных правил безопасности. Данная норма не применяется, если причинение смерти по неосторожности в результате нарушения специальных правил предусмотрено другими статьями УК РФ (например, ст. 215—217, 219—220, 235, 247, 248, 250—252, 263, 264, 266 и др.). По ч. 2 ст. 109 УК РФ могут быть привлечены к ответственности медицинские работники, воспитатели детских учреждений и другие лица, причинившие смерть по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3 ст. 109) также отягчает ответственность ввиду наступления более тяжких последствий.

6.2. Доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ)

Статья 110 УК РФ, устанавливающая ответственность за доведение до самоубийства, содержит ряд новелл по сравнению со ст. 107 УК РСФСР 1960 г. Прежде всего в ст. 110 УК РФ отсутствует указание на материальную или иную зависимость потерпевшего от лица, виновного в доведении до самоубийства. Это означает су-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 4. С. 3—4

щественное расширение круга возможных субъектов данного преступления.

Расширена также объективная сторона преступления, которая состоит в совершении виновным вполне определенных действий, толкающих потерпевшего на самоубийство. По УК РСФСР 1960 г. к таким действиям относились только жесткое обращение или систематическое унижение личного достоинства. Теперь к способам доведения до самоубийства добавлены угрозы. По своему содержанию они могут быть различными. Для квалификации содеянного как доведение до самоубийства не имеет значения, чем угрожает виновный: причинением смерти или вреда здоровью; разглашением сведений, которые потерпевший желал сохранить в тайне; увольнением с работы; разводом; отобранием ребенка; выселением; лишением средств к существованию; поджогом дома или уничтожением другого имущества и т. д. Для признания угрозы способом доведения до самоубийства имеет значение не только ее содержание, но и повторяемость, продолжительность. Даже незначительная угроза может довести потерпевшего до самоубийства, если принимает характер травли. С другой стороны, не всякая угроза, однократно высказанная, даже серьезная по содержанию, может рассматриваться как способ доведения до самоубийства. Не случайно в ст. 107 УК РФ говорится об угрозах во множественном числе. Для наличия состава преступления не имеет значения форма, в которой выражаются угрозы: устно или письменно, открыто или анонимно.

Жестокое обращение может выражаться как в совершении действий, образующих самостоятельный состав преступления (например, умышленное причинение вреда здоровью, истязание), так и в иных действиях. Жестоким обращением могут быть признаны, в частности, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар, понуждение к действиям сексуального характера, лишение пищи, жилья, работы, ущемление иных прав потерпевшего. Закон не требует систематичности этих действий, однако важно установить, что они были направлены на доведение потерпевшего до самоубийства.

Систематическое унижение человеческого достоинства может заключаться в постоянных оскорблениях, клевете, издевательствах, циничном высмеивании физических недостатков жертвы и т. п.

Обязательным признаком объективной стороны данного преступления является самоубийство (причинение смерти самому себе) или покушение на самоубийство потерпевшего. Только с этого момента преступление признается оконченным. Одно лишь высказывание

намерения покончить с собой, приготовление к самоубийству, составление предсмертной записки не образует еще состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. Необходимо также наличие причинной связи между действиями виновного и наступившими последствиями в виде самоубийства и покушения на самоубийство. Состав рассматриваемого преступления будет иметь место только в том случае, если самоубийство или покушение на самоубийство явились результатом угроз, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его человеческого достоинства.

Если потерпевший совершает самоубийство в ответ на правомерные действия лица (например, при угрозе привлечения к ответственности, разоблачения преступной деятельности), то состав преступления отсутствует.

С субъективной стороны доведение до самоубийства может быть совершено с любой формой умысла. При прямом умысле виновный предвидит возможность самоубийства потерпевшего, желает этого, а при косвенном — сознательно допускает тот же результат. Существует мнение, что при наличии прямого умысла на доведение до самоубийства потерпевшего содеянное является убийством, которое должно квалифицироваться по ст. 105 УК РФ. Так, Н. К. Семернева утверждает: “При наличии прямого умысла на доведение до самоубийства виновный должен нести ответственность за убийство. То обстоятельство, что лишение жизни выполняется самим потерпевшим, не имеет значения для квалификации деяния”¹. С ней солидаризируется Т. А. Плаксина².

Такое мнение ошибочно. Странники его упускают из виду различия в объективной стороне убийства и доведения до самоубийства. При совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в отличие от убийства виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. Потерпевший принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый своими сознанием и волей.

Неосторожное доведение лица до самоубийства в принципе возможно. Однако в силу ч. 2 ст. 24 УК РФ ответственность в этом случае исключается, поскольку в ст. 110 УК РФ нет указания на неосторожную форму вины.

¹ Уголовное право. Особенная часть / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой, Г. П. Новоселова. М., 1997. С. 40.

² Плаксина Т. А. Уголовная ответственность за убийство. Ч. 1. Барнаул, 1998. С. 36.

Доведение до самоубийства или склонение к самоубийству малолетнего ребенка или психически больного, не отдающих отчета в своих действиях, следует рассматривать как убийство путем опосредованного причинения смерти и квалифицировать по ч. 1 или 2 ст. 105 УК РФ. Возможно также физическое принуждение лица к самоубийству, когда жертва лишается возможности проявить свою волю. Такие действия виновного также представляют собой убийство.

Субъектом преступления может быть лицо, от которого потерпевший находился в служебной, материальной или иной зависимости, а также любое другое лицо. Если доведение до самоубийства совершено должностным лицом, его действия квалифицируются как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 110 и п. "в" ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с причинением тяжких последствий). Ответственность за доведение до самоубийства наступает по достижении шестнадцатилетнего возраста.

Доведение до самоубийства или покушение на него путем совершения действий, образующих самостоятельный состав преступления (побои, истязание, причинение тяжкого или иного вреда здоровью, незаконное лишение свободы, изнасилование, вымогательство и т. д.), требует квалификации по совокупности указанных преступлений и по ст. 110 УК РФ.

7. Преступления против здоровья

7.1. Понятие и система преступлений против здоровья

Одной из важнейших задач Уголовного кодекса является реализация права на охрану здоровья, гарантированного ст. 41 Конституции РФ. Среди преступлений против личности посягательства на здоровье человека по своему значению примыкают к преступлениям против жизни и объединены с ними в одной гл. 16 УК РФ. *Объектом преступлений, предусмотренных ст. 111—125 УК РФ, является здоровье как физиологическое состояние организма человека на момент совершения преступления.*

Понятие преступлений против здоровья и система составов этих преступлений в российском уголовном праве сложились к началу прошлого века и были закреплены в Уголовном уложении 1903 г., а затем с некоторыми изменениями в Уголовных кодексах РСФСР 1922 и 1926 гг. В общих чертах эта система сохранилась и в УК РСФСР 1960 г. Основное место там отводилось телесным повреждениям различной степени тяжести. К ним относились тяжкое телесное повреждение (ст. 108), менее тяжкое телесное повреждение (ст. 109) и легкое телесное повреждение двух видов: повлекшее кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности (ч. 1 ст. 112) и не повлекшее указанных последствий (ч. 2 ст. 112). К легкому телесному повреждению приравнивалось и нанесение побоев. Телесные повреждения в уголовном праве определялись обычно как нарушение анатомической целостности органов и тканей человеческого тела или их правильного функционирования¹. Данное определение по своей сути не вызывало сомнений и не вызывает их и сейчас. Однако возникали трудности при квалификации иных видов причинения вреда здоровью (заболеваний, патологических состояний). Наличие же понятия телесного повреждения, не повлекшего расстройства здоровья, приводило некоторых исследователей к выводу, что объектом преступления может считаться не здо-

¹ См.: Курс советского уголовного права. Т. 5. М.: Наука, 1971. С. 82.

ровые потерпевшего, а “телесная неприкосновенность” или “организм человека”. Некоторые юристы, сводившие преступления против здоровья к телесным повреждениям, полагали, что побои и истязания не могут рассматриваться как преступления против здоровья, ибо они направлены не на нарушение анатомической целостности и физиологических функций органов и тканей, а на причинение потерпевшему физической боли¹. Для такого взгляда нет оснований. С точки зрения медицины, физическая боль — это не только сигнал о неблагополучии в организме. Боль сама по себе несет вред здоровью, будучи специфической реакцией живого организма на повреждающее воздействие. Многие проявления этой реакции могут быть зафиксированы объективно: сужение сосудов, повышение кровяного давления, свертываемости крови, содержание в ней сахара и др. Побои и истязания — это способ действия, последствием которого может быть вред здоровью любой степени, вплоть до тяжкого. Закон считает эти действия опасными и наказывает их в зависимости от последствий. Если же последствия не наступили (или не установлены), побои и истязания рассматриваются как самостоятельное преступление, своеобразный “усеченный состав” причинения вреда здоровью.

Замена термина “телесные повреждения” более широким понятием “вред здоровью” способствовала унификации терминологии. В прежнем УК “вред здоровью” упоминался как последствие многих преступлений, наряду с такими последствиями, как “несчастные случаи с людьми”, “человеческие жертвы или иные тяжкие последствия”. Термин “телесные повреждения” употреблялся для характеристики как последствий преступления, так и для самого действия. Поэтому вполне обоснованными были выражения типа: “телесное повреждение, повлекшее (или не повлекшее) те или иные последствия”. Теперь же акцент перенесен именно на характер последствий, а способ действия не сводится к телесным повреждениям.

Преступление против здоровья можно определить как *противоправное, умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью другого человека*. Правомерное причинение вреда здоровью потерпевшего (при необходимой обороне, крайней необходимости и т. д.) не может рассматриваться как преступление против здоровья. Причинение вреда собственному здоровью рассматривается как преступление только в случае, когда оно является способом посягательства на другой объект. Например, членовредительство с целью уклонения от исполнения обязанностей военной службы является пре-

¹ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Том 3. Л., 1973 С. 550.

ступлением против военной службы (ст. 339 УК РФ). В период тотального запрещения абортов существовала уголовная ответственность для женщины, самостоятельно сделавшей себе аборт (ст. 140-б УК РСФСР 1926 г., отмененная 2 сентября 1954 г.).

Объектом уголовно-правовой охраны является здоровье любого человека, независимо от фактического состояния его здоровья. Здоровье ребенка может быть объектом посягательства уже в процессе родов. Согласие потерпевшего на причинение вреда его здоровью, как правило, не освобождает виновного от ответственности, за исключением особо регулируемого законом изъятия органов или тканей для трансплантации. Причинение вреда здоровью одним участником спортивных соревнований другому нельзя рассматривать как противоправное, если соревнования были заведомо связаны с обоюдным риском и не были нарушены установленные для этого вида спорта обязательные правила.

Система преступлений против здоровья по УК РФ может быть представлена следующим образом:

1. *Общие виды* (ст. 111 — 118) и *специальные виды* посягательства на здоровье (ст. 119—123). К последним примыкают преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье (ст. 124—125).

2. По *форме вины* преступления против здоровья могут быть *неосторожными* (ст. 118) или *умышленными* (все остальные).

3. По *степени тяжести* причиненного вреда здоровью различаются:

- а) тяжкий вред здоровью (признаки его даны в ст. 111);
- б) средней тяжести вред здоровью (ст. 112);
- в) легкий вред здоровью (ст. 115).

4. По *способу действия* среди общих видов преступлений против здоровья выделены: побои (ст. 116) и истязание (ст. 117).

5. По наличию *привилегирующих признаков* выделены: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (ст. 113), при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 114).

*Общие виды преступлений против здоровья — это причинение вреда здоровью различной степени тяжести, выразившееся в нарушении анатомической целостности органов и тканей человеческого тела или их правильного функционирования либо повлекшее заболевания или патологические состояния*¹.

¹ В юридической литературе вместо анатомической целостности иногда говорится об “анатомической целостности” тканей (органов), что не соответствует стилистике языка.

Уголовный кодекс РФ предусматривает четыре критерия тяжести вреда здоровью:

1. *Опасность для жизни.* По этому признаку тяжкий вред здоровью отличается от иных видов вреда.

2. *Наступление последствий, конкретно названных в законе.* Данный критерий используется только в ст. 111 УК РФ. Признаками тяжкого вреда здоровью являются: а) потеря зрения, речи, слуха или какого-либо органа либо утрата органом его функций; б) прерывание беременности; в) психическое расстройство; г) заболевание наркоманией или токсикоманией; д) неизгладимое обезображение лица.

3. *Размер и характер стойкой утраты трудоспособности:* а) значительная стойкая утрата *общей трудоспособности не менее чем на одну треть* (ст. 111 УК РФ); б) заведомо для виновного *полная утрата профессиональной трудоспособности* (ст. 111 УК РФ); в) *значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть* (ст. 112 УК РФ); г) *незначительная стойкая утрата общей трудоспособности* (ст. 115 УК РФ).

4. *Продолжительность временного расстройства здоровья:* а) *длительное* расстройство здоровья (ст. 112 УК РФ); б) *кратковременное* расстройство здоровья (ст. 115 УК РФ).

Для установления степени тяжести вреда здоровью, причиненного конкретным преступлением, требуются специальные знания, поэтому назначается судебно-медицинская экспертиза. В своих выводах эксперты руководствуются данными медицинской науки, а также ведомственными правилами и инструкциями, разработанными на основе обобщения экспертной практики¹.

Объективную сторону преступления, относящегося к общим видам причинения вреда здоровью, составляет любое действие или бездействие, отвечающее признакам, установленным в ст. 111—118 УК РФ, и повлекшее указанные там последствия. Способ действия возможен любой, за исключением тех случаев, когда он имеет квалифицирующее значение (ч. 2 и 3 ст. 111, ч. 2 ст. 112 УК РФ) или является конституирующим признаком преступления (ст. 117 УК РФ).

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 111—117 УК РФ, характеризуется прямым или косвенным умыс-

¹ До недавнего времени применялись Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью, утвержденные приказом МЗ РФ от 10 декабря 1996 г. № 407, который признан утратившим силу приказом МЗ РФ от 14 сентября 2001 г. № 361. Подобные правила адресуются специалистам-экспертам и не могут служить основанием для вывода о бланкетном характере соответствующих норм Уголовного кодекса РФ.

лом. За неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью ответственность наступает по ст. 118 УК РФ. В Уголовном кодексе РФ нет общих норм, устанавливающих ответственность за неосторожное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью. Однако это не исключает возможности включения такого вреда в число признаков состава преступления, посягающего на другой объект, например, общественную безопасность. В настоящее время дискутируется вопрос о том, насколько обоснованным было исключение вреда здоровью средней тяжести из признаков состава ч. 1 ст. 264 УК РФ. Неосторожное причинение вреда средней тяжести здоровью предусмотрено в числе последствий неоказания помощи больному (ч. 1 ст. 124 УК РФ).

Для умышленного причинения вреда здоровью наиболее типичен *неконкретизированный умысел*, когда виновный предвидит и желает или сознательно допускает причинение вреда здоровью другого лица, но не представляет конкретно объем этого вреда и нередко лишен возможности регулировать степень тяжести причиняемого вреда здоровью. Квалификация содеянного при неконкретизированном умысле определяется в зависимости от фактически наступивших последствий, поскольку умыслом виновного охватывалось причинение любого вреда здоровью. При прямом конкретизированном умысле ответственность должна наступать за тот вред здоровью, который охватывался умыслом виновного. Если при этом реально был причинен менее тяжкий вред или вообще вред здоровью не был причинен, то виновный отвечает за покушение на причинение того вреда здоровью, который он желал причинить. Цели и мотивы умышленного причинения вреда здоровью имеют значение для квалификации содеянного, когда закон связывает с ними повыше-ние ответственности (ч. 2 ст. 11, ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Субъект причинения вреда здоровью — физическое вменяемое лицо, достигшее в одних случаях 14 лет (ст. 111, 112 УК РФ), в других — 16 лет (ст. 113—118 УК РФ).

7.2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ)

Перечень альтернативных признаков тяжкого вреда здоровью установлен ст. 111 УК РФ. Важнейший из них — создание *опасности для жизни*. При наличии данного признака причинение вреда здоровью признается тяжким независимо от того, повлекло ли это какие-нибудь последствия. Наличие и тяжесть наступивших последствий учитываются при назначении наказания.

Опасным для жизни вредом здоровью считается состояние, угрожающее жизни, иначе говоря, которое может закончиться смертью. Предотвращение смертельного исхода в результате оказания медицинской помощи не изменяет оценку вреда здоровью как опасного для жизни.

Опасным для жизни вредом здоровью могут быть как *телесные повреждения*, так и *заболевания и патологические состояния*. Первую группу составляют повреждения, которые по своему характеру создают угрозу для жизни потерпевшего и могут привести его к смерти. К ним относятся, в частности, проникающие ранения черепа, в том числе и без повреждения головного мозга; открытые и закрытые переломы костей свода и основания черепа, ушиб головного мозга тяжелой степени; проникающие ранения позвоночника; некоторые другие повреждения позвоночника; ранения, проникающие в грудную и брюшную полости; открытые переломы длинных трубчатых костей; повреждение крупных кровеносных сосудов: некоторые термические ожоги в зависимости от их степени и площади поражения.

Ко второй группе относятся *заболевания или патологические состояния*, возникшие в результате воздействия различных внешних факторов (механических, физических, химических, биологических, психических) и закономерно осложняющиеся угрожающим жизни состоянием или сами представляющие угрозу для жизни человека: шок тяжелой степени; кома различной этиологии; массивная кровопотеря; острая сердечная или сосудистая недостаточность и другие виды тяжелых состояний.

Не все из опасных для жизни повреждений одинаково распространены в судебной практике. Для умышленного причинения тяжкого вреда здоровью наиболее характерны проникающие раны черепа, грудной клетки, брюшной полости, повреждения крупных кровеносных сосудов, тяжелые ожоги и некоторые другие.

Благоприятный исход таких повреждений, обусловленный оказанием медицинской помощи, не влияет на оценку их как опасных для жизни. Аналогично решается вопрос, когда опасные для жизни повреждения повлекли лишь временное расстройство здоровья (кратковременное или длительное) либо стойкую утрату трудоспособности менее чем на одну треть.

Независимо от опасности для жизни признаком тяжкого вреда здоровью является наступление хотя бы одного из перечисленных в ст. 111 УК РФ *конкретных последствий*.

Потеря зрения считается полная стойкая слепота на оба глаза или такое состояние, когда имеется понижение зрения до 0,04 и ниже

Полная потеря зрения на один глаз также относится к причинению тяжкого вреда здоровью.

Потеря речи как признак причинения тяжкого вреда здоровью впервые специально выделена в законе. Под потерей речи следует понимать потерю способности выражать свои мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих.

Потеря слуха выражается в полной глухоте или таким необратимым состоянием, когда человек не слышит разговорной речи на расстоянии 3—5 см от ушной раковины.

Потеря какого-либо органа либо утрата его функций (помимо упомянутых потери слуха, зрения или речи) может представлять собой анатомическую потерю руки или ноги как полностью, так и в виде ампутации не ниже локтевого или коленного сустава. Утратой функций руки или ноги может явиться паралич или иное состояние, исключающее их деятельность.

Тяжким вредом здоровью признается также *потеря производительной способности*, которая заключается в потере способности к совокуплению либо в потере способности к оплодотворению, зачатию, вынашиванию и деторождению.

Неизгладимое обезображение лица может быть результатом различных действий виновного: причинения ранения колющими или режущими орудиями, воздействия открытого огня, раскаленных предметов, кипятка, кислоты и других агрессивных жидкостей. Оно может выражаться в удалении или искажении формы носа, губ, в образовании глубоких шрамов и рубцов и т. п. Обезображением является не всякое повреждение, оставившее след на лице, а лишь такое изменение естественного вида лица, которое придает внешности потерпевшего крайне неприятный, отталкивающий или устрашающий вид. Само повреждение не обязательно должно находиться на лице (лицевой поверхности головы). Важно, что оно искажает внешний облик человека (“образ” — корень слова “обезображение”). В практике признавалось обезображением отсечение ушей, наличие грубых рубцов на передне-боковой поверхности шеи, необратимое уничтожение волосяного покрова на голове у женщины и т. п.

Вопрос о неизгладимости повреждения решается судом на основании заключения судебно-медицинской экспертизы, а наличие обезображения суд устанавливает самостоятельно, руководствуясь эстетическим критерием. Делая вывод о наличии данного оценочного признака на основе экспертного заключения о неизгладимости повреждения, суд не принимает в расчет предполагаемую возможность его последующего устранения или значительного уменьше-

ния посредством дополнительной хирургической операции. Подобную операцию называют косметической или пластической, поскольку она производится в косметических целях методами пластической хирургии.

Закон (ст. 111 УК РФ) приравнял неизгладимое обезображение лица к тяжкому вреду, независимо от опасности для жизни, длительности заболевания или размера утраты трудоспособности.

Прерывание беременности, независимо от ее срока, рассматривается здесь как последствие умышленных действий, направленных на причинение вреда здоровью (побои, ранения, иные травмы, применение отравляющих веществ и т. д.). В этом отличие данного преступления от незаконного производства аборта (ст. 123 УК РФ), когда умысел виновного направлен на плодизгнание, а не на причинение вреда здоровью.

Психическое расстройство — этим термином охватывается как “хроническое психическое расстройство”, так и “временное психическое расстройство” (ст. 21 УК РФ). *Заболевание наркоманией или токсикоманией* — данный признак причинения тяжкого вреда здоровью впервые предусмотрен в законе.

Самостоятельным признаком тяжкого вреда здоровью является *значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полная утрата профессиональной трудоспособности*. Трудоспособность как способность человека к труду непосредственно связана с состоянием его здоровья. Поэтому размер утраты трудоспособности позволяет косвенно определить степень вреда, причиненного здоровью. Ранее при определении степени утраты трудоспособности учитывалась только утрата общей трудоспособности, поскольку это более полно отражает размер вреда, причиненного объекту преступления — здоровью человека. Однако практика иногда сталкивалась с ситуациями, когда виновный умышленно причинял потерпевшему такое повреждение, которое заведомо полностью лишало его профессиональной трудоспособности, хотя общая трудоспособность сохранялась или утрачивалась незначительно (например, повреждение пальцев на руке скрипача). Новая редакция нормы позволяет учесть повышенную опасность такого преступления в связи с наличием дополнительного объекта посягательства (наряду со здоровьем — возможность продолжения профессиональной деятельности).

Размер стойкой (т. е. бесповоротной) утраты трудоспособности устанавливается судебно-медицинской экспертизой после определившегося исхода повреждения на основании объективных данных, с

учетом специальных таблиц процентов утраты трудоспособности, рассчитанной для отдельных видов вреда здоровью с округлением до 5%. Значительной стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть считается утрата трудоспособности на 35% и более. При определении степени утраты трудоспособности иногда приходится сталкиваться с определенными трудностями. Так, весьма проблематичным является установление полной утраты профессиональной трудоспособности¹. Спорным представляется вопрос об оценке тяжести вреда здоровью человеку, который уже был частично нетрудоспособен. Очевидно, было бы неправильно использовать здесь арифметическое вычитание имевшегося процента утраты трудоспособности. Надо помнить о равной защите права на здоровье для всех граждан, независимо от имевшегося ранее заболевания или повреждения. Надо учитывать и содержание умысла, который, как отмечено, может быть неконкретизированным относительно размера вреда.

Квалифицирующие признаки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в основном идентичны квалифицирующим признакам убийства. Однако если все квалифицирующие признаки убийства закон рассматривает как равнозначные, то в ст. 111 УК РФ они, в зависимости от их отягчающего значения, разделены на три категории (ч. 2, 3, 4 ст. 111 УК РФ).

К числу признаков, которые почти дословно совпадают с аналогичными квалифицирующими признаками убийства, относится умышленное причинение тяжкого вреда здоровью:

- в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
- общеопасным способом;
- из хулиганских побуждений;
- в целях использования органов или тканей потерпевшего;
- группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой;
- в отношении двух и более лиц.

В характеристике других квалифицирующих признаков имеются некоторые отличия от квалифицирующих признаков убийства. Пункт “б” ч. 2 ст. 111 УК РФ предусматривает ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное с особой жестокостью, *издевательством или мучениями* для потер-

¹ См.: БВС РФ. 2004. № 8. С. 16—17.

певшего или в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Под *издевательством* следует понимать такой способ причинения тяжкого вреда здоровью, который сопровождается действиями, унижающими человеческое достоинство жертвы. *Мучения* — это действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья, тепла либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях, и другие сходные действия.

Наиболее опасным видом рассматриваемого преступления является умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ). Это деяние представляет собой сложный состав преступления с двумя формами вины: умысел (прямой или косвенный, а также неконкретизированный) по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожность (в форме легкомыслия или небрежности) по отношению к наступившей смерти.

Отграничение данного преступления от убийства проводится по субъективной стороне. Для квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 необходимо, прежде всего, установить отсутствие умысла на убийство. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” указал судам, что, решая вопрос о направленности умысла виновного, они должны “исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения”.

Важное значение имеет правильная оценка способа нанесения повреждений. Так, нанесение ножевого ранения в руку или ногу, в результате которого от повреждения артерии, вызвавшего острую потерю крови, наступила смерть потерпевшего, как правило, свидетельствует об умысле на причинение тяжкого вреда здоровью, а не на убийство.

Областной суд осудил В. по п. “б” ст. 102 УК РСФСР (п. “и” ч. 2 ст. 105 УК РФ) за то, что он в ходе драки нанес ему ножом два удара в бедро, от которых Б. в тот же день скончался. Президиум Верховного Суда переqualificировал содеянное на ч. 4 ст. 111 УК РФ и указал, что вывод о виновности в убийстве основан лишь на факте наступления смерти без учета конкретных обстоятельств дела. Судом установлено, что В. в ходе обоюдной драки с Б. упал вместе

с ним на землю и, желая освободиться от навалившегося на него Б., умышленно нанес ему два удара ножом в ногу, затем оттолкнул его и убежал. Из акта судебно-медицинской экспертизы видно, что потерпевшему причинены две колото-резаные раны левого бедра, в результате чего была перерезана нисходящая ветвь левой подвздошной артерии, что вызвало смерть от острого малокровия внутренних органов. Нанесение ранений в ногу подтверждает доводы подсудимого об отсутствии у него умысла на убийство при наличии неосторожной вины по отношению к смерти потерпевшего.

Если же тяжкий вред здоровью, повлекший смерть потерпевшего, был причинен по неосторожности, ответственность по ч. 4 ст. 111 исключается. Г. был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Во время ссоры в общежитии он нанес С. кулаком удар в лицо. Тот упал и ударился головой о ручку стоявшей в углу комнаты гимнастической гири. От полученного тяжкого телесного повреждения С. скончался. Президиум областного суда изменил квалификацию на ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности) и указал: “Суд не учел, что Г. мог нести ответственность по ч. 4 ст. 111 лишь при условии, что он предвидел возможность падения С. на единственную стоящую в комнате гирю, получения им тяжкого вреда здоровью, и желал этого или сознательно допускал. Таких обстоятельств по делу не установлено. Ударяя потерпевшего, Г. мог и должен был предвидеть эти последствия, то есть относился к ним неосторожно”.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью не требует самостоятельной квалификации, когда закон предусматривает в качестве признака другого состава преступления. Воронцов был признан судом виновным в том, что он напал на свою родственницу и нанес ей по голове три удара топором для рубки мяса, причинив тяжкий вред здоровью. После этого забрал у потерпевшей 20 тыс. руб. и с ними скрылся. Действия Воронцова были квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 3 ст. 162 (в прежней редакции) и ч. 1 ст. 111 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ при рассмотрении дела в надзорном порядке исключил осуждение Воронцова по ч. 1 ст. 111 УК РФ и указал: “Содеянному Воронцовым дана неправильная юридическая оценка. Действия Воронцова, связанные с нападением на потерпевшую с целью завладения ее деньгами, в результате которых потерпевшей был причинен тяжкий вред здоровью, квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 3 ст. 162 и ч. 1 ст. 111 УК РФ. По смыслу уголовного закона причинение вреда здоровью при разбое полностью охватывается соста-

вом этого преступления. Поэтому, если при разбое причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего, дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 111 УК РФ не требуется¹.

В практике встречаются случаи ошибочного применения ст. 111 УК РФ, если причинение тяжкого вреда здоровью предшествовало убийству. Голощапов был осужден судом по ч. 1 ст. 111 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Установлено, что между Голощаповым и потерпевшим произошла драка, в ходе которой Г. несколько раз ударил потерпевшего головой о выступающую часть металлической ручки на воротах гаража. В результате его действий потерпевшему были причинены телесные повреждения различной степени тяжести, в том числе вдавленный перелом наружной пластины лобной кости, которые являются опасными для жизни в момент причинения. По окончании драки Г. и присутствующий при избиении свидетель Р. ушли, а потерпевший остался лежать на земле. Спустя некоторое время Г. возвратился на место происшествия, ударил потерпевшего ногой в лицо, а затем, взяв под руки, оттащил к железнодорожному пути и положил на рельсы. Проходящий поезд совершил наезд на потерпевшего, вследствие чего он получил травмы, несовместимые с жизнью, и скончался на месте.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ признала, что вывод суда о квалификации содеянного осужденным как убийство, так и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью противоречит обстоятельствам дела.

“Так, из показаний осужденного видно, что он прекратил избиение потерпевшего, так как понял, что не сможет его убить в присутствии свидетеля Р. Лишь проводив его домой, вернулся на место происшествия и довел свой умысел до конца, т. е. совершил убийство.

Помимо этого в материалах уголовного дела нет доказательств, свидетельствующих о том, что телесные повреждения, вызвавшие тяжкий вред здоровью, причинены именно в момент обоюдной драки, а не в результате действий осужденного, квалифицированных как убийство”.

Судебная коллегия исключила из приговора осуждение по ч. 1 ст. 111 УК РФ².

Аналогичную позицию заняла Военная коллегия Верховного Суда РФ по делу Барнева и Климкина, осужденных по п. “а” ч. 3 ст. 111 и п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

¹ БВС РФ. 2004. № 6. С. 28.

² Обзор судебной практики Верховного Суда за III квартал 2001. С. 13.

“Избивая вдвоем Оганесяна руками и ногами, Барнев и Климкин причинили ему сначала тяжкие, опасные для жизни, телесные повреждения. Продолжая затем свои преступные действия и не оставляя потерпевшему шансов для спасения, они довели преступление до конца и лишили его жизни. Таким образом, преступление, начатое ими как менее тяжкое, переросло затем в более тяжкое.

Поэтому причиненный Оганесяну умышленно тяжкий вред здоровью охватывался составом преступления, предусмотренного п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, и дополнительной квалификации не требовал. Осуждение Барнева и Климкина по п. “а” ч. 3 ст. 111 УК РФ было ошибочным”¹.

7.3. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) и легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ)

Причинение средней тяжести вреда здоровью характеризуется в тексте ст. 112 двумя негативными и двумя позитивными признаками. Негативные признаки служат для отграничения средней тяжести вреда здоровью от тяжкого: причинение средней тяжести вреда здоровью: а) не опасно для жизни и б) не причиняет тех конкретных последствий, которые перечислены в ст. 111 УК РФ. Специфические признаки средней тяжести вреда здоровью указаны в позитивной форме: а) длительное расстройство здоровья или б) значительная стойкая утрата трудоспособности менее чем на одну треть.

Под *длительным расстройством здоровья* имеется в виду заболевание или нарушение функций какого-либо органа продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня). Продолжительность заболевания на практике обычно определяется сроком временной нетрудоспособности, зафиксированным в больничном листке, истории болезни или другом медицинском документе. Однако эти медицинские документы не могут быть автоматически положены в основу квалификации содеянного. Длительность лечения не всегда строго определяется характером травмы. Возможна ситуация, когда листок нетрудоспособности не выдается либо больной отказывается от его получения (например, неработающий либо пенсионер).

Под *значительной стойкой утратой трудоспособности менее чем на одну треть* в судебно-медицинской практике принято понимать стойкую утрату общей трудоспособности от 10 до 30% вклю-

¹ Верховный Суд РФ. Определение № бн-54/03 от 22 апреля 2003 г.

чительно. Процент утраты трудоспособности устанавливается судебно-медицинской экспертизой, когда уже определен исход заболевания, вызванного травмой или иным причинением вреда здоровью. Средней тяжести вред здоровью выражается, например, в мелких закрытых переломах костей, потере пальца на руке или ноге, потере слуха на одно ухо, ранениях мягких тканей и других повреждениях, не опасных для жизни и не вызвавших последствий, прямо указанных в ст. 111 УК РФ.

Ответственность за *умышленное причинение легкого вреда здоровью* наступает по ст. 115 УК РФ при наличии одного из двух признаков: а) если действия виновного вызвали кратковременное расстройство здоровья; б) если в результате наступила незначительная стойкая утрата трудоспособности.

Кратковременным может быть признано расстройство здоровья продолжительностью не свыше трех недель (21 день).

В случае временной нетрудоспособности менее шести дней либо если время нетрудоспособности не было зафиксировано, причинение легкого вреда здоровью может быть квалифицировано по ст. 116 УК РФ как побои или совершение иных действий, причинивших физическую боль. Под *незначительной* стойкой утратой трудоспособности понимается утрата общей трудоспособности в размере 5%.

Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. ст. 115 УК РФ дополнена частью второй, где устанавливается повышенная ответственность при наличии квалифицирующего признака: совершение деяния из хулиганских побуждений.

7.4. Побои и истязание (ст. 116 и 117 УК РФ)

Побои или иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, также имеют своим *объектом* здоровье (см. выше).

С *объективной стороны* побои представляют собой нанесение неоднократных ударов. Нанесение одного удара не может называться побоями. При отсутствии последствий, предусмотренных ст. 115 УК РФ, нанесение единственного удара может рассматриваться как оскорбление действием или способ совершения другого насильственного преступления (например, грабежа).

Нанесение побоев, совершение иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, *из хулиганских побуждений* квалифицируются теперь по ч. 2 ст. 116 (Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Истязанием (ст. 117 УК РФ) признается “причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 настоящего Кодекса”.

Способами истязания, наряду с систематическим нанесением побоев, могут быть любые действия, связанные с многократным или длительным причинением боли, — щипание, сечение, причинение множественных, хотя и небольших, повреждений тупыми или колющими предметами, воздействие термических факторов, блокирование дыхания, использование электротока, насильственные действия оскорбительного характера и т. д.

Все перечисленные действия приобретают характер истязания, если они совершаются систематически, продолжительное время и в силу этого связаны с длительными физическими и психическими страданиями. Наличие нескольких самостоятельных эпизодов нанесения побоев одному потерпевшему со значительным разрывом во времени нельзя рассматривать как истязание. При наступлении в результате истязания тяжкого или средней тяжести вреда здоровью содеянное квалифицируется соответственно по п. “б” ч. 2 ст. 111 или п. “в” ч. 2 ст. 112 УК РФ. Статья 117 УК РФ в таких случаях не применяется в силу прямого указания в ч. 1 настоящей статьи.

Большинство из *квалифицирующих признаков* ч. 2 ст. 117 УК РФ совпадают с аналогичными признаками тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Специфический для данного состава преступления квалифицирующий признак истязания — “с применением пытки” (п. “д” ч. 2). Согласно примечанию к ст. 117 УК РФ “под пыткой в настоящей статье и в других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях”.

Как показывает практика, пытка может применяться с целью получения какой-либо информации (например, сведений, составляющих коммерческую тайну), признания в чем-либо (например, в нарушении супружеской верности), принуждения к выполнению каких-либо действий (например, передачи квартиры). При пытке могут использоваться разнообразные орудия. Применение пытки в качестве средства принуждения к даче показаний квалифицируется как преступление против правосудия по ч. 2 ст. 302 УК РФ.

7.5. Причинение вреда здоровью при наличии привилегирующих обстоятельств и по неосторожности

В ст. 113 и 114 УК РФ предусмотрены привилегированные составы умышленного причинения вреда здоровью. Статья 113 устанавливает ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии аффекта. По своему содержанию состав этого преступления аналогичен составу убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), отличаясь от него только последствиями.

Статья 114 УК РФ предусматривает смягченную ответственность за умышленное причинение: тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1); за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ч. 2). Эта норма аналогична ст. 108 УК РФ. Причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью в состоянии необходимой обороны и причинение легкого вреда при задержании преступника, как правило, не выходят за рамки необходимости и потому не рассматриваются в качестве преступления.

Статья 118 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ предусматривает ответственность за причинение по неосторожности только тяжкого вреда здоровью. Неосторожное причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью не образует состава данного преступления. Ответственность повышается при наличии квалифицирующего признака, названного в ч. 2: то же деяние, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Усиление ответственности в этих случаях связано с тем, что лицо в процессе исполнения профессиональных обязанностей должно соблюдать наряду с общими также специальные правила безопасности, обусловленные профессиональной деятельностью. Данная статья не применяется, если причинение вреда здоровью в процессе выполнения профессиональных обязанностей предусмотрено специальными нормами (например ст. 216, 219, 263, 264, 266, 269 УК РФ).

7.6. Специальные виды причинения вреда здоровью (ст. 119–123 УК РФ)

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Эту норму нельзя рассматривать как установление ответственности за преступления против жизни и здоровья со стороны обнаружения умысла. Речь идет о самостоятельном составе преступления, со своими объективными и субъективными признаками. Вред, причиняемый угрозой потерпевшему, состоит в создании для него тревожной обстановки, страха за свою или своих близких жизнь и здоровье, что иногда вынуждает жертву к определенным действиям. Умышленное создание таким способом психотравмирующей ситуации само по себе является посягательством на здоровье человека, независимо от намерения виновного приводить или нет в исполнение данную угрозу. Поэтому именно здоровье является объектом данного преступления

Угроза может быть выражена в любой форме: устно, письменно, жестами, демонстрацией оружия и т. д. Важно, чтобы угроза была воспринята потерпевшим. Именно с этого момента преступление следует считать оконченным, если имелся разрыв во времени между высказыванием угрозы и ее восприятием. Например, в случае отправки письма угрожающего содержания по почте, передачи угрозы через третьих лиц либо с использованием электронных средств. Возможно покушение на это преступление, если угроза не достигла сознания потерпевшего по причинам, не зависящим от воли виновного.

Содержание угрозы по ст. 119 УК РФ составляет высказывание намерения лишить жизни или причинить тяжкий вред здоровью. Угроза уничтожением имущества либо причинением какого-нибудь иного вреда, а также неопределенная угроза не образует состава данного преступления.

Ответственность за угрозу наступает, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. При оценке реальности осуществления угрозы необходимо учитывать все обстоятельства конкретного дела: обстановку преступления, взаимоотношения виновного и потерпевшего и др.

Если же виновный не только высказывает угрозу, но и совершает действия, направленные на ее осуществление, его действия должны быть квалифицированы как приготовление к убийству или умышленному причинению тяжкого вреда здоровью либо как покушение на совершение этих преступлений.

Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации — новый вид преступления против здоровья (ст. 120 УК РФ).

Преступление следует считать оконченным, когда виновный путем насилия или угроз добился согласия потерпевшего на изъятие его органов или тканей. Последующее фактическое изъятие органа или тканей требует квалификации по совокупности со статьей, предусматривающей причинение умышленного вреда здоровью.

Квалифицированными видами данного преступления являются а) совершение деяния в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии; б) то же в отношении лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного.

Заражение другого лица венерической болезнью (ст. 121 УК РФ) — преступление против здоровья со специальным субъектом. Таковым может быть только лицо, больное венерической болезнью и знающее о наличии у него этой болезни. Венерическими болезнями называют большую группу заболеваний, передаваемых преимущественно половым путем. Заражение неполовым путем (через посуду, белье и т. п.) характерно только для сифилиса.

Строгая оценка этого преступления связана не только с традиционным представлением о связи его с половой распущенностью. Уголовное преследование имеет еще и профилактическое значение, поскольку такие заболевания плохо излечиваются и приводят нередко к таким тяжелым осложнениям, как бесплодие, патологические изменения в организме детей, родившихся от переболевших родителей.

Преступление считается оконченным, когда потерпевший фактически заболел венерической болезнью, если имеется причинная связь с действиями субъекта. Преступление предполагает наличие прямого или косвенного умысла. Виновный сознает, что, вступая в половое сношение, заражает другое лицо венерической болезнью и желает этого либо сознательно допускает.

Квалифицированный вид данного преступления предусмотрен в ч. 2 ст. 121 УК РФ при наличии одного из двух признаков: а) совершение того же деяния в отношении двух или более лиц; б) совершение того же деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего.

Заражение ВИЧ-инфекцией. Статья 122 УК РФ предусматривает четыре вида этого преступления. В ч. 1 установлена ответственность за одно лишь поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией (формальный состав).

Часть 2 ст. 122 УК РФ предусматривает ответственность за фактически наступившее заражение другого лица ВИЧ-инфекцией. За-

ражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

В ч. 3 ст. 122 УК РФ установлены два квалифицирующих признака заражения другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, аналогичные квалифицирующим признакам ч. 2 ст. 121.

Часть 4 ст. 122 УК РФ содержит самостоятельный состав преступления. Субъектом его является только лицо, совершающее заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Речь идет, прежде всего, о медицинских работниках.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 122 УК РФ дополнена примечанием, согласно которому лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

Незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ). Незаконным признается аборт, произведенный не просто лицом без высшего медицинского образования, а лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Иными словами, субъектом преступления может быть врач, специальность которого не дает ему права производить подобные операции: терапевт, стоматолог и пр.

В новой редакции статьи предусмотрена повышенная ответственность за единственный квалифицированный вид незаконного аборта: если действия виновного повлекли по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью.

Производство аборта во внебольничной обстановке или при отсутствии медицинских показаний не образует данного состава преступления, если аборт произведен врачом надлежащей специальности и тяжких последствий не наступило.

7.7. Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье

Неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ) и оставление в опасности (ст. 125 УК РФ). Уголовная ответственность за *неоказание помощи больному* (ст. 124) теперь предусмотрена только для

случаев, когда это повлекло по неосторожности причинение определенных последствий: средней тяжести вреда здоровью больного (ч. 1), смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью (ч. 2). Преступление совершается путем бездействия; виновный не выполняет действий, необходимых в данной ситуации для спасения жизни, облегчения страданий потерпевшего или его лечения. *Специальным субъектом* преступления является только лицо, обязанное оказывать медицинскую помощь больным в силу закона или специального правила.

Преступление, предусмотренное ст. 125 УК РФ, состоит в бездействии, выразившемся в *оставлении без помощи* лица, которое находится в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишено возможности принять меры к самосохранению. Ответственность по ст. 125 УК РФ наступает при наличии двух обязательных условий а) виновный *имел возможность* оказать такую помощь лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, и б) был *обязан иметь о нем заботу* либо *сам поставил* его в опасное для жизни или здоровья состояние. Обязанность лица иметь заботу о потерпевшем может вытекать из закона (например, обязанность родителей заботиться о малолетних детях), из трудовых отношений (обязанность педагога, воспитателя), из договора (обязанности няни, сиделки, телохранителя, проводника экспедиции), из предшествующего поведения виновного (сам вызвался присмотреть за ребенком) и т. д.

Среди случаев, когда виновный сам поставил потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние, наряду с неосторожным причинением вреда здоровью лица судебная практика признает также заведомое оставление водителем без помощи жертвы дорожно-транспортного происшествия независимо от того, виновен ли водитель в нарушении правил дорожного движения или нет.

Состав данного преступления формальный. Преступление считается совершенным самим фактом уклонения от оказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии, независимо от наступления каких-либо реальных последствий. Лицо совершает деяние в форме бездействия, с прямым умыслом, сознавая, что оставляет потерпевшего в опасном для жизни состоянии.

В судебной практике не принято квалифицировать дополнительно по ст. 125 действия лица, которое поставило другое в опасное для жизни или здоровья состояние в результате покушения на убийство или умышленного причинения вреда здоровью, поскольку считается, что оставление в опасности охватывается составом названных преступлений.

Жгилев и Щебенков осуждены за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также за заведомое оставление его без помощи. Суд первой инстанции квалифицировал их действия по п. “а”, “в” ч. 3 ст. 111 и ст. 125 УК РФ. Согласно приговору преступления совершены ими при следующих обстоятельствах. Встретив вечером на улице потерпевшего Н., они беспричинно, из хулиганских побуждений в ходе ссоры, переросшей в драку, причинили последнему телесные повреждения, относящиеся к тяжкому вреду здоровью, опасному для жизни человека. После избития потерпевшего Щебенков и Жгилев оставили его без помощи лежащим на земле.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия указала: “Жгилев и Щебенков обоснованно признаны виновными в умышленном причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека. Вместе с тем в действиях Жгилева и Щебенкова отсутствует состав преступления, предусмотренный ст. 125 УК РФ.

По смыслу закона ответственность за оставление потерпевшего в опасности наступает в случае неоказания помощи лицу, находившемуся в беспомощном состоянии вследствие неосторожных действий виновного либо в результате иных, не зависящих от него причин.

По данному делу установлено, что в беспомощное состояние Нестерова привели Жгилев и Щебенков своими умышленными преступными действиями, за что обоснованно осуждены по п. “а” ч. 3 ст. 111 УК РФ. Лицо, причинившее потерпевшему умышленно тяжкий вред здоровью, не может нести ответственности за оставление потерпевшего в опасности”¹.

¹ Верховный Суд РФ Определение от 20 ноября 2002 г. по Делу № 68-Дп02-6 ЕСПС КонсультантПлюс).

наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью. (в ред. Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ).

Статья 106. Убийство матерью новорожденного ребенка

Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта

1. Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 108. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

1. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, — наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок.

2. Убийство, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на тот же срок.

Статья 109. Причинение смерти по неосторожности

1. Причинение смерти по неосторожности —

Приложение 1

Преступления против жизни и здоровья

Глава 16 УК РФ

Статья 105. Убийство

1. Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, — наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет.

2. Убийство:

а) двух или более лиц;
б) лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;
в) лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением человека либо захватом заложника;

г) женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

д) совершенное с особой жестокостью;

е) совершенное общеопасным способом;

ж) совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

з) из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом;

и) из хулиганских побуждений;

к) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера;

л) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести;

м) в целях использования органов или тканей потерпевшего, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

н) утратил силу. — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(часть вторая в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

3. Причинение смерти по неосторожности двум или более лицам —

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(часть третья введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 110. Доведение до самоубийства

Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего —

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

(часть первая в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ).

2. Те же деяния, совершенные:

- а) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

- б) с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

- в) общеопасным способом;

- г) по найму;

- д) из хулиганских побуждений;

- е) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;

- ж) в целях использования органов или тканей потерпевшего, —

наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

- а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

- б) в отношении двух или более лиц, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. 162-ФЗ)

- в) утратил силу — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть, —

наказывается арестом на срок от трех до шести месяцев или лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

- а) в отношении двух или более лиц;

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей — наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(часть вторая в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

3. Причинение смерти по неосторожности двум или более лицам —

наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(часть третья введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 110. Доведение до самоубийства

Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего —

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет или лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до восьми лет.

(часть первая в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ).

2. Те же деяния, совершенные:

а) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

б) с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

в) общеопасным способом;

г) по найму;

д) из хулиганских побуждений;

е) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды;

ж) в целях использования органов или тканей потерпевшего, — наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

б) в отношении двух или более лиц, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

в) утратил силу — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ

наказываются лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, —

наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет.

Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни человека и не повлекшего последствий, указанных в статье 111 настоящего Кодекса, но вызвавшего длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть, —

наказывается арестом на срок от трех до шести месяцев или лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

в) с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего, а равно в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии;

г) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) из хулиганских побуждений;

е) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

ж) утратил силу. — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 113. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта

Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательствами или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, —

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок.

Статья 114. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, —

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на срок до одного года.

2. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, —

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок.

Статья 115. Умышленное причинение легкого вреда здоровью

1. Умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок от двух до четырех месяцев

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. То же деяние, совершенное из хулиганских побуждений, — наказывается обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

(часть вторая введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 116. Побой

1. Нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего Кодекса, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

наказываются штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо арестом на срок до трех месяцев.

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. 162-ФЗ).

2. Те же деяния, совершенные из хулиганских побуждений, — наказываются обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до одного года, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет

(часть вторая введена Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 117. Истязание

1. Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 настоящего Кодекса, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное:

а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

г) в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника;

д) с применением пытки;

е) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

ж) по найму;

з) по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, —

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет.

Примечание. Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях

(примечание введено Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 118. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

1. Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности — наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными

работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. То же деяние, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, —

наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

3. Утратила силу. — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

4. Утратила силу. — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, —

наказывается ограничением свободы на срок до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

Статья 120. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации

1. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения, —

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, совершенное в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Статья 121. Заражение венерической болезнью

1. Заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, —

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. То же деяние, совершенное в отношении двух или более лиц либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, —

наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет либо лишением свободы на срок до двух лет

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

Статья 122. Заражение ВИЧ-инфекцией

1. Заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией —

наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года.

2. Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

3. Деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, совершенное в отношении двух или более лиц либо в отношении заведомо несовершеннолетнего, —

наказывается лишением свободы на срок до восьми лет.

4. Заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Примечание. Лицо, совершившее деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

(примечание введено Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 123. Незаконное производство аборта

1. Производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля, —

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. Утратила силу. — Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ.

3. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшей либо причинение тяжкого вреда ее здоровью, —

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ)

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Статья 124. Неоказание помощи больному

1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, —

наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок от двух до четырех месяцев

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью, —

наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Статья 125. Оставление в опасности

Заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел

возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем работу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние, —

наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев, либо лишением свободы на срок до одного года

(в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ).

Приложение 2

Пленум Верховного Суда Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 27 января 1999 г. № 1

О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)

В целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего ответственность за умышленное причинение смерти другому человеку, Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. При рассмотрении дел об убийстве, являющемся особо тяжким преступлением, за совершение которого возможно назначение самого строгого наказания из предусмотренных ст. 44 УК РФ видов наказаний, суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела.

По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение

для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания.

2. Если убийство может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом, то покушение на убийство возможно лишь с прямым умыслом, т. е. когда содеянное свидетельствовало о том, что виновный осознавал общественную опасность своих действий (бездействия), предвидел возможность или неизбежность наступления смерти другого человека и желал ее наступления, но смертельный исход не наступил по не зависящим от него обстоятельствам (ввиду активного сопротивления жертвы, вмешательства других лиц, своевременного оказания потерпевшему медицинской помощи и др.).

3. Необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности.

При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения.

4. По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений).

5. По п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство двух или более лиц, если действия виновного охватывались единым умыслом и были совершены, как правило, одновременно.

Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

6. По п. "б" ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство лица или его близких, совершенное с целью воспрепятствования правомерному осуществлению данным лицом своей служебной деятель-

ности или выполнению общественного долга либо по мотивам мести за такую деятельность.

Под осуществлением служебной деятельности следует понимать действия лица, входящие в круг его обязанностей, вытекающих из трудового договора (контракта) с государственными, муниципальными, частными и иными зарегистрированными в установленном порядке предприятиями и организациями независимо от формы собственности, с предпринимателями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству, а под выполнением общественного долга — осуществление гражданином как специально возложенных на него обязанностей в интересах общества или законных интересах отдельных лиц, так и совершение других общественно полезных действий (пресечение правонарушений, сообщение органам власти о совершенном или готовящемся преступлении либо о местонахождении лица, разыскиваемого в связи с совершением им правонарушений, дача свидетелем или потерпевшим показаний, изобличающих лицо в совершении преступления, и др.).

К близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

7. По п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии) надлежит квалифицировать умышленное причинение смерти потерпевшему, неспособному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

При квалификации действий виновного по п. “в” ч. 2 ст. 105 УК РФ по признаку “убийство, сопряженное с похищением человека либо захватом заложника”, следует иметь в виду, что по смыслу закона ответственность по данному пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ наступает не только за умышленное причинение смерти самому похищенному или заложнику, но и за убийство других лиц, совершенное виновным в связи с похищением человека либо захватом заложника. Содеянное должно квалифицироваться по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст. 126 или ст. 206 УК РФ.

8. При квалификации убийства по п. “д” ч. 2 ст. 105 УК РФ надлежит исходить из того, что понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости. При этом для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью.

Признак особой жестокости наличествует, в частности, в случаях, когда перед лишением жизни или в процессе совершения убийства к потерпевшему применялись пытки, истязание или совершалось глумление над жертвой либо когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т. д.). Особая жестокость может выражаться в совершении убийства в присутствии близких потерпевшему лиц, когда виновный сознавал, что своими действиями причиняет им особые страдания.

Глумление над трупом само по себе не может расцениваться в качестве обстоятельства, свидетельствующего о совершении убийства с особой жестокостью. Содеянное в таких случаях, если не имеется других данных о проявлении виновным особой жестокости перед лишением потерпевшего жизни или в процессе совершения убийства, следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 и по ст. 244 УК РФ, предусматривающей ответственность за надругательство над телами умерших.

Уничтожение или расчленение трупа с целью сокрытия преступления не может быть основанием для квалификаций убийства как совершенного с особой жестокостью.

9. Под общеопасным способом убийства (п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного представляет опасность для жизни не только потерпевшего, но хотя бы еще одного лица (например, путем взрыва, поджога, производства выстрелов в местах скопления людей, отравления воды и пищи, которыми помимо потерпевшего пользуются другие люди).

Если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства наступила смерть не только определенного лица, но и других лиц, содеянное надлежит квалифицировать, помимо п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. “а” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в случае причинения другим лицам вреда здоровью — по п. “е” ч. 2 ст. 105 УК РФ и

по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью.

В тех случаях, когда убийство путем взрыва, поджога или иным общеопасным способом сопряжено с уничтожением или повреждением чужого имущества либо с уничтожением или повреждением лесов, а равно насаждений, не входящих в лесной фонд, содеянное, наряду с п. "е" ч. 2 ст. 105 УК РФ, следует квалифицировать также по ч. 2 ст. 167 или ч. 2 ст. 261 УК РФ.

10. При квалификации убийства по п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать содержащееся в ст. 35 УК РФ определение понятия преступления, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой лиц.

Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения). Убийство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе совершения одним лицом действий, направленных на умышленное причинение смерти, к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица).

Предварительный сговор на убийство предполагает выраженную в любой форме договоренность двух или более лиц, состоявшуюся до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. При этом, наряду с соисполнителями преступления, другие участники преступной группы могут выступать в роли организаторов, подстрекателей или пособников убийства, и их действия надлежит квалифицировать по соответствующей части ст. 33 и п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ.

11. По п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершенное в целях

получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т. п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.).

Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом следует квалифицировать убийство в процессе совершения указанных преступлений. Содеянное в таких случаях квалифицируется по п. "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности со статьями УК РФ, предусматривающими ответственность за разбой, вымогательство или бандитизм.

12. По п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство, совершенное на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства).

Если виновный, помимо убийства из хулиганских побуждений, совершил иные умышленные действия, грубо нарушавшие общественный порядок, выражавшие явное неуважение к обществу и сопровождавшиеся применением насилия к гражданам либо угрозой его применения, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества, то содеянное им надлежит квалифицировать по п. "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК РФ.

Для правильного отграничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре либо драке следует выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован виновным для использования его в качестве повода к убийству. Если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, а равно в случае, когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение, виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений.

13. По смыслу закона квалификация по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью

скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений.

Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. “к” ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ.

14. В соответствии со ст. 16 УК РФ, определяющей понятие неоднократности преступлений, по п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицируются действия виновного, совершившего два или более убийства при отсутствии единого умысла на их совершение и, как правило, в разное время. Убийство признается совершенным неоднократно, если ему предшествовало совершение преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РФ и (или) ст. ст. 102, 103 УК РСФСР. По смыслу закона основанием для квалификации действий виновного по п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ является также совершение им ранее преступлений, предусмотренных ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ и (или) ст. 66, 67, 191.2, п. “в” ст. 240 УК РСФСР. При этом для квалификации содеянного как убийства, совершенного неоднократно, не имеет значения, был ли виновный осужден за первое преступление, совершил ли он ранее оконченное преступление либо покушение на убийство, являлся ли он исполнителем или иным соучастником этого преступления.

Если виновный в разное время совершил два убийства, за первое из которых он не был судим, содеянное в целом должно квалифицироваться по п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии других квалифицирующих признаков — также по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Аналогично должен решаться вопрос при совершении виновным двух покушений на убийство, за первое из которых он не был судим. Все действия надлежит квалифицировать по ч. 3 ст. 30 и п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ и, кроме того, по соответствующим пунктам ч. 2

ст. 105 УК РФ, предусматривающим квалифицирующие признаки обоих покушений на убийство.

Содеянное не может квалифицироваться по п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ, если судимость за ранее совершенное умышленное причинение смерти другому человеку была погашена или снята, а также в случае освобождения судом лица от уголовной ответственности за ранее совершенное убийство в связи с истечением сроков давности.

15. Суд вправе в данном судебном заседании изменить квалификацию действий подсудимого с п. “а” на п. “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ и, наоборот, если это не ухудшает его положения и не нарушает права на защиту (не связано с существенным изменением фактических обстоятельств дела, в том числе относящихся к мотиву, цели и способу убийства, с вменением эпизодов, увеличивающих фактический объем ранее предъявленного обвинения, и т. д.). Во всех остальных случаях изменение судом обвинения с одного на другой пункт ч. 2 ст. 105 УК РФ без возвращения дела для дополнительного расследования недопустимо.

16. По смыслу закона убийство не должно расцениваться как совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных п. “а”, “г”, “е”, “н” ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения либо при превышении пределов необходимой обороны.

17. Убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам. Наказание же в таких случаях не должно назначаться по каждому пункту в отдельности, однако при назначении его необходимо учитывать наличие нескольких квалифицирующих признаков.

В случаях, когда подсудимому вменено совершение убийства при квалифицирующих признаках, предусмотренных несколькими пунктами ч. 2 ст. 105 УК РФ, и обвинение по некоторым из них не подтвердилось, в описательной части приговора достаточно с приведением надлежащих мотивов сформулировать вывод о признании обвинения по тем или иным пунктам необоснованным.

18. Действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Аналогично по совокупности с ч. 2 ст. 203 УК РФ должны квалифицироваться действия руководителя или служащего частной охранной или детективной службы, совершившего убийство при превышении полномочий, предоставленных ему в соответствии с лицензией, вопреки задачам своей деятельности.

19. Убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо осужденного с целью воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части ст. 105 УК РФ, по ст. 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

20. При назначении наказания за убийство необходимо учитывать все обстоятельства, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, а также личность виновного, его отношение к содеянному, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. Равным образом должны быть исследованы данные, относящиеся к личности потерпевшего, его взаимоотношения с подсудимым, а также поведение, предшествовавшее убийству.

Смертная казнь как исключительная мера наказания может применяться за совершение особо тяжкого преступления, посягающего на жизнь, лишь тогда, когда необходимость ее назначения обуславливается особыми обстоятельствами, свидетельствующими о высокой степени общественной опасности содеянного, и, наряду с этим, крайне отрицательными данными, характеризующими виновного как лицо, представляющее исключительную опасность для общества.

При назначении виновному пожизненного лишения свободы в приговоре в силу ст. 57 УК РФ должны быть указаны мотивы назначения этого наказания как альтернативы смертной казни, которую суд счел возможным не применять.

21. По каждому делу об умышленном причинении смерти другому человеку надлежит устанавливать причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и при наличии к тому оснований реагировать на них в предусмотренном процессуальным законом порядке.

22. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 15 “О судебной практике по

делам об умышленных убийствах” и считать не действующими на территории Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 “О судебной практике по делам об умышленном убийстве” и от 22 сентября 1989 г. № 10 “О выполнении судами руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении уголовных дел об умышленных убийствах”.

*Председатель
Верховного Суда
Российской Федерации*
В. М. ЛЕБЕДЕВ

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации*
В. В. ДЕМИДОВ

Г. Н. Борзенков

**Квалификация преступлений
против жизни и здоровья**

Учебно-практическое пособие

ИКД “Зерцало-М”
Лицензия № 003601 от 20 ноября 2000 г.
Подписано в печать 24.01.2005.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 9,0.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 291

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП “Типография “НАУКА”
121099, Москва, Шубинский пер., 6